

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Калужский государственный университет»

На правах рукописи

КУУЗ АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА АТРИБУЦИИ
В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ)**

Научная специальность: 5.9.8 Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Калуга – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АТРИБУЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	15
1.1. Эволюция изучения атрибуции: от психологических теорий к дис- курсивным стратегиям в политической коммуникации.....	15
1.2. Политический дискурс как арена атрибуционных практик: жанро- вые особенности интервью и инструменты управления восприятием.....	33
1.3. Атрибуция как феномен аргументации в политической коммуника- ции: теоретические основания и модели анализа.....	45
1.4. Комплексная лингвистическая модель анализа атрибуционных кон- структов в политическом интервью.....	55
Выводы по Главе 1.....	75
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА АТРИБУЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ.....	79
2.1. Диспозиционная атрибуция в политических интервью современ- ных американских президентов.....	79
2.1.1. Атрибуционные инструменты в аргументативном аспекте..	80
2.1.2. Лексико-семантический аспект анализа.....	105
2.1.3. Грамматический аспект анализа.....	111
2.1.4. Интерактивный ракурс анализа.....	120
2.2. Ситуативная атрибуция в политических интервью современных американских президентов.....	129
2.2.1. Инструменты ситуативной атрибуции в аргументативном анализе.....	130
2.2.2. Лексико-семантический ракурс анализа.....	147
2.2.3. Грамматический ракурс анализа.....	152
2.2.4. Интерактивный ракурс анализа.....	158
2.3. Количественные результаты анализа.....	162

Выводы по Главе 2.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	177
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	190
ПРИЛОЖЕНИЕ	192

ВВЕДЕНИЕ

Проблема языковой репрезентации каузальности в политическом дискурсе остаётся недостаточно разработанной в лингвистическом отношении, несмотря на значительный интерес к феномену атрибуции в социальной психологии и политических науках. Атрибуция – приписывание причин поведению социальных акторов – традиционно изучалась как когнитивный процесс, однако в публичной политической коммуникации она приобретает статус целенаправленной лингвистической практики, обслуживающей аргументативные стратегии обвинения, защиты и убеждения. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва между классическими психологическими моделями атрибуции и современными дискурсивно-ориентированными подходами, а также потребностью в разработке комплексного лингвистического инструментария для анализа того, как через языковые средства конструируются и транслируются аудитории схемы политической ответственности и каузальности в ключевом жанре политической коммуникации – интервью. Несмотря на значительный интерес к проблеме атрибуции в социальной психологии и политических науках, её языковые маркеры, роль в структуре аргументации и диалогическая динамика в жанре политического интервью остаются недостаточно изученными. Существует потребность в разработке комплексной лингвистической модели, где аргументативная функция атрибуции выступает интегративной основой, а её операционализация осуществляется через три аналитических аспекта (лексико-семантический, грамматический и интерактивный), объединённых сквозной аргументативной рамкой, где атрибуция обеспечивает содержательное наполнение логического Основания (Warrant) в структуре политического довода, а также реализуется в системе стратегий (присвоение успеха, снятие ответственности, дискредитация оппонента, фрейминг), что позволяет восполнить существующий пробел и углубить понимание того, как через язык конструируются и транслируются схемы политической ответственности.

Степень разработанности проблемы. Феномен атрибуции имеет междисциплинарный статус и изучается как в психологии, так и в лингвистике, однако в каждой из этих областей сложились свои традиции. В социальной психологии основы теории атрибуции были заложены в работах Ф. Хайдера [Heider 1958: 80–85], Э. Джонса и К. Дэвиса [Jones, Davis 1965], Г. Келли [Kelley 1967; 1973], Б. Вайнера [Weiner 1985; 1986], исследовавших когнитивные механизмы приписывания причин поведению и связанные с этим систематические смещения – фундаментальную ошибку атрибуции [Ross 1977], тенденцию в пользу своего «Я». Дальнейшее развитие атрибуционной проблематики связано с изучением роли атрибуции в межгрупповых отношениях [Hewstone 1990], анализом атрибуции ответственности [Гулевич, Безменова 1998], а также дискурсивным переосмыслением атрибуции как коммуникативной практики [Edwards, Potter 1992; Antaki 1994; Billig 1996; Malle 2004]. В лингвистике атрибуция изучается преимущественно в рамках политической лингвистики, где каузальные конструкторы рассматриваются как инструменты идеологического конструирования реальности и управления восприятием ответственности [Кашкин 2007; Чудинов 2006; Шейгал 2000; 2004]. Лексико-семантические аспекты каузальности разработаны в трудах по функциональной семантике [Арутюнова 1999; Кобозева 2000; Падучева 2004; Вольф 2006; Fillmore 1968]. Значительный вклад в понимание аргументативной природы атрибуции внесён работами по теории аргументации и прагматике [Toulmin 1958; Баранов 1990; Волков 2009; Емерен, Гроотендорст 1994; Walton 1996; Eemeren 2018], а также исследованиями калужской школы лингвоаргументологии [Васильев 1994; 1999; Беседина 2011; Зайцева 2012; Мищук 2013]. Жанровая специфика политического интервью и интерактивные тактики его участников исследованы в работах [Clayman, Heritage 2002; Bull 2003; Bull, Fetzer 2006; Harris 1991; Великодворская 2019]. Вместе с тем сохраняется разрыв между психологическими моделями атрибуции, описывающими когнитивные механизмы, и лингвистическими подходами, анализирующими

языковые формы. Отсутствуют комплексные модели, которые бы интегрировали аргументативную функцию атрибуции с её лексико-семантическим, грамматическим и интерактивным воплощением применительно к жанру политического интервью. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела.

Объектом исследования в диссертации является политическое интервью как жанр политической коммуникации в его аргументативном измерении.

Предметом изучения выступают интенциональные структуры, языковые маркеры диспозиционной и ситуативной атрибуции, а также интерактивные инструменты их координации в аргументации политического интервью.

Цель исследования состоит в комплексном лингвистическом анализе диспозиционной и ситуативной атрибуции в аргументативной структуре политического интервью, а также определении их специфики в процессах речевого взаимодействия.

Эта цель достигается путем решения следующих **задач**:

1. Провести анализ и реконцептуализацию понятия 'атрибуция' в рамках лингвистики дискурса, сместив фокус с когнитивно-психологической на лингвоаргументативную трактовку феномена.

2. Определить специфику жанра политического интервью как институциональной сферы реализации атрибуции, выявив ключевые параметры, способствующие их актуализации.

3. Разработать комплексную лингвистическую модель анализа атрибуционного инструмента в политическом дискурсе, где аргументативная функция выступает интегративной основой, а её лингвистическая реализация осуществляется через лексико-семантический, грамматический и интерактивный аспекты дискурса;

4. Выявить и систематизировать языковые маркеры диспозиционной и ситуативной атрибуции в политических интервью современных президентов США, установив связь между конкретными языковыми средствами и реализуемыми прагматическими функциями.

5. Проанализировать роль интенциональных структур в реализации обвинения и защиты, а также их функционирование в ходе политической аргументации.

6. Провести сопоставительный анализ атрибуционных инструментов в интервью высших американских политиков, представляющих различные идеологические позиции, выявив устойчивые дискурсивно-стилевые модели и количественные различия в использовании диспозиционной и ситуативной атрибуции.

Теоретической и методологической базой исследования послужили работы в области теории дискурса ([Борботько 1998; Дейк 1989; Карасик 2000; Чернявская 2003; Фуко 1996; Blommaert 2005; Stubbs 1983; Wodak 1997] и др.); аргументологии ([Баранов 1990; Баребина 2018; Брутян 1984; Васильев 1999; 2014; Демьянков 1983; 1989; Еемеерен, Гроотендорст 1994; Еемеерен, Гроотендорст, Третьякова 2004; Хенкеманс 2002; Фанян 2000; Хенкеманс 2002; Blair 1987; Cohen 1995; 1998; Ducrot 1984; Eemeren, Grootendorst, Henkemanns 1996; Ehninger, Brockriede 1963; 1973; 1978; Freeley 1990; Freeman 1992; Gilbert 1996; Gronbeck 1998; Hamblin 1970; Hample 1985; Henkemanns 1992; Henkemanns 1999; Jackson 1987; Johnson 1987; 1998 (a), (b); Klein 1987; Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969; Toulmin 1958; Trapp 1987; Walton 1995; 1996; Willard 1978] и др.); теории речевых жанров ([Арутюнова 1992; Баранов 1997; Бахтин 1979; Воронцова 2009; Дементьев, Седов 1997; Жанры речи 1997; 1999; Карасик 2002; Кожина 1999; Крысин 1989; Седов 1997; Сиротинина 1994; 1999; Стернин 1993; Федосюк 1997; Формановская 1988; Чижова 1999; Шейгал 2002; Шелестюк 2014; Шмелев 1997] и др.); прагмалингвистики ([Маслов 2008; Матвеева, Ленец, Петрова 2013; Соколовская 2013; Столбовская 2019]); функциональная лингвистика ([Булыгина, Крылов 1990; Трубецкой 1939; Якобсон 1975]); работы в области психологии общения ([Heider 1958; Kelley 1967; 1973; Jones Davis, 1965; Ross 1977; Hewstone 1990; Tetlock 2002; Weiner 1985; 2006; Gilbert, Malone 1995; Malle 2004; 2011] и др.).

Научная новизна данного исследования состоит в том, что: а) разработана комплексная лингвистическая модель анализа атрибуции, в которой аргументативная функция выступает интегративной основой, а её операционализация осуществляется через лексико-семантический, грамматический и интерактивный уровни; б) впервые выделены и систематизированы приёмы мета-атрибуции как рефлексивного переопределения каузальности в диалоге; в) установлены интерактивные инструменты координации языковых средств атрибуции в структуре обвинения и защиты; г) на материале интервью четырёх президентов США впервые проведён сопоставительный анализ атрибуционных профилей, выявивший партийно-обусловленные различия в употреблении диспозиционной и ситуативной атрибуции.

Теоретическая значимость исследования заключается: в раскрытии коммуникативной сущности и лингвистических особенностей феномена атрибуции и соответствующем расширении собственно психологического объема этого понятия; в демонстрации роли вербальной аргументации в реализации атрибуционных возможностей речевоздействия; в комплексном рассмотрении принципиальных характеристик, составляющих и способов реализации политического интервью высшими государственными лицами; в расширении потенциала междисциплинарных исследований: работа вносит вклад в развитие лингвистики, политической психологии и теории коммуникации, предоставляя конкретный инструментарий для изучения взаимосвязи языка, идеологии и власти. Результаты исследования открывают перспективы для дальнейших возможностей применения предложенного исследовательского аппарата для критического анализа процессов и результатов речевого воздействия.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее результатов:

– в образовательном процессе: при разработке курсов и спецкурсов по политической лингвистике, критическому дискурс-анализу, риторике и политической коммуникации для студентов филологических, политологических и журналистских специальностей.

– в прикладных исследованиях: предложенная модель и методика анализа могут быть адаптированы для лингвистической экспертизы политических текстов, анализа медийных стратегий, а также в политическом консалтинге для анализа и подготовки публичных выступлений.

Материалом исследования выступает корпус расшифровок (стенограмм) восьми политических интервью президентов США первой четверти XXI в. – Дональда Трампа, Джорджа Буша (младшего), Джо Байдена и Барака Обамы, отобранных по принципу общности обсуждаемых тем (кризисы, внешняя политика, внутренние конфликты). Общий объем проанализированного текстового материала составляет 66 000 словоупотреблений. Методом сплошной выборки было выделено и проанализировано 420 атрибуционных конструкций. В совокупности было просмотрено 77 политических интервью высших государственных лиц разных стран для формирования выборки; из этих интервью для детального анализа в соответствии с предметом исследования были отобраны по указанному принципу 8 текстов вышеозначенных президентов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В дискурсе политического интервью атрибуция представляет собой лингвистически оформленную практику, выполняющую ключевую аргументативную функцию. Она служит центральным средством построения убедительных доводов, направленных на легитимацию собственной позиции, делегитимацию оппонента и управление восприятием причинно-следственных связей у аудитории. Атрибуционные конструкции обеспечивают содержательное наполнение Основания (Warrant) в структуре аргумента по модели С. Тулмина, связывая Данные с Тезисом через конкретное объяснение (диспозиционное или ситуативное).

2. Принципиальные типы атрибуции манифестируются языковыми маркерами, которые выступают в качестве конкретных интенциональных структур аргументирования:

а) диспозиционная (личностно-ориентированная) атрибуция аргументативно манифестируется через лексико-семантические средства, акцентирующие внутренние свойства агента (оценочная лексика, семантическое поле катастрофы), и грамматические конструкции, эксплицитно кодирующие агентность и ответственность (активный залог, притяжательные конструкции, конструкции с агентом-подлежащим);

б) ситуативная (контекстно-ориентированная) атрибуция реализуется через лексику внешних обстоятельств и грамматические инструменты деагентивизации (пассивные конструкции, номинализации, безличные обороты, конструкции с формальным подлежащим), что позволяет снять или смягчить персональную ответственность за выбор и содержание приводимого довода.

3. Языковые маркеры диспозиционной и ситуативной атрибуции функционируют как основные средства в структуре базовых интерактивных рамок – ‘обвинения’ и ‘защиты’:

а) в стратегии ‘обвинения’ доминируют средства диспозиционной атрибуции, используемые для приписывания вины через квалификацию действий оппонента как умышленных и обусловленных негативными личностными качествами;

б) в стратегии ‘защиты’ преимущественно используется комплекс средств ситуативной атрибуции для экстернализации причин и снятия ответственности, который может сочетаться с позитивной диспозиционной атрибуцией для самопрезентации.

4. Эффективность атрибуции достигается в процессе диалогической интеракции через координацию языковых ресурсов разных уровней. Аргументативный замысел коммуникантов получает языковую реализацию в конкретном лексическом выборе, который, в свою очередь, оформляется определенными грамматическими конструкциями; их актуальное использование и адаптация происходят в режиме реального времени в ходе диалогического обмена ‘стимул – реакция’ с применением тактик атрибуционного преследования

(журналист) и ответ-мост, перенаправления вины, управления темпоральностью (политик). Устойчивые паттерны такой координации формируют типичные лингвоаргументативные профили политических акторов, количественно различающиеся по доминированию диспозиционной или ситуативной атрибуции. Идеологическая позиция политика коррелирует с выбором атрибуционного типа: республиканцы в анализируемом корпусе тяготеют к диспозиционной атрибуции (персонализация ответственности), тогда как демократы – к ситуативной (контекстуализация проблем).

Метод исследования выполнен в русле интегративного подхода, сочетающего принципы дискурсивного анализа и теории аргументации. Методологическим основанием для операционализации данного подхода послужила аргументно-функциональная модель, разработанная в трудах представителей калужской школы лингвистической аргументологии (Л.Г. Васильев, В.А. Беседина, А.Н. Зайцева и др.) и доказавшая свою эффективность при анализе дискурсивных практик. В рамках настоящего исследования данная модель подвергается модификации и расширению за счёт интеграции в неё аспектов атрибуционного анализа – лексико-семантического, грамматического и интерактивного, – что позволило разработать комплексную лингвистическую модель анализа атрибуции применительно к жанру политического интервью. Таким образом, предложенная модель представляет собой не альтернативу существующей аргументно-функциональной методике, а её целенаправленную адаптацию к задачам изучения диспозиционной и ситуативной атрибуции. На завершающем этапе для верификации и обобщения выводов, полученных в ходе применения модифицированной модели, привлекались общенаучные методы систематизации, классификации, сопоставительного анализа и количественного подсчёта, а также элементы тактико-стратегического, контекстуального и структурно-функционального анализа.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается опорой на теоретические исследования отечественных и зарубежных ученых в области философии, психологии общения,

социопсихологии, социо- и лингвистической прагматики, дискурсологии, лингвистической аргументологии, что в совокупности обеспечивает комплексный подход к изучению феноменов атрибуции в аргументативном дискурсе. Достоверность также подтверждается репрезентативностью корпуса (четыре президента от разных партий), сочетанием количественного подсчета с качественным дискурс-анализом и общим объемом проанализированного материала (420 атрибуционных конструкторов). Полученные данные и их интерпретация не противоречат общей картине научных достижений в области теории речевой коммуникации, прагмалингвистики, лингвоаргументологии и политической лингвистики.

Апробация описанных в работе теоретических положений и результатов осуществлена в ходе выступлений с докладами на международных, всероссийских и региональных конференциях:

– Республиканская научно-практическая конференция (с международным участием) «Актуальные проблемы языка и культуры: традиции и инновации»: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, тема доклада – «Атрибуционный стиль общения в политическом дискурсе» (21.10.2022);

– Международное научно-практическое мероприятие «Научно-образовательное пространство: реалии и перспективы повышения качества образования»: Комратский государственный университет, тема доклада – «Атрибуция как дискурсивный феномен» (16.12.2022);

– Пятые Калужские университетские чтения: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, тема доклада – «Когнитивная природа атрибуции» (13.04.2023);

– Вторая Международная научная конференция «Лингвистическая аргументология: проблемы и перспективы»: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, тема доклада «Микроблог как новое явление для самоидентификации адресанта (на примере твитов Дональда Трампа)» (05.04.2024);

– Восьмые Калужские университетские чтения: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, тема доклада «Компоненты политического интервью (на примере украинского дискурса)» (10.04.2025);

– XVI Международная научно-практическая конференция «Языки и литература в поликультурном пространстве»: Алтайский государственный университет, тема доклада «Атрибуция как лингвистический инструмент: прагмативно-аргументативные механизмы конструирования ответственности в политическом дискурсе США» (26.02.2026);

– IV Международный междисциплинарный молодежный форум «Человек. Знак. Техника» Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, тема доклада «Визуальный интеллект как синтез атрибуции и художественного образа в современной фотографии» (13.05.2026).

Полнота изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем. Публикации соответствуют теме исследования и раскрывают его основное содержание.

По теме диссертации опубликовано 16 печатных работ (в том числе 6 в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и Приложения.

В первой главе («Теоретико-методологические основания исследования атрибуции в политическом дискурсе») рассматривается эволюция понятия «атрибуция» от психологических теорий к дискурсивным практикам, обосновывается «лингвистический поворот» в его изучении. Анализируется политический дискурс и жанр интервью как ключевая арена реализации атрибуционных инструментов. Особое внимание уделяется разработке комплексной лингвистической модели анализа, где аргументативная функция атрибуции выступает интегративной основой, операционализируемой через лексико-семантический, грамматический и интерактивный аспекты.

Во второй главе («Лингвистические особенности феномена атрибуции в политическом интервью») представлен практический анализ корпуса интервью современных президентов США (Д. Трампа, Дж. Буша (мл.), Дж. Байдена, Б. Обамы).

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

В Приложении представлены стенограммы проанализированных интервью политических деятелей.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АТРИБУЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Эволюция изучения атрибуции: от психологических теорий к дискурсивным стратегиям в политической коммуникации

Феномен атрибуции, понимаемый как процесс объяснения человеком причин собственного поведения и действий других людей, является одной из центральных категорий социальной психологии. Его изучение с середины XX века по настоящее время отражает общую эволюцию психологической мысли: от поиска универсальных когнитивных моделей к анализу социально конструируемых и контекстуально обусловленных практик. Этот теоретический сдвиг имеет ключевое методологическое значение для лингвистических исследований, в частности, для анализа политического дискурса, где конструирование причинно-следственных связей выступает не как рефлексия внутренних процессов, а как целенаправленный риторический акт. В рамках настоящего параграфа эволюция изучения атрибуции рассматривается в трёх взаимосвязанных аспектах: формирование классической психологической теории, трансформация дихотомии «диспозиция – ситуация» в коммуникативный ресурс политики и лингвистический поворот в анализе ответственности.

Исторически исследование атрибуции сформировалось в русле когнитивного подхода, стремившегося выявить универсальные закономерности человеческого мышления. Основоположник теории Ф. Хайдер заложил её фундамент, рассматривая атрибуцию как рациональный процесс «наивной психологии» [Heider 1958]. Эта идея была продолжена в работах Э. Джонса, К. Дэвиса, Г. Келли и Б. Вайнера, сосредоточенных на моделировании внутренних каузальных схем [Kelley 1973; Weiner 1986]. Классическая парадигма ввела

фундаментальную дихотомию диспозиционной и ситуативной атрибуции, выявила систематические смещения в атрибуционных суждениях и связала выбор типа объяснения с социальными и эмоциональными последствиями.

Вместе с тем когнитивно-ориентированные модели подверглись критике за чрезмерный «психологизм» и индивидуализм: атрибуция трактовалась преимущественно как интрапсихический процесс, изолированный от социального взаимодействия и культурных норм [Gergen 1985; Edwards, Potter 1992]. Это ограничение стало импульсом для «дискурсивного поворота» 1980 – 1990-х годов, в рамках которого атрибуционные высказывания начали рассматриваться как контекстуально-обусловленные социальные действия, выполняющие конкретные интерактивные и риторические функции [Potter, Edwards 1990; Edwards, Potter 1992].

Акцент сместился с вопроса «Как люди думают о причинах?» на вопрос «Как, зачем и с каким эффектом люди используют объяснения причин в коммуникации?». Классическая фундаментальная ошибка атрибуции переосмысливается не как когнитивное искажение, а как культурно и институционально поддерживаемая риторическая практика. Для дальнейшего анализа необходимо детально рассмотреть классическую теорию атрибуции, её ключевые модели и выявленные закономерности, что и составляет содержание следующего раздела.

Классическая теория атрибуции представляет собой краеугольный камень социально-психологического знания, сформировавшийся в период с 1950-х по 1970-е годы. Её становление ознаменовало переход от изучения поведения как такового к анализу когнитивных процессов, лежащих в основе его интерпретации. Этот теоретический пласт, созданный трудами Ф. Хайдера, Э. Джонса, К. Дэвиса, Г. Келли, Б. Вайнера и их последователей, задал не только категориальный аппарат, но и методологическую основу для понимания того, как люди конструируют причинно-следственные объяснения социального мира. Дальнейшее развитие теории значительно обогатило концептуальный

потенциал атрибуции, сохранив при этом базовую дихотомию диспозиционных и ситуативных причин.

Исходный импульс развитию теории задал Ф. Хайдер в своей основополагающей работе «Психология межличностных отношений» (1958). Ф. Хайдер, работавший в русле гештальт-психологии, постулировал, что человек в своей обыденной жизни выступает как «наивный психолог» (naïve psychologist), активно стремящийся понять, предсказать и контролировать события окружающей среды через приписывание им причин [Heider 1958]. Его ключевым вкладом стало введение и концептуализация фундаментального различия между личностными (personal) и внеличностными (impersonal) силами, которое впоследствии кристаллизовалось в дихотомию диспозиционной (internal) и ситуативной (external) атрибуции.

Согласно Ф. Хайдеру, при объяснении поведения другого человека наблюдатель оценивает два основных фактора – способность (ability) и усилие (effort) (в совокупности, составляющие «могу» – can), с одной стороны, и трудность задачи (task difficulty) и удачу (luck) (составляющие «влияние среды» – power of environment), с другой. Успех или неудача становятся результатом баланса этих сил. Ф. Хайдер подчеркивал, что атрибуция причин не является нейтральным когнитивным актом; она напрямую связана с приписыванием ответственности и моральными оценками. Наблюдатель склонен приписывать намеренные действия диспозициям актора, что влечет за собой возложение ответственности, в то время как действия, вынужденные обстоятельствами, такой ответственности не несут [Heider 1958]. Таким образом, уже на этом этапе была зафиксирована не только структура каузального анализа, но и его глубокая связь с социальной регуляцией.

Развивая идеи Ф. Хайдера в более формализованном ключе, Э. Джонс и К. Дэвис в своей статье «От актов к диспозициям: процесс атрибуции в социальном восприятии» (1965) предложили теорию корреспондентных умозаключений (correspondent inference theory). Эта теория детально описывала процесс, посредством которого наблюдатель на основе единичного поведенческого

акта делает вывод о наличии у актора устойчивых личностных черт (диспозиций), которые «соответствуют» данному действию.

Э. Джонс и К. Дэвис выделили ряд факторов, увеличивающих вероятность такой диспозиционной атрибуции. Во-первых, действие должно восприниматься как намеренное и совершённое с осознанием последствий. Во-вторых, ключевую роль играет оценка свободы выбора: если у актора были альтернативные варианты поведения, выбранный путь с большей вероятностью будет принят за отражение его предпочтений. В-третьих, важны необычные (non-common) последствия: если действие приводит к уникальному, а не к общему для всех альтернатив результату, этот результат рассматривается как его истинная причина, раскрывающая диспозицию. В-четвертых, поведение, противоречащее ролевым ожиданиям (role expectations), также сильнее указывает на личностные качества [Jones, Davis 1965: 222–225].

Таким образом, теория Э. Джонса и К. Дэвиса сместила акцент с общих причин на конструкты конкретного вывода о личности, заложив основы для изучения того, как в публичном дискурсе конструируются образы политических акторов через приписывание им устойчивых (часто негативных) характеристик на основе отдельных их решений или высказываний.

Наиболее систематизированную и влиятельную модель процесса атрибуции предложил Г. Келли в своей ковариационной модели (covariation model) и дополняющей её модели каузальных схем (causal schemata) [Kelley 1967; 1973]. Келли постулировал, что «наивный психолог» действует подобно ученому, анализируя информацию по трем измерениям, чтобы установить, совпадает ли эффект с наличием или отсутствием определенной причины.

Этими тремя критическими измерениями являются:

1. **Согласованность (Consensus):** Ведёт ли себя аналогичным образом большинство людей в данной ситуации? Высокая согласованность (все так делают) ведет к ситуативной атрибуции (причина в стимуле или обстоятельствах), низкая (так делает только он) – к диспозиционной.

2. Устойчивость (Consistency): Проявляет ли данный человек такое же поведение в отношении того же объекта в другое время и в других контекстах? Высокая устойчивость укрепляет каузальную гипотезу (как диспозиционную, так и ситуативную, в зависимости от других измерений).

3. Специфичность (Distinctiveness): Ведёт ли себя данный человек так же в отношении других объектов? Высокая специфичность (поведение уникально для данного объекта) ведет к ситуативной атрибуции (причина в объекте), низкая специфичность (он так ведет себя повсеместно) – к диспозиционной.

Идеальным случаем для диспозиционной атрибуции, по Г. Келли, является поведение с низкой согласованностью, высокой устойчивостью и низкой специфичностью, для ситуативной – с высокой согласованностью, высокой устойчивостью и высокой специфичностью.

Наряду с моделью ковариации, Г. Келли сформулировал важный принцип обесценивания (discounting principle): «Роль данной причины в порождении данного эффекта обесценивается, если присутствуют другие правдоподобные причины» [Kelley 1973: 113]. Этот принцип объясняет, почему публичные фигуры, сталкиваясь с критикой, стремятся ввести в дискурс альтернативные, ситуативные причины (экономический кризис, действия оппонентов, наследие прошлого), чтобы обесценить обвинения в собственной некомпетентности или злом умысле.

Б. Вайнер, фокусируясь на сфере достижений, развил дихотомию Ф. Хайдера, добавив к параметру локуса причинности (locus of causality) – внутренний/внешний – ещё два измерения: стабильность (stability) и контролируемость (controllability) [Weiner 1985: 550; Weiner 1986: 78–80]. Эта трёхмерная модель (локус × стабильность × контролируемость) позволила предсказывать не только каузальные суждения, но и связанные с ними эмоциональные и поведенческие последствия.

Например, неудача, объяснённая как внутренняя, стабильная и неконтролируемая причина (например, «у меня нет способностей»), с большой вероятностью вызовет чувство стыда и ведёт к снижению мотивации и отказу от

дальнейших усилий. Напротив, та же неудача, объяснённая как внешняя, нестабильная и неконтролируемая (например, «не повезло»), вызовет разочарование, но не подорвёт самооценку. Для политического дискурса модель Б. Вайнера особенно значима, поскольку она связывает риторику объяснения успехов и провалов с управлением эмоциями электората (надеждой, гневом, сочувствием) и предсказанием его будущего поведения (поддержка, апатия, протест). Политик, атрибутирующий экономические трудности к внешним, нестабильным причинам («временные трудности на глобальных рынках»), стремится сохранить надежду и поддержку, в то время как оппонент будет настаивать на внутренних, стабильных и контролируемых причинах («просчёты правительства»), чтобы вызвать гнев и требование перемен.

Дальнейшее развитие классической теории шло по пути выявления систематических отклонений от её рациональных моделей – так называемых атрибуционных ошибок или смещений (attributional biases). Наиболее известным из них является фундаментальная ошибка атрибуции (fundamental attribution error), описанная Л. Россом: тенденция наблюдателей переоценивать влияние диспозиционных факторов и недооценивать влияние ситуационных ограничений при объяснении поведения других [Ross 1977: 184]. Это смещение ярко проявляется в политической журналистике и публичных дебатах, где неудачи оппонентов часто объясняются их глупостью или злым умыслом, а не сложностью обстоятельств.

Вторым ключевым смещением является тенденция в пользу своего «Я» (self-serving bias) – приписываются успехи внутренним, стабильным факторам («мой талант, мои усилия»), а неудачи – внешним, нестабильным («невезение, чьё-то противодействие»). Это является психологической основой для риторических стратегий самопрезентации и самозащиты в политике.

Таким образом, классическая теория атрибуции, пройдя путь от философско-психологических интуиций Ф. Хайдера до сложных формальных моделей Г. Келли и Б. Вайнера и будучи обогащённой исследованиями смеще-

ний, предоставила фундаментальную дихотомию диспозиционных и ситуативных причин. Однако её ограничение заключалось в трактовке атрибуции как преимущественно индивидуального, интрапсихического процесса познания. Для анализа политического дискурса, где объяснения служат целям убеждения, легитимации и борьбы за власть, этого оказалось недостаточно. В связи с этим дихотомия «диспозиция – ситуация» была переосмыслена как коммуникативный ресурс, используемый в рамках риторических стратегий.

Если в традиции каузальной атрибуции эти два типа объяснения рассматриваются как альтернативные способы когнитивного оценивания события, то в политической коммуникации они превращаются в коммуникативные ресурсы, которые подчиняются более широким риторическим стратегиям. Политический актор не просто выбирает между «внутренним» и «внешним» объяснением одного события; он распределяет эти типы объяснения между различными элементами политической реальности (своими действиями, действиями оппонентов, успехами и неудачами) в зависимости от стоящих перед ним стратегических задач.

В политическом дискурсе, опираясь на теоретические разработки в области политической коммуникации, можно выделить четыре ключевые стратегии, в рамках которых диспозиционная и ситуативная атрибуция приобретают статус стратегических ресурсов: 1) стратегия присвоения успеха (*credit claiming*); 2) стратегия снятия ответственности (*blame avoidance*); 3) стратегия дискредитации оппонента (*scapegoating*); 4) стратегия фрейминга (*framing*) – установление рамок интерпретации событий. Каждая из этих стратегий предполагает специфическую конфигурацию использования диспозиционных и ситуативных объяснений, направленную на максимизацию символической выгоды для актора и минимизацию репутационных потерь.

Стратегия присвоения успеха направлена на установление прямой каузальной связи между действиями политического актора (или его политической силы) и позитивными результатами. В рамках этой стратегии доминирующим

ресурсом выступает диспозиционная атрибуция: успех объясняется устойчивыми внутренними качествами – компетентностью, решительностью, моральной стойкостью, стратегическим видением.

Концептуальное обоснование данной стратегии восходит к работе К. Вивера, который ввел понятие как одну из центральных стратегий политического поведения, направленную на то, чтобы «убедить избирателей в том, что именно данный политик несет заслугу за позитивные результаты» [Weaver 1986: 384]. Как отмечает К. Берк в своей риторической теории, «приписывание успеха действиям действующего лица, а не обстоятельствам, является фундаментальным актом символического конструирования авторитета» [Burke 1969: 41]. Иллюстрацией служит типичная формула политической самопрезентации: *«Мы сократили дефицит потому, что проявили дисциплину и приняли трудные решения, на которые другие не осмеливались»* [Условный пример]. Здесь успех атрибутируется не благоприятной экономической конъюнктуре (ситуативная атрибуция), а личностным и коллективным качествам субъекта.

Ситуативная атрибуция в рамках стратегии присвоения успеха либо подавляется, либо переопределяется: если внешние обстоятельства упоминаются, они предстают не как причина успеха, а как фон, на котором проявились выдающиеся качества актора. Тем самым стратегия присвоения успеха способствует персонализации политической ответственности и укреплению позиций лидера или правящей группы.

Стратегия снятия ответственности активизируется в ситуациях, когда действия политического актора привели к негативным последствиям или, когда актору необходимо дистанцироваться от нежелательных результатов. В рамках этой стратегии ключевым ресурсом выступает ситуативная атрибуция: неудачи объясняются внешними, неподконтрольными субъекту обстоятельствами.

Концептуальная разработка данной стратегии также принадлежит К. Виверу, который ввел понятие, показав, что политические акторы мотивированы

не столько максимизацией поддержки, сколько минимизацией вины за неудачи: «политики стремятся избежать приписывания им ответственности за негативные результаты так же усердно, как они стремятся присвоить заслугу за позитивные» [Weaver 1986: 371]. Впоследствии К. Худ развил эту концепцию, систематизировав различные стратегии избегания ответственности и показав, что «апелляция к внешним, неподконтрольным обстоятельствам является наиболее распространенным способом снятия вины с политического актора» [Hood 2011: 45].

Это было детально описано Г. Келли в рамках теории каузальной атрибуции как принцип обесценивания: введение альтернативных, внешних причин снижает значимость потенциальных обвинений в адрес субъекта [Kelley 1973]. В политической практике это проявляется, например, в оправдании роста инфляции: *«Цены растут не из-за нашей политики, а из-за глобальных нарушений в цепочках поставок и действий стран-экспортёров энергоресурсов»* [Условный пример]. Другой типичный приём – апелляция к наследию прошлой администрации как к изначальной, ситуативной причине текущих проблем, что позволяет переложить ответственность на институционально и хронологически удалённый объект.

Особой формой стратегии снятия ответственности является легитимация жестких или экстраординарных действий через апелляцию к чрезвычайным обстоятельствам. Как отмечает П. Чилтон, «апелляция к внешней угрозе является одним из наиболее эффективных способов ситуативного обоснования действий, которые в обычных условиях были бы признаны неприемлемыми» [Chilton 2004: 112]. Действия государства предстают не как проявление произвола, а как вынужденная, единственно возможная реакция: *«Мы были вынуждены ввести эти санкции / начать эту операцию, потому что режим Х совершил акт агрессии и не оставил нам выбора»* [Условный пример]. Причина переносится на поведение другого актора, что снимает с говорящего бремя инициативы и моральной ответственности за эскалацию.

Стратегия дискредитации оппонента направлена на снижение доверия к конкуренту, лишение его легитимности или символическое исключение из политического поля. В рамках этой стратегии центральным ресурсом выступает диспозиционная атрибуция, но в отличие от стратегии присвоения успеха, здесь она направлена на фиксацию негативных внутренних качеств.

Концепция данной стратегии наиболее детально разработана М. Эдельманом, который показал, как политический язык конструирует «врагов», на которых можно перекладывать ответственность за социальные проблемы. М. Эдельман подчёркивает, что «приписывание намерений и устойчивых черт оппоненту превращает политическую конкуренцию в моральную драму, где причины неудач локализуются в личности врага, а не в структурах» [Edelman 1977: 43]. В более поздней работе он уточняет, что эта стратегия позволяет политической элите представить сложные социальные проблемы как результат злого умысла конкретных акторов, тем самым упрощая восприятие реальности и направляя общественное недовольство в безопасное русло [Edelman 2001].

В политической практике это проявляется, например, в реакции на провал законодательной инициативы: *«Это произошло потому, что сенатор Х всегда был догматичным противником любого прогресса»* [Условный пример]. Здесь причина неудачи прочно связывается с неизменной личностной характеристикой («догматизм») оппонента, что переводит политический спор в плоскость личностной непригодности [Ross 1977]. Стратегия дискредитации может также использовать ситуативную атрибуцию в гибридной форме: неудачи оппонента приписываются его «попаданию под влияние» внешних сил (например, «оппозиция действует в интересах иностранных государств»), что сочетает внешнее объяснение с моральным осуждением.

Стратегия фрейминга, или установление рамок интерпретации, является мета-стратегией, определяющей, какие типы атрибуции будут применяться к событиям ещё до того, как они получают публичное обсуждение. В рамках этой

стратегии диспозиционная и ситуативная атрибуция выступают не как объяснения уже случившегося, а как инструменты превентивного конструирования каузальности.

Теория фрейминга как самостоятельной стратегии политической коммуникации наиболее полно разработана Р. Энтманом, который определил фрейминг как «процесс отбора и выделения некоторых аспектов воспринимаемой реальности с целью усилить значимость определенной интерпретации и оценки этой реальности» [Entman 1993: 52]. В более поздней работе Р. Энтман развивает идею о том, что фреймы, в нашем понимании рамки, задают каузальную интерпретацию событий, определяя, что или кто является причиной проблемы, и тем самым направляют восприятие ответственности [Entman 2004]. Стратегия фрейминга выполняет ряд ключевых функций в политической коммуникации. Во-первых, каузальную функцию: фрейминг определяет, какие причины (диспозиционные или ситуативные) будут приписаны событию ещё до его публичного обсуждения [Entman 1993: 52]. Во-вторых, метастратегическую функцию: фрейминг задаёт условия, в которых другие стратегии (присвоение успеха, снятие ответственности, дискредитация оппонента) становятся убедительными для аудитории [Entman 2004: 26]. В-третьих, функцию ограничения альтернатив: успешный фрейм сужает набор доступных оппоненту стратегий, делая определённые типы атрибуции (например, диспозиционное объяснение своих успехов) невозможными или неубедительными [Edelman 2001: 72].

Как отмечает Р. Водак в исследованиях политического дискурса, «борьба за установление доминирующего фрейма – это борьба за то, чья каузальная логика станет общепризнанной» [Wodak 2009: 58]. Таким образом, стратегия фрейминга задаёт границы, внутри которых работают все остальные стратегии, определяя, будет ли то или иное событие интерпретироваться через призму личных качеств акторов или через призму объективных обстоятельств.

В реальной политической практике перечисленные стратегии редко реализуются изолированно. В публичных дебатах, медийных столкновениях, политических интервью и предвыборной риторике наблюдается систематическая закономерность, которую вслед за Б. Вайнером, выявившим аналогичный паттерн на уровне индивидуальной когниции [Weiner 1985], можно обозначить как атрибуционное правило политической риторики:

а) в рамках стратегии присвоения успеха [Weaver 1986] свои успехи атрибутируются диспозиционно;

б) в рамках стратегии снятия ответственности [Weaver 1986; Hood 2011] свои неудачи атрибутируются ситуативно;

в) в рамках стратегии дискредитации оппонента [Edelman 1977; 2001] неудачи оппонентов атрибутируются диспозиционно или ситуативно (*«им просто повезло»*, *«они воспользовались благоприятной конъюнктурой»*).

Следует уточнить, что представленное атрибуционное правило (пункты, а–в) охватывает лишь три из четырёх выделенных стратегий – присвоение успеха, снятие ответственности и дискредитацию оппонента, – поскольку оно построено по схеме распределения каузальной атрибуции (диспозиционной vs. ситуативной) для конкретных исходов: своих/чужих успехов и неудач. Стратегия фрейминга не включена в это правило по причине её мета-стратегического характера: фрейминг не предписывает, как атрибутировать уже определённый успех или неудачу, а задаёт саму интерпретационную рамку, в рамках которой событие вообще начинает восприниматься как успех, неудача, угроза или неизбежность. Таким образом, фрейминг действует на уровень выше, предваряя и контекстуально обуславливая применение пунктов (а)–(в).

Эта асимметрия не является следствием когнитивных искажений отдельных политиков. Она представляет собой скоординированную систему стратегий, направленную на максимизацию символической выгоды для своей группы и минимизацию репутационных потерь. М. Эдельман отмечает, что

политический язык устроен таким образом, что успехи всегда оказываются результатом добродетели, а неудачи – следствием коварства обстоятельств или злого умысла других» [Edelman 1977].

Важно подчеркнуть, что выбор стратегий и соответствующих атрибуционных ресурсов не является свободным индивидуальным решением ратора. Он глубоко опосредован культурным контекстом и институциональными нормами. Как показали кросс-культурные исследования, в индивидуалистических культурах (США, Западная Европа) публичный дискурс в целом более склонен к диспозиционной атрибуции, персонализируя успех и провал, что соответствует ценностям личной ответственности и индивидуального достижения [Markus, Kitayama 1991: 230; Morris, Peng 1994: 949–971]. В коллективистских культурах (например, в странах Восточной Азии) объяснения поведения в большей степени апеллируют к внешним обстоятельствам – влиянию группы, традициям или контекстуальной необходимости [Morris, Peng 1994].

Аналогичная логика прослеживается на уровне политических институтов. В политических системах с высокой степенью персонализации власти (автократии, суперпрезидентские республики) стратегия присвоения успеха и стратегия дискредитации оппонента, опирающиеся на диспозиционную атрибуцию, доминируют. Напротив, в системах с рассредоточенной ответственностью (коалиционные правительства, парламентские республики с сильными институтами) чаще активируются стратегии снятия ответственности и фрейминга, апеллирующие к ситуативной атрибуции [Snyder et al. 1983: 16–20; Weiner 1985: 560]. Таким образом, культурные и институциональные условия задают границы доступности и предпочтительности тех или иных стратегий и, соответственно, определяют, какие атрибуционные ресурсы становятся доминирующими в политическом дискурсе.

Переход от изучения атрибуции как интрапсихического когнитивного процесса к её анализу как социального и коммуникативного феномена знаменует собой «лингвистический поворот» в исследованиях ответственности. Если классическая психология интересовалась тем, как индивид приходит к

каузальным выводам, то новая парадигма фокусируется на том, зачем и с помощью каких языковых средств эти выводы производятся, оформляются и оспариваются в публичном пространстве. В политическом дискурсе атрибуция ответственности перестает быть приватным умозаключением и становится публичным перформативным актом – ключевым инструментом в борьбе за определение реальности, легитимацию власти и управление общественным мнением.

Лингвистический поворот позволяет перейти от описания стратегий к анализу конкретных языковых средств, с помощью которых они реализуются в публичном дискурсе.

Импульсом к этому сдвигу послужила критика ограничений когнитивных моделей, неспособных адекватно описать атрибуцию в её естественной среде – социальном взаимодействии. Работы в рамках дискурсивной психологии, этнометодологии и конверсационного анализа заложили новые основания. Дж. Поттер и Д. Эдвардс утверждали, что описания ментальных состояний, намерений и причин следует изучать не как отражения внутреннего мира, а как риторически организованные действия, выполняющие специфические функции в разговоре – например, снятие с себя обвинения или возложение вины на другого [Edwards, Potter 1992: 28]. Так, заявление политика *«Я не мог поступить иначе»* [Условный пример] – это не психологический отчет, а речевой ход, направленный на реконтекстуализацию действия в рамках вынуждающих обстоятельств.

Данный подход, инициированный в социальных науках «лингвистическим поворотом», основывается, как представляется, на конститутивной концепции языка, развитой в философии Л. Витгенштейна [Wittgenstein 1953] и теории речевых актов Дж. Л. Остина [Austin 1962]. В социологии и психологии он был реализован в рамках социального конструкционизма [Berger, Luckmann 1966; Gergen 1985] и, что наиболее важно для нашего исследования, в дискурсивной психологии Дж. Поттера и Д. Эдвардса [Edwards, Potter 1992]. С этих

позиций ответственность понимается не как предзаданный факт, а как «дискурсивное достижение» – результат интерактивного использования каузальных нарративов, лексического выбора и риторических стратегий для выполнения конкретных социальных действий.

Политический дискурс располагает развернутым арсеналом лингвистических средств для управления атрибуцией. Перечисленные ниже средства представляют собой конкретные способы операционализации диспозиционной и ситуативной атрибуции как коммуникативных ресурсов. Лексический выбор, грамматическое оформление агентности и диалогические стратегии – это те инструменты, с помощью которых политический актор в рамках избранной стратегии приписывает ответственность себе, оппоненту или внешним обстоятельствам:

1. Лексический выбор (смягчение vs. усиление). Выбор слова для описания события или действия имплицитно несет атрибуционную оценку. Сравним две возможные номинации одного события: «вынужденное точечное вмешательство» vs. «неспровоцированная агрессия». Первый вариант (вынужденное, точечное) содержит ситуативную атрибуцию и смягчает ответственность инициатора, второй (неспровоцированная, агрессия) – диспозиционную и усиливает ответственность. Исследователи языка конфликта (например, В.Б. Кашкин, А.Д. Шмелев) отмечают, что такие выборы формируют «моделирующие системы», предопределяющие интерпретацию событий аудиторией [Кашкин 2007: 45].

2. Грамматическое оформление агентности. Структура предложения позволяет кардинально менять фокус ответственности: а) активные конструкции четко фиксируют агента: «*Мы приняли это трудное решение*» (открытая диспозиционная атрибуция себе положительных качеств, что соответствует стратегии присвоения успеха [Weaver 1986]); б) пассивные и эргативные конструкции позволяют элиминировать или «затушевать» агента, смещая фокус на действие или результат: «*Были приняты необходимые меры*» (агент размыт,

возможна ситуативная интерпретация: меры были «продиктованы» обстоятельствами, что соответствует стратегии снятия ответственности [Hood 2011]); в) безличные и номинализированные конструкции представляют события как самопроизвольные процессы: *«Произошло снижение поддержки»* (вместо *«Мы потеряли поддержку»*). Номинализация (превращение глагола в отглагольное существительное) «замораживает» действие, скрывая его субъект и временной контекст, что способствует ситуативной атрибуции [Fairclough 2003: 132].

3. Диалогические и интерактивные стратегии. В форматах интерактивного политического общения (интервью, дебаты) атрибуция ответственности разворачивается как динамический процесс переговоров, где каждая реплика формирует контекст для последующей. Политик не просто излагает готовую версию причин, но активно реагирует на вызовы, используя ряд типовых дискурсивных стратегий, направленных на контроль над темой и атрибуционной рамкой. Эти стратегии были систематизированы в работах по политической коммуникации, конверсационному анализу и критическому дискурс-анализу С. Харрис [Harris 1991], Б. Булл и К. Фаерч [Bull, Fetzer 2006], Э. Гоффмана [Goffman 1959: 13].

Важно различать два уровня стратегий в политической атрибуции. На макро-уровне выделяются политические стратегии – присвоение успеха, снятие ответственности, дискредитация оппонента и фрейминг [Weaver 1986; Hood 2011; Edelman 1977; Entman 1993: 52]. Эти стратегии определяют общее направление атрибуционной работы: кому приписывается ответственность и какой тип объяснения (диспозиционный или ситуативный) доминирует. На микро-уровне интерактивного взаимодействия (интервью) политик использует дискурсивные стратегии – тактические речевые ходы, позволяющие реализовать макро-стратегии в условиях диалогического давления, когда необходимо отвечать на вопросы, парировать вызовы и контролировать повестку в реальном времени [Harris 1991; Bull, Fetzer 2006]. Так, стратегия снятия ответственности может быть реализована через интерактивный прием «ответ-мост»

(bridging) (переход на другую тему), а стратегия дискредитации оппонента – через перенаправление вины на другого актора (deflecting).

Например, в следующем диалогическом единстве:

– *«Вы признаете ошибку в расчете последствий санкций?»*

– *«Мы работаем в условиях беспрецедентного давления на глобальных рынках, и наш приоритет – защита национальных производителей»* [Условный пример]. Здесь нет прямого ответа на вопрос о личной/диспозиционной ответственности («ошибка в расчете»), вместо этого вводится ситуативная рамка («давление на рынках»), переопределяющая проблему в рамках стратегии снятия ответственности [Weaver 1986; Hood 2011].

Далее, *«Рост цен связан не с нашей политикой, а с безответственными спекуляциями крупного бизнеса, который десятилетиями поддерживала предыдущая администрация»* [Условный пример]. В этой реплике собственная ситуативная атрибуция (*«не с нашей политикой»*) усиливается за счет двойной диспозиционной атрибуции вины другим: а) «безответственные спекуляции» бизнеса (диспозиция: жадность); б) поддержка со стороны прошлой администрации (диспозиция: продажность или некомпетентность), что соответствует стратегии дискредитации оппонента [Edelman 1977: 43].

В рамках лингвистического подхода выделяются ключевые социальные функции атрибуции. Важно подчеркнуть, что эти функции не заменяют собой стратегии, а представляют собой макро-цели, достижению которых служат эти стратегии. Иными словами, если стратегии (присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента, фрейминга) отвечают на вопрос «как именно политический актор управляет атрибуцией?», то социальные функции (легитимация власти, управление восприятием кризисов, конструирование коллективной идентичности) отвечают на вопрос «для чего, с какой конечной целью это делается?».

1. Легитимация и делегитимация власти. Умение убедительно атрибутировать успехи своим диспозициям, а неудачи – ситуативным факторам или

диспозициям врагов, является основой символического воспроизводства власти. Как продемонстрировал политолог М. Эдельман, политика по своей сути является «спектаклем», а язык и ритуалы – её основными режиссёрскими инструментами [Edelman 1985: 10; Edelman 1988: 34]. В рамках этого «политического спектакля» конкурирующие атрибуционные нарративы выступают в роли сценариев, которые не столько описывают события, сколько конструируют их социальный смысл, определяя, кто предстаёт героем, а кто – виновником, что является катастрофой, а что – необходимой мерой. Стратегия присвоения успеха непосредственно работает на легитимацию власти через диспозиционную атрибуцию [Weaver 1986], а стратегия дискредитации оппонента – через перенос вины на сконструированного «врага» [Edelman 1977; 2001].

2. Управление публичным восприятием кризисов. В моменты кризисов (экономический спад, техногенная катастрофа, теракт) разворачивается ожесточенная «атрибуционная битва». Правящая группа стремится к ситуативной атрибуции (стихийное бедствие, происки внешних сил, наследие прошлого), реализуя стратегию снятия ответственности [Hood 2011: 45], в то время как оппозиция настаивает на диспозиционной (просчет, халатность, коррупция власти), реализуя стратегию дискредитации оппонента [Edelman 1977]. Исход этой битвы определяет, на кого будет направлен гнев общества. Стратегия фрейминга задает интерпретативные рамки, в которых кризис воспринимается либо как результат внешних обстоятельств, либо как следствие действий конкретных лиц [Entman 2004: 26].

3. Конструирование коллективной идентичности. Важнейшей функцией атрибуционных стратегий в публичной сфере является конструирование и укрепление коллективной идентичности. Этот процесс работает по принципу бинарной оппозиции «свой – чужой». С одной стороны, атрибуция вины, угрозы или негативных последствий внешней группе («иностранное вмешательство», «транснациональные корпорации», «мигранты») выступает классическим инструментом сплочения, реализуя стратегию дискредитации оппо-

нента [Edelman 2001: 72]. Она создаёт общую цель для мобилизации и формирует «образ врага», консолидируя «воображаемое сообщество» перед лицом воспринимаемой внешней опасности [Anderson 1983: 15]. Как показал Р. Эшмор в рамках теории социальной идентичности, негативная оценка аутгруппы зачастую служит для повышения позитивной социальной идентичности ингруппы [Ashmore, Jussim, Wilder 2001: 87].

С другой стороны, атрибуция общих успехов, достижений или позитивных изменений внутренним, присущим сообществу качествам (*«трудолюбие нашего народа»*, *«наша историческая мудрость»*, *«инновационный дух нации»*) напрямую работает на укрепление позитивной коллективной самооценки и чувства гордости, реализуя стратегию присвоения успеха и на коллективном уровне [Weaver 1986]. Следовательно, создается нарратив об исключительности и единстве.

Лингвистический поворот в изучении атрибуции переводит её из разряда психологических универсалий в разряд культурно и ситуативно обусловленных речевых практик. Атрибуция предстает не как конечный пункт мыслительного процесса, а как публичный перформативный акт, сконструированный в соответствии с прагматическими задачами политического актора в рамках выделенных стратегий – присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга. Этот подход обеспечивает необходимый теоретико-методологический переход от абстрактных психологических схем к конкретному лингвистическому анализу инструментов атрибуции в политических текстах, который составляет предмет настоящего исследования.

1.2. Политический дискурс как арена атрибуционных практик: жанровые особенности интервью и инструменты управления восприятием

Политический дискурс, понимаемый как совокупность институционализированных речевых практик, посредством которых конструируются, воспро-

изводятся и оспариваются отношения власти [Шейгал 2000], представляет собой не просто фон, а центральную арену реализации атрибуционных стратегий [Weaver 1986; Hood 2011; Edelman 1977; Entman 1993]. В отличие от повседневной коммуникации, политический дискурс характеризуется высокой степенью идеологической нагруженности, институциональной асимметрией и ориентацией на массовую аудиторию. В этом пространстве стратегии присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга выступают не просто когнитивными операциями, а основными механизмами символической борьбы за контроль над интерпретацией событий. Политический дискурс можно концептуализировать как «поле атрибуционных битв», где формулируются, сталкиваются и навязываются публике конкурирующие версии ответственности за прошлые события, текущие проблемы и будущие траектории развития. Способность политического актора убедительно объяснить причины происходящего – приписать успех себе, а неудачу – оппоненту или объективным обстоятельствам – становится ключевым ресурсом власти. Эта способность реализуется через язык: именно в выборе слов, грамматических конструкций и интерактивных тактик материализуется та или иная версия каузальности.

Атрибуционные практики в политике функционируют в условиях, кардинально отличающихся от повседневного общения или лабораторных экспериментов классической психологии. Эти условия задают специфику их языкового и интерактивного воплощения и должны быть учтены при анализе конкретного материала. Первое условие – высокие ставки и институциональный контекст. Результат атрибуционных столкновений непосредственно влияет на распределение власти, ресурсов и символического капитала. Успешное использование атрибуции может легитимировать непопулярные реформы, спасти репутацию правительства в кризисе или привести к политическому краху оппонента. Например, способность администрации убедительно атрибутировать экономический спад внешним обстоятельствам (ситуативная атрибуция), а не собственной политике, напрямую определяет её шансы на переизбрание,

что соответствует стратегии снятия ответственности [Weaver 1986]. Второе условие – массовая, опосредованная и асимметричная коммуникация. Политическая атрибуция адресуется не отдельному собеседнику, а массовой, часто разнородной аудитории через средства массовой информации. Это требует особой ясности, повторяемости и эмоциональной заряженности каузальных нарративов. Ключевую роль здесь играют устойчивые способы презентации проблемы – так называемые фреймы, которые предопределяют её возможные причины и ответственных [Entman 1993; 2004]. Когда теленовости интерпретируют миграцию как «угрозу безопасности» (диспозиционная атрибуция мигрантам как носителям угрозы), а не как «гуманитарный кризис» (ситуативная атрибуция войнам и бедности), они задают рамку для публичных дебатов, из которой вытекают конкретные политические решения: ужесточение границ вместо приёма беженцев. Таким образом, выбор атрибуционного фрейма имеет непосредственные политические последствия. Третье условие – идеологическая обусловленность. Выбор между диспозиционной и ситуативной атрибуцией не является нейтральным: он систематически связан с идеологическими установками говорящего. Как отмечают исследователи политического дискурса, атрибуционные паттерны встроены в более широкие системы убеждений и ценностей [Шейгал 2004; Чудинов 2006]. Ориентация на индивидуальную ответственность и личный выбор коррелирует с предпочтением диспозиционной атрибуции (успех и неудача зависят от качеств человека), тогда как акцент на структурных факторах и социальном контексте – с ситуативной атрибуцией. Выбор атрибуционного конструкта, следовательно, может служить маркером идеологической позиции говорящего, что учитывается в настоящем исследовании при сопоставительном анализе интервью президентов, принадлежащих к разным партийным традициям.

В рамках политического поля можно выделить устойчивые жанры и ситуации, где атрибуционные стратегии проявляются наиболее концентрированно. Рассмотрим их последовательно, чтобы затем сосредоточиться на центральном для нашего исследования жанре – политическом интервью.

Кризисная коммуникация и управление виной – это ситуации катастроф, скандалов или провалов политики, где разворачивается интенсивная «атрибуционная работа» по управлению виной, что непосредственно соответствует стратегии снятия ответственности [Weaver 1986; Hood 2011]. Как показал У. Бенуа, существуют типовые стратегии ответа на обвинения – отрицание, уклонение от ответственности, сокращение наступательности, корректирующие действия, унижение – каждая из которых имеет свою атрибуционную конфигурацию [Benoit 1995]. Например, после провала военной операции власти могут использовать стратегию «уменьшения контролируемости», атрибутируя неудачу «туману войны» или неожиданным действиям противника (ситуативная, неконтролируемая причина), чтобы снизить гнев общественности и избежать прямых отставок. В кризисной коммуникации часто применяется тактика «поиска виновного» – перенаправление вины на отдельное должностное лицо или внешнюю силу, что позволяет сохранить репутацию института в целом. Например, после техногенной катастрофы правительство может обвинить в халатности конкретного инженера или компанию-подрядчика, а не системные проблемы управления. Кризисная коммуникация также требует быстрой реакции: чем дольше власть молчит, тем больше вероятность, что аудитория самостоятельно заполнит каузальную лакуну невыгодной для власти диспозиционной атрибуцией.

Политические дебаты и риторика противостояния представляют собой жанр, где атрибуция служит оружием прямой конфронтации. Используется тактика «пристрастия в пользу своей группы» в политизированном масштабе: успехи своей партии атрибутируются её мудрости и компетентности, а неудачи – протестам со стороны оппозиции или враждебных СМИ. Атрибуционные ярлыки становятся инструментом конструирования образа «Другого» как экзистенциальной угрозы, что соответствует стратегии дискредитации оппонента [Edelman 1977; 2001] и вписывается в более широкий процесс дискурсивного создания образа врага [Chilton 2004]. В дебатах особенно важна ско-

рость атрибуционной реакции: политик, который первым предлагает каузальное объяснение события, часто получает преимущество, так как оппоненту приходится тратить силы на опровержение, а не на продвижение своей версии. Например, если сразу после роста инфляции оппозиция заявляет «это результат безответственной бюджетной политики правительства», то правительству приходится защищаться, тогда как если бы оно само первым объяснило рост цен «глобальным повышением цен на энергоносители», то задало бы выгодную для себя ситуативную рамку.

Публичные извинения и покаяние – это сложный речевой жанр, представляющий собой управляемую самодискредитацию, где политик выборочно принимает на себя ответственность, стремясь её минимизировать, что является частным случаем стратегии снятия ответственности [Weaver 1986; Hood 2011]. Публичные извинения можно анализировать как сложные речевые акты «исправления», направленные на управление репутационным ущербом [Goffman 1971: 113; Benoit 1995: 72–75]. В политике это часто принимает форму «стратегического покаяния»: признаётся конкретная, ограниченная ошибка (*«мы недооценили»*), но отрицается порочная диспозиция (*«у нас не было злого умысла, мы действовали в соответствии с доступной информацией»*). Эффективность такого покаяния напрямую зависит от того, насколько успешно политику удаётся переключить атрибуцию с внутренних, стабильных факторов (я – плохой лидер) на внешние, временные (обстоятельства сложились неудачно). Например, извинение *«я сожалею, что мои слова были неверно истолкованы»* (вина на интерпретатора) работает иначе, чем *«я сказал неправду»* (признание диспозиционной нечестности). Политики обычно выбирают первый вариант.

Программные заявления и предвыборные обещания – это жанр, в котором будущие действия легитимируются через атрибуцию причин текущих проблем. Политик не просто предлагает решение, но и конструирует специфическую каузальную модель кризиса, которая это решение делает единственно логичным, что соответствует стратегии фрейминга [Entman 1993; 2004].

Например, обещание построить стену на границе имплицитно атрибутирует социально-экономические проблемы внутри страны проникновению мигрантов (диспозиционная атрибуция угрозы внешней группе), тогда как обещание инвестировать в образование может атрибутировать те же проблемы недостатку государственного финансирования (ситуативная атрибуция к политике). Важно отметить, что в программных заявлениях атрибуция часто работает на двух уровнях: явном (называется конкретная причина) и имплицитном (сама формулировка проблемы подсказывает аудитории, кто виноват и что делать). Успешный фрейм не просто описывает реальность, но и делает альтернативные атрибуции немислимыми или нелегитимными.

Наконец, жанр политического интервью, особенно в его конфронтационной, журналистской форме, представляет собой уникальную интерактивную арену, где атрибуционные нарративы не просто излагаются, но стремительно конструируются, защищаются и оспариваются под прямым давлением [Clayman, Heritage 2002]. Именно в рамках данного жанра реализуются базовые интерактивные рамки Категории (обвинения) и Апологии (защиты), которые будут детально проанализированы в параграфе 1.4 при рассмотрении интерактивного аспекта атрибуционных стратегий.

Этот жанр характеризуется высокой степенью ритуализации и подчиняется строгим конвенциям, определяющим ролевое поведение участников коммуникации [Clayman, Heritage 2002]. В отличие от бытового диалога, политическое интервью функционирует как поле символической борьбы, где производятся и оспариваются значения, а языковые стратегии становятся инструментами достижения власти. Основной особенностью политического интервью является его гибридная природа, сочетающая элементы кооперативного обмена информацией и состязательного противостояния. Исследователи подчёркивают, что политическое интервью выполняет не только информационную, но и манипулятивную функцию, служа инструментом формирования общественного мнения [Harris 1991; Великодворская 2019]. В контексте атрибу-

ционных практик особое значение приобретает так называемое атрибуционное преследование – разновидность вопросов-вызовов, при которой журналист целенаправленно навязывает политику определенную версию каузальности, требуя от него принять, опровергнуть или переопределить предложенную атрибуцию. Атрибуционное преследование может быть реализовано в нескольких формах: прямое атрибуционное преследование (журналист прямо обвиняет политика или его администрацию: *«Вы признаёте, что ваша политика привела к кризису?»*); косвенное (журналист цитирует оппонента или эксперта, возлагающего ответственность на политика: *«Ваш оппонент заявил, что вы бездействовали. Что вы на это ответите?»*); гипотетическое (журналист строит условный сценарий, в котором ответственность политика становится очевидной: *«Если через год безработица вырастет, вы готовы уйти в отставку?»*). Атрибуционное преследование создает то самое диалогическое давление, в условиях которого политик вынужден разворачивать защитные атрибуционные тактики.

В ответ политики используют комплекс стратегий, подробно описанных Б.Л. Бейвис. К ним относятся: переадресация – перевод разговора на другую тему; обобщение – замена конкретного ответа общими фразами; персонализация – апелляция к личному опыту вместо прямой реакции на вопрос [Bavelas et al. 1990: 140]. Важно подчеркнуть, что атрибуционные тактики политика – перенаправление вины, ответ-мост, управление темпоральностью – представляют собой специализированные разновидности этих более общих уклончивых стратегий, но с четкой атрибуционной функцией. Если «переадресация» как общая стратегия может переводить разговор на любую другую тему, то перенаправление вины обладает чёткой каузальной функцией: оно не просто уводит от неудобного вопроса, но и навязывает ситуативную атрибуцию (перекладывание ответственности на внешнего агента – оппонента, предыдущую администрацию, объективные обстоятельства), что непосредственно реализует стратегию снятия ответственности или, в зависимости от контекста, дискредитации оппонента. Например, на вопрос журналиста о росте цен политик

может ответить: *«Вам лучше спросить у предыдущей администрации, которая оставила нам дыру в бюджете»*. Здесь происходит не просто уход от вопроса, а активное переопределение причины – вина перенаправляется на внешнего агента. Если «обобщение» как общая стратегия позволяет заменить конкретный ответ общей фразой, то ответ-мост нацелен не на уход от ответа как такового, а на плавный переход к заранее подготовленному атрибуционному нарративу, обычно связанному со стратегиями присвоения успеха (закрепление диспозиционной атрибуции за собой) или фрейминга. Политик использует связку *«Говоря об этом, нельзя не отметить...»* и переводит разговор к своим достижениям, сохраняя видимость релевантности. Например, – *«Почему вы не смогли сдержать инфляцию?»* – *«Мы приняли меры, чтобы защитить доходы граждан, и сейчас каждая семья получает помощь от государства»*. Формально ответ касается темы экономики, но фактически подменяет неудобный вопрос о причине (инфляция) рассуждением о следствии (меры поддержки). Если «персонализация» как общая стратегия предполагает апелляцию к личному опыту вместо прямого ответа на вопрос, то управление темпоральностью использует установление временных границ события для переопределения каузальности. Расширяя временной контекст, политик трансформирует диспозиционную атрибуцию (личную ответственность) в ситуативную (объективные долгосрочные процессы), реализуя стратегию снятия ответственности. Сужая временные рамки, он закрепляет за собой позитивные результаты, отсекая вклад предшественников, что усиливает стратегию присвоения успеха. Практический пример: на вопрос о неудачной реформе политик говорит: *«Мы получили эту систему в плачевном состоянии после десятилетий безответственной политики предшественников»* – расширение временной рамки перекладывает вину на прошлое. Или: *«За последние два года мы сократили безработицу вдвое»* – сужение рамки присваивает успех себе, игнорируя предыдущие тенденции.

В дополнение к этим базовым уклончивым стратегиям политик располагает рядом интерактивных приемов, направленных на переопределение предмета спора. Эти приемы служат защите выбранной политиком версии причинности от атрибуционного преследования журналиста. Одним из таких приемов является опережающее (превентивное) конструирование каузальности. Данный прием может быть описан в рамках теории аргументационных схем, разработанной Д. Уолтоном, который показал, как говорящие могут использовать презумптивные рассуждения для предвосхищения и опровержения потенциальных возражений [Walton 1996: 45–50]. В политическом дискурсе политик самостоятельно формулирует потенциальное обвинение (обычно основанное на диспозиционной атрибуции его личностных качеств или намерений), чтобы немедленно его опровергнуть, навязывая альтернативную – чаще всего ситуативную – версию причинности. Например, *«Мои оппоненты скажут, что я повысил налоги, потому что хочу наказать бизнес. Но на самом деле я был вынужден это сделать, чтобы спасти пенсионную систему от краха»* [Условный пример]. Политик сам вводит негативную диспозиционную атрибуцию в свой адрес и сразу же заменяет её позитивной ситуативной (вынужден обстоятельствами). Это позволяет контролировать рамки обсуждения, не позволяя журналисту закрепить за политиком невыгодную диспозиционную атрибуцию. Другим значимым интерактивным приемом является рефрейминг мотивации интервьюера. Как отмечает С. Харрис, в политическом интервью подобные ходы позволяют политику переключить фокус с содержания вопроса на мотивы спрашивающего, что существенно меняет баланс сил в диалоге [Harris 1991]. Политик переходит из позиции отвечающего в позицию обвиняющего, а объектом обсуждения становятся не причины политических событий, а причины поведения журналиста. Например, *«Вы задаёте этот вопрос не потому, что вас действительно волнуют проблемы людей, а потому что ваша редакция давно продвигает точку зрения оппозиции»*. В рамках атрибуционной теории здесь происходит замещение объекта приписывания: политик не оспаривает диспозиционную или ситуативную природу события

напрямую, а предлагает мета-каузальную схему, в которой поведение журналиста объясняется его предвзятостью (диспозиционная атрибуция) или следованием «чужой» повестке (ситуативная атрибуция, отсылающая к внешним силам). Этот приём особенно эффективен, когда политик не может уверенно защитить свою версию событий – он атакует не аргумент, а источник аргумента.

Со стороны журналиста ключевым инструментом противодействия уклончивым стратегиям политика выступает контр-атрибуционное уточнение агента. Данный приём описан в исследованиях С. Клеймана и Дж. Херитедж, которые показывают, как журналисты, используя формулировки и переспросы, возвращают ответственность в фокус обсуждения, блокируя попытки политика уйти от диспозиционной атрибуции [Clayman, Heritage 2002: 152]. В ответ на пассивизированное высказывание политика (*«ошибки были допущены»*), которое представляет собой попытку заместить диспозиционную атрибуцию ситуативной (ошибка «сама собой»), журналист может переформулировать его с восстановлением агента (*«Вы признаете, что вы допустили эти ошибки?»*), тем самым возвращая фокус на личную ответственность политика. Данный приём напрямую связан с тактикой контр-атрибуции через цитирование, где журналист использует предыдущие высказывания политика для блокировки его попыток изменить каузальный нарратив. Например, *«Но год назад вы обещали, что безработица не превысит 5%. Почему вы не сдержали слово?»* – здесь журналист не просто спрашивает о причине, но и закрепляет за политиком диспозицию ненадёжности.

Современное политическое интервью функционирует в условиях гибридной медиасистемы, где логики традиционных и новых медиа переплетаются [Chadwick 2017]. Это накладывает специфику на функционирование атрибуционных конструктов. Тенденции современного развития жанра включают: фрагментацию – создание «цитат-вырванных-из-контекста» для распространения в социальных сетях [Esser, Strömbäck 2014: 120], что делает лекси-

ческие «ярлыки» (оценочную номинацию) центральным инструментом атрибуционной борьбы. Политик, давая интервью, уже осознаёт, что ключевые фразы будут извлечены и растиражированы в виде коротких видео или мемов. Поэтому он стремится к афористичности и ударным формулировкам, которые работают как самодостаточные атрибуционные единицы: «*Они разрушили экономику*», «*Мы спасли пенсии*». Мультиплатформенность – одновременное вещание через разные каналы с адаптацией контента под специфику каждой платформы (телевидение требует более развёрнутых ответов, социальные сети – коротких и эмоциональных). Интерактивность – вовлечение аудитории через прямые включения, где зрители могут задавать вопросы, что создаёт дополнительное атрибуционное давление: политик вынужден реагировать не только на профессионального журналиста, но и на потенциально враждебные или провокационные вопросы обычных граждан. Вместе с тем необходимо отметить, что эмпирический материал настоящего исследования – стенограммы телевизионных интервью – фиксирует преимущественно вербальную составляющую коммуникации и не отражает в полной мере такие аспекты цифровой среды, как ускорение атрибуционных циклов или эффект «эхо-камер». Однако, как показывает анализ, сама риторика политиков в этих интервью уже адаптирована под последующую фрагментацию и цитирование в цифровой среде: высокая концентрация оценочной лексики, использование мета-атрибуционных ходов свидетельствуют об ориентации говорящих на «вирусный» потенциал высказываний и их функционирование за пределами исходного диалогического контекста. Таким образом, даже в традиционном формате телеинтервью атрибуционные конструкты проектируются с учётом их последующей циркуляции в гибридной медиасистеме. Исследователи отмечают, что в условиях цифровой среды меняется баланс сил между участниками интервью. Политики получают возможность прямого обращения к аудитории, минуя медиа-посредников (например, через параллельные твиты во время интервью), что ослабляет контроль журналистов над коммуникативным процессом. Вместе с тем

это усложняет атрибуционные практики: традиционные политические институты теряют монополию на «последнее слово» в объяснении событий, а каузальные нарративы становятся предметом распределенного создания смысла, в котором участвуют политики, журналисты, блогеры и рядовые пользователи [Chadwick 2017].

Кросс-культурные исследования показывают существенные различия в проведении политических интервью в разных странах. Сравнительный анализ выявляет различия в степени конфронтационности – более высокая в западных медиа; в тематической структуре – разный баланс между личными и политическими темами; в ролевом поведении интервьюера – от «адвоката публики» до «посредника». Эти различия отражают особенности политической культуры и медийных систем разных стран, что необходимо учитывать при анализе конкретных примеров политического интервью [Clayman, Heritage 2002: 8–10].

Таким образом, политический дискурс представляет собой институционально структурированное и идеологически нагруженное поле производства каузальности, в рамках которого атрибуционные практики функционируют в условиях высоких ставок, массовой опосредованной коммуникации и жёсткой конкуренции за контроль над интерпретацией событий. Центральной ареной реализации атрибуционных стратегий выступает жанр политического интервью, гибридная природа которого сочетает информационный обмен с конфронтационным противостоянием и создаёт уникальные условия для диалогического конструирования ответственности. Анализ жанровых особенностей политического интервью позволил выявить асимметрию ролей участников и систематизировать их интерактивные тактики: со стороны журналиста – атрибуционное преследование (прямое, косвенное, гипотетическое), контр-атрибуцию через цитирование и стратегическое использование гипотетических сценариев; со стороны политика – ответ-мост, перенаправление вины и управление темпоральностью атрибуции, а также мета-атрибуционные приёмы (опе-

режающее конструирование каузальности, рефрейминг мотивации интервьюера). Управление восприятием в данном жанре осуществляется через систему специализированных атрибуционных конструкторов, функционально ориентированных на закрепление либо диспозиционной, либо ситуативной версии причинности, а также на рефлексивное переопределение самой коммуникативной ситуации посредством мета-атрибуционных приёмов. Проведённый анализ закладывает необходимую жанровую и инструментальную базу для последующего обращения к аргументативной природе атрибуции, рассматриваемой в следующем параграфе.

1.3. Атрибуция как феномен аргументации в политической коммуникации: теоретические основания и модели анализа

Атрибуционные процессы в политической коммуникации выполняют фундаментальную аргументативную функцию, выступая в роли когнитивно-дискурсивного инструмента, который трансформирует фактические данные в убеждающие доводы. Данный анализ фокусируется на роли атрибуции как системообразующего элемента политической аргументации.

Истоки структурно-функционального анализа аргументации восходят к трудам античных мыслителей, таких как Платон и Аристотель. Именно Аристотель сформулировал фундаментальные принципы понимания аргументации как процесса убеждения, реализуемого посредством научного метода или речевых практик, то есть дискурса.

Решению вопросов, связанных с пониманием и описанием феномена аргументации, посвящен ряд исследовательских работ [Баранов 1990; Брутян 1984; Васильев 1994; 1999; Грайс 1985; Демьянков 1989; Хенкеманс 2002; Фанян 2000; Blair 1998; Crable 1976; Ducrot 1984; Freeley 1981; Govier 1988; Lo Cascio 1991; Perelman 1958; Toulmin 1958; Walton 1995 и др.].

Аргументация – это сложный и многогранный процесс, основанный на практической логике и коммуникации, целью которого является убедить человека или группу людей в правильности определенной точки зрения с помощью

рациональных (или маскирующихся под рациональные) средств. Она необходима, когда идея не является очевидной или требует дополнительного разъяснения для большей ясности; аргумент возникает, когда необходимо обосновать или пояснить идею, посредством диалога или монолога [Васильев, Назарчук 2013].

Несмотря на кажущуюся противоположность, монолог и диалог тесно взаимосвязаны и часто переплетаются в речевой аргументирующей практике. Об этом свидетельствуют работы исследователей, использующих термины, объединяющие оба понятия, например, 'обмен монологами' и 'монологический диалог' [Якубинский 1986], 'монологический речевой акт' [Баранов, Крейдлин 1992]. Кроме того, отмечается присутствие диалогических элементов в монологах [Васильев 1994] и признается отсутствие четкой демаркационной линии между этими двумя формами коммуникации [Семененко 1996].

Близость монолога и диалога по своим функционально-коммуникативным составляющим унифицирует процесс описания текстового массива аргументативного речевого общения. По мнению Г.А. Брутяна, диалог в любом своем проявлении является сущностью «внешней формы» аргументации [Брутян 1984], соответственно, любой диалогический текст имеет аргументативную семантику.

Согласно В.В. Богданову [Богданов 1993], принципиальную диалогическую природу имеет письменное общение. Это особенно заметно в научных текстах, которые, несмотря на отсутствие конкретного адресата, представляют собой своего рода отложенный спор. Аргументация в таких текстах строится по принципу диалога, с использованием таких элементов, как речевые акты, ходы, взаимодействия, диалогические единства, микро- и макродиалоги, а также речевые события, образующие иерархическую структуру. Принципы организации диалогового пространства подробно исследованы в работах М.Л. Макарова [2003], Г.Г. Почепцова [1981], И.П. Сусова [1983], С.А. Сухих [1998], Л.П. Чахоян [1989] и др.

Приоритет диалогового подхода к решению проблем не исключает значимости монологического аргументативного дискурса. Последний, как правило, представляет собой имплицитную форму диалога, поскольку строится с учетом потенциальных сомнений и возражений отсутствующего оппонента. Аргументация, предлагаемая говорящим, понимается как сложная структура, включающая в себя утверждения, направленные, как утверждается в голландской прагматодialeктике, на преодоление реальных или предполагаемых критических замечаний со стороны противоположной стороны [Henkemas 1997].

Политическая аргументация обладает рядом отличительных характеристик, обусловленных институциональной природой политической коммуникации. Во-первых, она ориентирована на массовую, гетерогенную аудиторию, что требует от аргументирующего использования не столько формально-логических доказательств, сколько риторических приёмов, апеллирующих к ценностям, эмоциям и коллективной идентичности. Во-вторых, политическая аргументация функционирует в условиях жёсткой конкуренции за контроль над интерпретацией событий, что придаёт ей ярко выраженный агональный (сопоставительный) характер. В-третьих, она неразрывно связана с идеологическими установками и властными отношениями, воспроизводя и легитимируя определённые социальные порядки [Fairclough 2003; Van Dijk 1997].

В этом контексте атрибуция приобретает статус ключевого аргументативного ресурса. Приписывая событиям те или иные причины, политический актор не просто объясняет реальность, но конструирует её в соответствии со своими стратегическими целями. Выбор между диспозиционной и ситуативной атрибуцией становится выбором между различными аргументативными траекториями, каждая из которых ведёт к определённым выводам относительно ответственности, вины и заслуг. Так, диспозиционная атрибуция экономического кризиса действиям правительства (*«кризис вызван некомпетентностью властей»*) имплицитно содержит Тезис о необходимости смены руководства. Ситуативная атрибуция того же кризиса внешним факторам (*«кризис*

спровоцирован глобальной рецессией») ведёт к Тезису о необходимости консолидации и поддержки действующей власти. Таким образом, атрибуционное утверждение задаёт логику аргументативного развёртывания, предопределяя допустимые выводы и блокируя альтернативные интерпретации.

Для систематического изучения аргументативной функции атрибуции необходимо обратиться к существующим моделям анализа аргументации. В современной лингвистике и теории аргументации можно выделить несколько ключевых подходов.

Прагматодialeктическая модель, разработанная Ф. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом, рассматривает аргументацию как часть критической дискуссии, направленной на разрешение разногласий. В рамках этой модели выделяются четыре стадии дискуссии (конфронтация, открытие, аргументация, заключение) и формулируются правила рационального ведения спора [Eemeren, Grootendorst 2004]. Применительно к атрибуции прагматодialeктика позволяет анализировать, как каузальные утверждения используются для обоснования точек зрения и как оппонент может подвергать их критике, требуя дополнительных доказательств или указывая на логические ошибки.

Неформальная логика, представленная работами С. Тулмина, Р. Джонсона и Дж. Блэра, фокусируется на структуре аргументов и критериях их оценки в естественном языке. В отличие от формальной логики, неформальная логика учитывает контекст, аудиторию и прагматические аспекты аргументации [Johnson, Blair 1994]. Для анализа атрибуции особую ценность представляет выделение различных типов аргументативных схем (аргумент от причины к следствию, аргумент от аналогии, аргумент от авторитета и др.), что позволяет классифицировать атрибуционные конструкты по их логической структуре.

Риторический подход, восходящий к аристотелевской традиции и развитый в работах Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Тытеки, акцентирует внимание на способах убеждения аудитории. Ключевыми понятиями здесь выступают этос (образ оратора), пафос (эмоциональное воздействие) и логос (логическое

доказательство) [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1958]. Атрибуционные конструкции в этой перспективе рассматриваются как риторические инструменты, работающие одновременно на всех трёх уровнях: они формируют этос говорящего (демонстрируя его способность к анализу причин), апеллируют к пафосу (вызывая гнев, сочувствие или надежду) и выстраивают логос (предлагая каузальное обоснование).

Семантико-грамматическая силлогистика, разработанная в трудах представителей калужской школы лингвоаргументологии (Л.Г. Васильев и др.), предлагает метод реконструкции аргументативных структур на основе анализа языковых маркеров логических отношений [Васильев 1999; 2014]. Данный подход позволяет выявлять имплицитные компоненты аргумента (невыраженные посылки, скрытые Тезисы) и реконструировать полную аргументативную схему высказывания.

Аргументация как речевой акт, ориентированный на изменение убеждений и достижение консенсуса, представляет собой социально обусловленную деятельность. Теория аргументации (аргументология) подчеркивает значимость социальных факторов, таких как доверие к источнику информации и эмоциональное воздействие, в процессе формирования позиции реципиента.

Чтобы помочь человеку убедить своего оппонента, существуют правила критической дискуссии, общепринятые нормы общения и соглашения. Выделяются следующие правила: правила вежливости Дж. Лича [Leech 1983; 1989]; принцип кооперации П. Грайса [Grice 1975]; правила ведения критической дискуссии [Еемерен, Гроотендорст 1994]; принцип сохранения лица (социальный имидж) П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1978; 1987] и целый ряд иных.

В реальной жизни аргументация – это сложный процесс, направленный на достижение двух целей: формирование собственного мнения и убеждение других в его правильности. Эти два аспекта – внутренний и внешний – тесно взаимосвязаны.

Существует ряд научных методик, позволяющих отыскать и идентифицировать аргументы, вербализованные или имплицированные в дискурсе. Это ассоциативно-диссоциативная теория [Azam 1876; Beaunis 1887; Binet 1892-1896; 1997; Breuer, Freud 1893-1895; 1955; Ferenczi 1932; 1988; Jane 1887; 2005; Prince 1905; Ribot 1885; Taine 1878; Van der Hart, Dorahy 2009)], социопсихологическая аттитюдональная концепция [Асмолов 1979; 2001; 2002; Бассин 1968; 1973; Берулава 1995; 2011; Бжалава 1965; Коваль 1982; Надирашвили 1974; 1987; Норакидзе 1975; Прангишвили 1958; 1975; Узнадзе 1949; 1961; 1966; Чарквиани 1971; Шихирев 1973; 1976; Ядов 1970; 1975, 1995; Kiak 1977] и др., теория речевых актов [Austin 1962; Searle 1969; 1975], прагматическая [Eemeren, Grootendorst 2004; Eemeren, Houtlosser 2003; Henkemas 1997], неформальная логика (структурная и процедурная) [Toulmin 1958; Perelman, Olbrechts-Tyteca 1958; Johnson, Blair 1994; Freeman 2000], концепция риторико-аргументативного стратегического маневрирования [Eemeren 2006; 2000; Eemeren, Grootendorst 2004], семантико-грамматическая силлогистика [Васильев 1999; 2014] и др. Эти методики с разной степенью полноты позволяют оценить важнейшие проблемы аргументологии в числе которых: точки зрения; невыраженные послылки; схемы аргументации; структуры аргументации; аргументативные ошибки; реконструкция аргументации; аргументация в различных предметных областях [Eemeren 2001].

Методологическую основу составляет аргументно-функциональная модель (калужская школа), которая в рамках данной работы подвергается модификации за счёт включения в её структуру атрибуционных параметров анализа, что позволяет рассматривать каузальные утверждения не только как логические основания аргумента, но и как лингвистически оформленные инструменты диспозиционной и ситуативной атрибуции в ряде диссертационных исследований, посвященных проблемам языковой личности в ее когнитивно-психологическом и дискурсивном измерении [Беседина 2011; Зайцева 2012; Калашникова 2007; Киселева 2006; Некрасова 2025; Степанова 2022].

Ключевой в сфере анализа функционального аспекта рассуждения является модель аргументации, предложенная С. Тулмином.

По С. Тулмину, чтобы исследовать аргументацию, следует рассматривать её как единую, взаимосвязанную систему, обладающую общей смысловой структурой. Эта система включает в себя два ключевых элемента: Тезис (то, что мы пытаемся доказать) и Доводы (подтверждающие его Данные и способ рассуждения (сродни ‘способу демонстрации’ в логике) – Основания. Подробное описание этих компонентов можно найти в работах калужской школы лингвистической аргументологии (см., например, [Васильянова 2007; Ручкина 2009; Беседина 2011; Салтыкова 2011; Зайцева 2012; Мищук 2013] и др.).

Общую картину базовых компонентов аргумента обычно представляют в виде следующей схемы:

Схема 1. Базовые компоненты аргументов

Тезис (Claim). Это основная мысль, которую аргументирующий пытается доказать. Это утверждение, которое слушатель (или читатель) изначально не принимает, но которое, по мнению аргументирующего, он должен принять в конце. Утверждения могут быть выводами, интерпретациями, мнениями или предложениями, и они должны быть четко сформулированы.

Данные (Data/Evidence). Чтобы утверждение было воспринято как приемлемое и очевидное, необходимо предоставить убедительные доказательства. К ним относятся факты, статистика, результаты исследований, артефакты, свидетельства очевидцев, мнения экспертов, конкретные примеры, а также ссылки на общественное мнение или авторитетные источники.

Основание (Warrant). Это логическая связь, которая соединяет Данные и Тезис, придавая последнему убедительность. Оно опирается на конкретный метод рассуждения, например, дедуктивный, индуктивный или иной. Нередко Основание базируются на общепринятых знаниях и представлениях, которые

автор и аудитория разделяют, и поэтому не всегда формулируются в явном виде.

Другими тремя составляющими аргумента модели (уже расширенной) С. Тулмина являются Свидетельство, Ограничитель, Оговорка.

Свидетельство (Backing). Информация, выражающая детали Основания, может быть представлена в форме цитаты или дополнительных фактов.

Ограничитель (Qualifier). Это информация, обозначающая степень уверенности продуцента в истинности Тезиса, она зачастую представлена в виде терминов вероятности.

Оговорка (Rebuttal/Reservation). Это проводимые пропонентом аргумента языковые выражения об условиях, которые противоречат Тезису, или экспликация условий, в которых Тезис действует, что позволяет избавиться от возможных замечаний оппонента [Toulmin 1958; Васильев 1992: 33–34].

В рамках настоящего исследования атрибуция не отождествляется с Основанием (Warrant) как структурным компонентом аргумента. Warrant – это тип логической связи. Атрибуция же представляет собой когнитивно-дискурсивный инструмент, который обеспечивает содержательное наполнение Warrant, предоставляя конкретное каузальное объяснение (диспозиционное или ситуативное) для логического перехода от Данных к Тезису. Именно в этой функции атрибуционные конструкты реализуют свой аргументативный потенциал, обслуживая стратегии обвинения и защиты. Данная трактовка обусловлена спецификой анализируемого материала: в дискурсе политического интервью каузальные утверждения систематически используются не как элементы фактической базы (Данные), а как логические связки, обеспечивающие переход от констатации событий к выводам об ответственности и вине. Именно в этой функции атрибуционные конструкты реализуют свой аргументативный потенциал, обслуживая стратегии обвинения и защиты.

Именно атрибуционное утверждение, предлагающее каузальное объяснение связи между фактами и выводом, придаёт аргументу убедительность. Без такого объяснения Данные остаются набором разрозненных сведений, а

Тезис – необоснованным заявлением. Атрибуция «скрепляет» их, формируя целостную аргументативную конструкцию.

Рассмотрим условный пример из политического дискурса, иллюстрирующий данную функцию:

Данные (Data): *«В текущем квартале уровень безработицы снизился на 2%».*

Тезис (Claim): *«Экономическая политика правительства эффективна».*

Основание (Warrant) – атрибуционное: *«Снижение безработицы является прямым следствием реализуемых правительством программ стимулирования занятости».*

В данном случае именно атрибуционное утверждение, приписывающее позитивный результат действиям правительства (то есть реализующее диспозиционную атрибуцию в рамках стратегии присвоения успеха), обеспечивает легитимный переход от Данных к Тезису. Если заменить это Основание на альтернативное, ситуативно-атрибуционное объяснение – *«Снижение безработицы вызвано сезонным оживлением экономики, не зависящим от действий правительства»* – то при тех же самых Данных исходный Тезис окажется полностью необоснованным. Этот пример наглядно демонстрирует, что именно выбор атрибуционной версии (диспозиционной или ситуативной) определяет, какой Тезис может быть доказан на основе одних и тех же Данных.

Возможность иных функциональных интерпретаций атрибуции в аргументативной структуре (например, её вхождение в состав Данных или Свидетельства) не отрицается, однако для целей настоящего исследования релевантной является именно роль Основания, что соответствует центральному положению, выносимому на защиту.

Аргументативно-функциональный анализ сложен по двум причинам. Во-первых, трудность заключается в том, что необходимо выявить логические инструменты, которые используются во время аргументации. Во-вторых, дан-

ный анализ можно считать поле-ориентированным (field-dependent), поскольку специфика аргументации варьируется в зависимости от предметной области.

Для нашего исследования интерес представляет дискурсивное аргументативное пространство 'Политическое интервью'. При анализе политического интервью аргумент рассматривается как комплексный дискурсивный акт с несколькими высказываниями, призванными обосновать или опровергнуть выдвинутый Тезис.

Согласно прагма-диалектической теории аргументации, эффективный аргумент требует не только фактических данных, но и их приемлемой для аудитории интерпретации [Eemeren, Grootendorst 2004]. Именно атрибуционные утверждения, как показывает анализ политического дискурса, часто служат содержательным наполнением этого связующего звена. Они занимают позицию логического перехода от Данных к Тезису, предоставляя каузальное объяснение, которое делает этот переход убедительным для конкретной аудитории. Иными словами, атрибуция не тождественна Основанию (Warrant) как структурному элементу аргумента, но выполняет функцию обоснования, заполняя данную структуру причинно-следственным содержанием (диспозиционным или ситуативным). Исследования в области политической психологии подтверждают, что убедительность аргумента часто зависит от его соответствия существующим у реципиентов атрибуционным склонностям, таким как фундаментальная ошибка атрибуции или предпочтение ситуативных объяснений при оценке действий «своей» группы [Hewstone 1990; Reicher, Hopkins 2001]. Это означает, что атрибуция является не дополнением к аргументу, а его концептуальным ядром.

Таким образом, понимание атрибуции как содержательного ядра аргументативного обоснования позволяет перейти от анализа поверхностного содержания политических высказываний к исследованию глубинных конструкторов формирования убеждений и конструирования политической реальности в публичной сфере.

1.4. Комплексная лингвистическая модель анализа атрибуционных конструкторов в политическом интервью

В настоящем разделе излагается комплексная лингвистическая модель анализа атрибуционных конструкторов, предлагаемая для исследования диспозиционной и ситуативной атрибуции в дискурсе политического интервью. Это модель интерпретационно-аналитического, а не референтно-имитирующего плана. Её разработка была вызвана необходимостью преодолеть фрагментарность существующих подходов, которые зачастую рассматривают диалоговые стратегии исключительно в прагматическом ключе, без учёта их лингвопсихологической и аргументативной укоренённости [Hart 2014; Сухих 2021]. Предлагаемая ниже модель решает эту проблему следующим образом. Аргументативная функция атрибуции выступает сквозной, интегративной рамкой всего анализа: атрибуционные конструкторы рассматриваются как Основания (Warrant) в структуре политической аргументации. Данная рамка операционализируется через три взаимосвязанных аналитических аспекта – лексико-семантический, грамматический и интерактивный, – посредством которых аргументативная функция получает конкретную языковую реализацию в дискурсе политического интервью. Такое структурирование напрямую соответствует организации эмпирической части исследования.

Модель базируется на принципах междисциплинарного синтеза.

Во-первых, она включает принцип многоуровневости из функциональной лингвистики, требующий одновременного анализа языка на уровнях семантики, синтаксиса и дискурса [Halliday, Matthiessen 2014].

Во-вторых, в её основе лежит теория атрибуции из социальной и политической психологии, предоставляющая ключевой категориальный аппарат (диспозиционная *vs.* ситуативная атрибуция) и объясняющая мотивацию выбора тех или иных каузальных объяснений [Hewstone 1990; Tetlock 2002].

Наконец, модель задействует функционально-аналитический подход к аргументации, при котором атрибуционные высказывания могут расцениваться как принципиальные компоненты убеждения и разрешения противоречий в диалоге (в духе прагматической диалектики – см. о ней: [Eemeren 2018]).

Отличительная особенность модели заключается не в простом перечислении аспектов, а в установлении системных связей между ними. Конструкт атрибуции (аспект 1) материализуется посредством лексического выбора (аспект 2) через конкретные грамматические конструкции (аспект 3), которые, в свою очередь, адаптируются применительно к условиям реального диалогического взаимодействия (аспект 4).

Верификация модели осуществляется во второй главе через ее последовательное применение к корпусу политических интервью американских президентов. Каждый эмпирический раздел является операционализацией соответствующего уровня модели, что обеспечивает целостность, сопоставимость результатов и позволяет не только описать, но и объяснить различия в использовании диспозиционной и ситуативной атрибуции разными политическими акторами.

Рассмотрим, однако, основные моменты собственно лингвистических аспектов модели.

Лексико-семантический уровень составляет основу операционализации атрибуционных инструментов в рамках предложенной комплексной модели, обеспечивая прямой доступ к семантическим репрезентациям каузальности (т. е. к принципам обоснования / аргументации) в дискурсе. Данный уровень анализа направлен на идентификацию и классификацию языковых единиц, непосредственно кодирующих причинно-следственные отношения и специфику ролевого фактора – распределение инициативной или респонсивной агентности (то есть то, как субъект представлен в каузальной схеме: в качестве активного инициатора действия либо в качестве реагирующего на внешние обстоятельства), выступая, таким образом, эмпирическим фундаментом для разгра-

ничения диспозиционной и ситуативной атрибуции. В соответствии с принципами функциональной семантики, лексический выбор является не нейтральным номинативным актом, а стратегическим действием, конституирующим определенную модель действительности [Арутюнова 1999; Halliday, Matthiessen 2014]. Лексико-семантический анализ позволяет объективировать имплицитные атрибуционные стратегии, выявляя, как через выбор конкретных лексем конструируются версии ответственности и вины в политическом интервью.

Ключевым инструментом на данном уровне является анализ семантических полей и лексико-семантических групп, объединяющих единицы, связанные общим понятийным ядром. Для атрибуционного анализа релевантны следующие поля:

1. Семантическое поле каузации, включающее вербальные (*приводить к, вызывать, провоцировать, обуславливать, породить*), адвербиальные (*вследствие, благодаря, из-за, в результате*) и конъюнктивные (*так как, поскольку, ибо*) маркеры причинно-следственных связей [Кобозева 2000; Падучева 2004].

2. Семантическое поле агентности, охватывающее номинации субъектов действия и объектов воздействия. Внутри этого поля критически важным является разграничение лексики с семой интенциональности (например, *иницировать, планировать, саботировать*), маркирующей диспозиционную атрибуцию, и лексики с семой реактивности или вынужденности (*реагировать, сталкиваться, вынужден, приходится*), указывающей на ситуативную обусловленность [Апресян 1995; Fillmore 1968].

3. Оценочно-аксиологическое поле. Выбор оценочной лексики для характеристики агента, действия или причины (например, *безответственная политика, деструктивные силы, объективные трудности, неизбежные издержки*) предопределяет морально-этическую интерпретацию атрибуционного акта [Вольф 2006; Шейгал 2004]. Как показал Дж. Лакофф, оценочные

ярлыки активируют глубокие моральные и политические конструкты, легитимируя или делегитимизируя ту или иную каузальную модель [Lakoff 2004].

Дифференциация диспозиционной и ситуативной атрибуций с точки зрения лексического аспекта. Непосредственным преимуществом данного аспекта при реализации комплексной лингвистической модели является разработка четких лексических коррелятов для двух основных типов атрибуции, что обеспечивает их идентификацию в корпусе текстов.

Особого внимания в рамках лексико-семантического уровня требуют единицы, которые совмещают лексическое и грамматическое значение, – так называемые лексико-грамматические маркеры. К их числу относятся, например, предикативы (*вынужден, приходится, необходимо, предстоит*), безличные глаголы (*случилось, сложилось, довелось*), а также конструкции с модальным значением вынужденности или долженствования. Данные единицы значимы для атрибуционного анализа, поскольку их лексическая семантика (значение вынужденности, непреднамеренности, объективной обусловленности) неразрывно связана с грамматическим оформлением (безличная или инфинитивная конструкция, фиксированная синтаксическая позиция). Включение таких маркеров в лексико-семантический уровень обусловлено тем, что именно их лексическое ядро задаёт атрибуционную интерпретацию (ситуативную атрибуцию, экстернализацию ответственности), тогда как грамматические особенности их оформления будут детально рассмотрены в разделе о грамматическом аспекте настоящего параграфа.

Лексическо-грамматические маркеры диспозиционной атрибуции. Данный тип характеризуется использованием лексики, апеллирующей к внутренним, стабильным свойствам агента:

а) прилагательные, описывающие личностные или институциональные качества: *некомпетентный, непоследовательный, агрессивный, коррумпированный, безответственный, недальновидный*. Часто используются в атрибуционных конструкциях типа «*Это решение было безответственным*»;

б) отвлеченные существительные, номинализующие негативные качества: *непрофессионализм, амбициозность, безразличие, недальновидность*. Например, «*Причиной кризиса стал непрофессионализм предыдущей администрации*»;

в) глаголы интенционального и волевого действия, подчеркивающие осознанный выбор: *намереваться, стремиться, игнорировать, преднамеренно допускать, упорствовать*.

г) устойчивые номинации агента, закрепляющие за ним определенную роль в каузальной схеме: *виновник, инициатор, автор (проблем)*.

Лексическо-грамматические маркеры ситуативной атрибуции. Данный тип опирается на единицы, лексическое значение которых указывает на внешние, неконтролируемые факторы:

а) существительные с широкой, обобщающей семантикой, обозначающие контекст или обстоятельства: *кризис, вызов, давление, обстоятельства, пандемия, тенденция, наследие, конъюнктура, логика развития*;

б) глаголы и предикативы, выражающие вынужденность, реакцию или непреднамеренность: *пришлось, был вынужден, столкнуться с, стать заложником, сложиться (об обстоятельствах)*;

в) безличные и неопределенно-личные конструкции, снимающие фокус с конкретного агента: *случилось так, что...; потребовалось; пришлось принимать решение*;

г) лексика, описывающая комплексные, системные или стихийные процессы: *глобализация, санкционное давление, рыночные механизмы, объективные процессы*.

Лексико-семантический анализ не является автономным. Он служит необходимым входом для последующих (см. ниже) уровней модели:

1. Реализация аргументативной рамки на лексико-семантическом уровне. Выявленные лексические паттерны служат эмпирической основой для идентификации атрибуционных стратегий. Так, преобладание лексем семан-

тического поля «вынужденность» (*пришлось, был вынужден, обстоятельства*) выступает индикатором стратегии снятия ответственности, тогда как использование оценочной лексики с негативной семантикой (*безответственный, непрофессионализм, саботировать*) маркирует стратегию дискредитации оппонента. Лексика, подчёркивающая интенциональность и заслугу агента (*обеспечили, достигли, благодаря нашим усилиям*), соответствует стратегии присвоения успеха, а выбор терминов (*суверенитет, стабильность, угроза*) реализует стратегию фрейминга – установление рамок интерпретации событий.

2. Связь с грамматическим аспектом. Лексические единицы (глаголы, существительные) выступают ядрами синтаксических конструкций, грамматическое оформление которых закрепляет атрибуционную интерпретацию. Так, глагол *столкнуться* предрасположен к синтаксическому оформлению с агентом в позиции субъекта (*Мы столкнулись с кризисом*), что грамматически подтверждает реализацию стратегии снятия ответственности через представление агента как реагирующего на внешние обстоятельства. В свою очередь, активные конструкции с агентом в позиции подлежащего и глаголами интенционального действия (*правительство допустило ошибку*) закрепляют стратегию дискредитации оппонента или стратегию присвоения успеха в зависимости от оценочного знака лексики.

3. Связь с интерактивным аспектом. Лексический выбор является ключевым тактическим инструментом в диалоге. Повторение ключевых оценочных номинаций, введённых собеседником, либо, напротив, их намеренная замена на лексемы из противоположного семантического поля становятся конструктом атрибуционного переосмысления в реальном времени [Иссерс 2008]. В рамках интерактивного аспекта стратегии реализуются через систему тактик. Так, тактика ответ-мост позволяет снять напряжённость и перевести фокус с прямого ответа на более широкий контекст, что может работать в рамках стратегии снятия ответственности или стратегии фрейминга. Тактика перенаправления вины предполагает смещение акцента с собственных действий на

действия оппонента или внешние обстоятельства, реализуя преимущественно стратегию дискредитации оппонента и стратегию снятия ответственности. Тактика управления темпоральностью заключается в акцентировании временной перспективы (перенос фокуса на прошлое наследие или будущие достижения), что служит реализации стратегии присвоения успеха (через апелляцию к будущим результатам) и стратегии снятия ответственности (через отсылку к прошлым обстоятельствам).

Таким образом, лексико-семантический уровень предоставляет достаточно строгий, формализуемый аппарат для начального сегментирования и категоризации атрибуционного содержания дискурса, создавая надежную основу для его многоуровневой интерпретации в рамках интегрированной модели.

Грамматический аспект. Данный ракурс анализа представляет собой исследование грамматических структур, которые кодируют каузальные отношения и распределение агентности в высказывании. Если лексико-семантический уровень отвечает на вопрос «какие слова используются» для выражения атрибуции, то грамматический уровень фокусируется на том, «как эти слова организованы» в грамматические конструкции, предопределяющие ту или иную интерпретацию ответственности. Согласно принципам системно-функциональной грамматики, грамматические варианты не являются нейтральными; они реализуют определённые метафункции языка, и в контексте атрибуции ключевой становится идеациональная метафункция – представление опыта, включая модели причинности и действующей силы [Halliday, Matthiessen 2014]. Таким образом, грамматическая репрезентация событий позволяет либо акцентировать, либо «затемнять» роль конкретного агента, что напрямую служит целям диспозиционной и ситуативной атрибуции, а также реализует выделенные атрибуционные стратегии: присвоение успеха, снятие ответственности, дискредитация оппонента и фрейминг.

Ключевыми грамматическими инструментами, релевантными для атрибуционного анализа, являются трансформации, влияющие на представление участников события и характера процесса:

1. Пассивизация и её прагматические функции. Преобразование активной конструкции в пассивную (Актив: «*Администрация допустила ошибки*» → Пассив: «*Ошибки были допущены*») является классическим грамматическим инструментом деагентивизации. Как отмечают Т. Гивон и М. А. К. Хэллидей, пассив позволяет опустить агента, сделав его факультативным или полностью устранив его из фокуса сообщения [Givón 1993; Halliday 1994]. В политическом дискурсе пассивизация регулярно используется для реализации стратегии снятия ответственности, когда необходимо сместить внимание с действующего субъекта на само событие или его результат, тем самым смягчая или снимая персональную ответственность [Van Leeuwen 2008]. Выбор между кратким пассивом («*меры были приняты*») и полным пассивом с агентом («*меры были приняты конгрессом*») представляет собой тонкий прагматический выбор, регулирующий степень эксплицитности атрибуции. Активные конструкции с агентом-оппонентом в позиции подлежащего, напротив, служат реализации стратегии дискредитации оппонента, тогда как активные конструкции с агентом-субъектом от первого лица закрепляют стратегию присвоения успеха.

2. Номинализация как инструмент реификации процесса. Номинализация – это грамматическая операция, преобразующая процесс (глагол) или качество (прилагательное) в абстрактное существительное (атаковать → атака, нестабильный → нестабильность, решать → решение). С точки зрения функциональной грамматики, номинализация приводит к существенным смысловым потерям: она устраняет временной параметр процесса, его модальность и, что критически важно, его участников [Halliday, Matthiessen 1999]. Фраза «*Произошла эскалация напряжённости*» (номинализация) по сравнению с «*Оппонент эскалировал напряжённость*» (личный глагол) представляет собы-

тие как самодостаточный, безличный факт, лишённый конкретного инициатора. Этот процесс служит основным средством создания эффекта объективной неизбежности, что является краеугольным камнем стратегии снятия ответственности. Кроме того, номинализации могут использоваться в рамках стратегии фрейминга, когда абстрактное существительное задаёт определённую интерпретативную рамку (*нестабильность, угроза, суверенитет*), имплицитно навязывая каузальную схему без эксплицитного указания на агента.

3. Лексико-грамматические маркеры. Как было отмечено, особого внимания требуют единицы, совмещающие лексическое и грамматическое значение, – предикативы (*вынужден, приходится, необходимо, предстоит*), безличные глаголы (*случилось, сложилось, довелось*), а также конструкции с модальным значением вынужденности или долженствования. С грамматической точки зрения данные единицы характеризуются фиксированной синтаксической позицией, отсутствием субъекта в именительном падеже и обязательной инфинитивной зависимостью. Их грамматическое оформление закрепляет стратегию снятия ответственности, поскольку конструкция не позволяет эксплицитно выразить агента действия, представляя его как реагирующего на внешние обстоятельства.

В дополнение к указанным выше грамматическим инструментам, для анализа диспозиционной атрибуции в политическом дискурсе релевантны следующие синтаксические структуры, закрепляющие агентность за субъектом и приписывающие ему устойчивые внутренние качества:

а) активные транзитивные конструкции с агентом в позиции подлежащего. Данный инструмент является базовым для диспозиционной атрибуции: чёткая синтаксическая позиция подлежащего закрепляет за агентом статус источника действия, что в рамках стратегии присвоения успеха позволяет приписать себе позитивные результаты, а в рамках стратегии дискредитации оппонента – возложить на оппонента ответственность;

б) притяжательные конструкции (генитивные группы) как инструмент присвоения действия. Конструкции типа *мое решение, наш план, его ошибка*

синтаксически присваивают действие агенту через категорию притяжательности. В отличие от активной конструкции, где агент выражен подлежащим *Я решил*, притяжательная конструкция представляет действие как объект обладания, что усиливает персональную ответственность агента за его последствия. Данный инструмент активно используется в стратегии присвоения успеха (закрепление позитивного результата за собой) и стратегии дискредитации оппонента (приписывание оппоненту негативных действий как его «собственности»);

в) синтаксические структуры с модальными глаголами воли, необходимости и возможности. Глаголы долженствования в конструкциях с агентом-подлежащим оформляют действие не как гипотетическое или ситуативно обусловленное, а как проявление внутренней диспозиции субъекта – его решимости, способности или неотъемлемой потребности. В стратегии присвоения успеха такие конструкции закрепляют за субъектом диспозицию деятельного, компетентного лидера; в стратегии дискредитации оппонента – приписывают оппоненту диспозицию угрозы или некомпетентности. Например, *он ни перед чем не остановится (he will stop at nothing)*;

г) перформативные глаголы в отрицательных конструкциях как инструмент сохранения агентности. Конструкции типа *Я этого не исключаю (I don't rule it out, I don't say)* позволяют субъекту сохранить возможность действия при формальном отказе от его декларации. Синтаксически отрицание перформатива не устраняет агента, а, напротив, фиксирует его в позиции «держателя» потенциального действия, что закрепляет за субъектом диспозицию свободы манёвра и неограниченной воли. Данный инструмент преимущественно обслуживает стратегию присвоения успеха (сохранение позитивной агентности);

д) придаточные определительные с будущим временем как инструмент пресуппозиции. Конструкции типа, *о которых мы позаботимся (which we'll take care of)* используют будущее время не для выражения обещания, а для представления будущего действия как predetermined, вытекающего из

самой природы субъекта. Синтаксически придаточное определительное закрепляет за субъектом диспозицию патерналистского покровительства, не оставляя места для альтернативных сценариев. Данный инструмент обслуживает стратегию присвоения успеха (конструирование позитивной идентичности «заботливого лидера»);

е) анафорические цепочки как инструмент грамматической объективации. Последовательная замена имени собственного местоимениями (*Greenland* → *it* → *that*) в позиции дополнения при глаголах модальности (*need*) или каузации (*protect*) превращает референт из потенциального субъекта в грамматический объект действия. Тем самым референту имплицитно приписывается диспозиция пассивности, а субъекту – диспозиция активности и контроля. Данный инструмент работает в рамках стратегии присвоения успеха (закрепление за собой роли активного субъекта) и стратегии дискредитации оппонента (объективация оппонента как пассивной жертвы или угрозы).

Важно подчеркнуть, что номинализация и пассивизация, описанные выше как ключевые инструменты ситуативной атрибуции (стратегия снятия ответственности), в определённых контекстах могут обслуживать и диспозиционную атрибуцию. В частности, номинализация, представляющая действие как статичный объект *источник нестабильности*, может закреплять за агентом устойчивую негативную диспозицию в рамках стратегии дискредитации оппонента. Пассивная конструкция с опущенным агентом *которые пострадали* (*who were affected*), может использоваться для конструирования коллективной идентичности жертвы, что также является элементом диспозиционной атрибуции (приписывание группе диспозиции страдания). Однако в таких случаях функциональная нагрузка номинализации и пассивизации меняется: они работают не на снятие ответственности с агента, а на закрепление диспозиции за объектом или субъектом.

В рамках комплексной лингвистической модели грамматический уровень предоставляет чёткие критерии для различения двух типов атрибуции и соответствующих им стратегий:

1. Грамматические паттерны диспозиционной атрибуции (реализуют стратегии присвоения успеха и дискредитации оппонента): а) активные транзитивные конструкции с чётко выраженным агентом-подлежащим и прямым дополнением: *«Президент санкционировал операцию»*; б) сложноподчинённые предложения с придаточными причины, где в главном предложении явно указан агент, а в придаточном – его внутреннее свойство или намерение как причина: *«Мы приняли жёсткие меры, потому что были полны решимости защитить...»*; в) конструкции с модальными глаголами воли и возможности (*хотеть, мочь, намереваться*), подчёркивающими контролируемость действия.

2. Грамматические паттерны ситуативной атрибуции (реализуют стратегию снятия ответственности и частично стратегию фрейминга): а) безличные и неопределённо-личные предложения: *«Пришлось пойти на эти меры»*, *«В данной ситуации требуется решительность»*; б) пассивные конструкции с опущенным агентом: *«Были введены санкции»*; в) номинализированные конструкции, представляющие процесс как объект: *«Причиной отставки стала нестабильность на рынках»*; г) предложения с инверсией и выносом обстоятельства причины в сильную позицию: *«Из-за пандемии экономика замедлила рост»* (фокус на обстоятельстве, а не на агенте).

Грамматический анализ неразрывно связан с другими аспектами:

1. Реализация аргументативной рамки на грамматическом уровне. Использование пассива, номинализации или лексико-грамматических маркеров вынужденности является прямым воплощением деагентивизации, направленной на реализацию стратегии снятия ответственности. Активные конструкции с агентом в позиции подлежащего служат грамматической основой для стратегии присвоения успеха и стратегии дискредитации оппонента. Грамматика, таким образом, материализует атрибуционные стратегии в конкретные языковые формы.

2. Взаимодействие с лексико-семантическим аспектом. Конкретные лексемы (например, глагол *привести*) предрасполагают к определённым грамматическим схемам (*привести к чему-либо*). Совместный анализ позволяет установить, как семантика глагола и грамматическая конструкция совместно работают на создание атрибуционного эффекта. Лексико-грамматические маркеры (*вынужден, приходится, столкнуться*) служат связующим звеном между двумя уровнями, поскольку их атрибуционный потенциал раскрывается только при учёте как лексической семантики, так и грамматического оформления.

3. Взаимодействие с интерактивным аспектом. Грамматические паттерны могут служить тактическим ответом в диалоге. В рамках тактики перенаправления вины может использоваться пассивная конструкция с опущенным агентом, позволяющая сместить фокус с собственных действий на абстрактные обстоятельства. Тактика ответ-мост реализуется через номинализации, которые позволяют перевести разговор с конкретных действий на уровень абстрактных процессов, уходя от прямого ответа на вопрос. Тактика управления темпоральностью на грамматическом уровне выражается в выборе временных форм (перенос фокуса на прошлое или будущее) и использовании конструкций с темпоральной семантикой.

Таким образом, в рамках комплексной модели грамматический аспект неразрывно связан с аргументативной функцией атрибуции: выбор синтаксической конструкции (актив vs. пассив, номинализация vs. личный глагол) подчинён аргументативному замыслу говорящего – либо закрепить диспозиционную атрибуцию (стратегии присвоения успеха и дискредитации оппонента), либо реализовать ситуативную атрибуцию (стратегии снятия ответственности и фрейминга). Грамматика, таким образом, материализует аргументативную интенцию политика.

Вербальная интеракция, в частности жанр политического интервью, представляет собой сложное полиаспектное пространство, где реализация

коммуникативных стратегий протекает не изолированно, а в тесном переплетении различных аспектов языка и речи. Сквозной, интегративной основой анализа выступает аргументативная функция атрибуции, которая реализуется в рамках Основания (Warrant) в структуре аргумента. Атрибуционные конструкции не заменяют собой Warrant, а обеспечивают его содержательное наполнение, связывая Данные с Тезисом через конкретное каузальное объяснение (диспозиционное или ситуативное). В рамках настоящего исследования предлагается трехуровневая иерархия атрибуционных практик, где аргументативная функция пронизывает все уровни:

1. Уровень 1 (Жанрово-коммуникативный): Категория (обвинение) и Апология (защита). Данные понятия, восходящие к античной риторике, задают общие интерактивные рамки политического интервью. Категория представляет собой речевой акт, посредством которого интервьюер (или оппонент) приписывает политику ответственность за негативные события или действия. Апология – это ответный речевой акт, в котором политик опровергает обвинение, смягчает его или переопределяет каузальную версию.

2. Уровень 2 (Риторико-стратегический): Стратегии атрибуции – присвоение успеха, снятие ответственности, дискредитация оппонента, фрейминг. Данные стратегии представляют собой способы действия, которые политик выбирает в зависимости от коммуникативной ситуации. В рамках Апологии политик может использовать стратегию снятия ответственности (объясняя неудачи внешними обстоятельствами) или стратегию присвоения успеха (переводя разговор на свои достижения). В рамках Категории интервьюер реализует стратегию дискредитации оппонента, навязывая политику диспозиционную атрибуцию негативных событий.

3. Уровень 3 (Интерактивный): Дискурсивные тактики – конкретные речевые ходы, посредством которых реализуются стратегии в условиях диалогического взаимодействия. К их числу относятся атрибуционное преследование (тактика журналиста), ответ-мост, перенаправление вины, управление темпоральностью атрибуции (тактики политика), а также приемы мета-атрибуции

(опережающее конструирование каузальности, рефрейминг мотивации интервьюера). Данные тактики представляют собой интерактивную реализацию конструкторов.

Эффективная или неудачная реализация Категории и Апологии зависит от координированного взаимодействия трёх аналитических аспектов – лексико-семантического (выбор слов и их коннотаций), грамматического (построение высказываний) и интерактивного (управление диалогом и учетом адресата), – объединённых аргументативной функцией, которая – в терминах модели С. Тулмина – обеспечивает роль атрибуционных конструкторов как Оснований (Warrant), связывающих Данные с Тезисом, и определяет, как именно языковые средства служат достижению перлокутивного эффекта обвинения или защиты. Интервью как институциональный диалог с асимметричными ролями (интервьюер – интервьюируемый) и установкой на публичность создает уникальные условия для этого взаимодействия, где каждый аспект усиливает или ослабляет перлокутивный эффект атрибуции [Ware, Linkugel 1973].

Аргументативная рамка задает логическую и композиционную структуру атрибуционного параметра диалоговых реплик. В Категории он часто строится по модели: а) установление негативного факта или события; б) атрибуция ответственности конкретному агенту (интервьюируемому или третьей стороне); в) демонстрация причинно-следственной связи между действиями агента и негативным исходом; г) выдвижение требований или предъявление претензий. Интервьюер, исполняя роль публичного контролера, использует для этого различные средства: от прямого вопроса-обвинения (*«Почему вы допустили...?»*) до косвенной аргументации через ссылку на авторитетные источники или общепринятые нормы [Рождественский 1997].

В рамках Апологии, которая служит интерактивной формой реализации стратегии снятия ответственности (а также, в зависимости от контекста, стратегий присвоения успеха, дискредитации оппонента и фрейминга), аргументативная схема включает несколько классических средств, выделенных У. Бенуа [Benoit 1995]: отрицание факта; снижение степени ответственности (диффузия

вины, апелляция к обстоятельствам); снижение степени ошибочности действий; коррективные действия; трансформация восприятия. Интервьюируемый выстраивает свою аргументацию, чтобы логически деконструировать обвинение, переопределив ситуацию в свою пользу. Эффективность Апологии напрямую зависит от ее внутренней непротиворечивости и учета ожиданий аудитории [Goffman 1971].

Лексико-семантический аспект обеспечивает конкретное языковое наполнение аргументативных схем:

1. При Категории используется лексика с резко негативной семантикой, указывающая на ущерб, некомпетентность, злой умысел или нарушение норм («провал», «скандал», «замалчивание», «дезинформация», «безответственность»). Широко применяются оценочные номинализации, превращающие процессы в статичные «вещи-проблемы» («развал системы», «непрозрачность расходов»). Ключевую роль играют глаголы с семантикой полного контроля и осознанности действий агента обвинения («проигнорировал», «сфальсифицировал», «уклонился»), что усиливает атрибуцию.

2. При Апологии напротив, используется лексика, смягчающая или переопределяющая событие. Факты описываются через слова с нейтральной или положительной коннотацией («вызов», «сложная ситуация», «нестандартное решение»). Ответственность «растворяется» с помощью пассивных конструкций и безличных предложений («были допущены просчеты», «сложилось мнение»). Глаголы часто отражают неполный контроль («не удалось учесть», «старались минимизировать») или благие намерения («стремились», «исходили из»). Важнейшую функцию выполняют модальные слова и комплексы, выражающие неуверенность или субъективную оценку («к сожалению», «по-видимому», «в известной мере»), что снижает категоричность обвинения [Иванова 2017].

Синтаксические конструкции служат каркасом, который организует семантический материал в соответствии с аргументативным замыслом. Данный аспект непосредственно операционализирует понятие «грамматического

оформления агентности»: именно через синтаксический выбор – активные vs. пассивные конструкции, номинализации, безличные обороты – говорящий реализует диспозиционную или ситуативную атрибуцию. В рамках Категории и Апологии синтаксический уровень приобретает особую значимость, поскольку структура предложения становится инструментом навязывания или оспаривания каузальной версии.

Для Категории характерны: а) четкие причинно-следственные конструкции с союзами *«так как»*, *«поскольку»*, *«в результате чего»*; б) риторические вопросы, имеющие силу утверждения и перекладывающие бремя доказательств на собеседника (*«Разве это не является доказательством вашей неосведомленности?»*); в) сложноподчиненные предложения, где в главной части содержится негативный итог, а в придаточной – действия интервьюируемого (*«Экономика вошла в рецессию, потому что вы заморозили инвестиционные проекты»*); г) инверсия для выделения ключевого элемента обвинения (*«Именно ваше решение привело к кризису»*).

Для Апологии типичны: а) противительные конструкции с союзами *«но»*, *«однако»*, *«тем не менее»*, которые вводят контраргумент или смягчающие обстоятельства (*«Да, были ошибки, однако контекст был крайне сложным»*); б) условные предложения, смещающие фокус с реальных действий на гипотетические сценарии (*«Если бы мы располагали всей информацией, исход был бы иным»*); в) конструкции, имитирующие спонтанность, эмоциональную вовлеченность и искренность (*«Мы сделали все. Все, что было в наших силах. Абсолютно все»*); г) вставные конструкции, вводящие дополнительное, оправдывающее содержание (*«Мы, как вы знаете, неоднократно предлагали компромисс; к сожалению, наши инициативы не были поддержаны»*).

Тактики журналиста, направленные на преодоление уклончивости политика и навязывание ему ответственности:

1. Атрибуционное преследование [Clayman, Heritage 2002; Bull 2003]: журналист, не удовлетворённый уклончивым ответом, повторно или в иной формулировке задаёт вопрос об ответственности, вынуждая политика либо

углубить свою атрибуционную позицию, либо вступить в противоречие. На лексико-семантическом уровне данная тактика реализуется через оценочную номинацию («ошибка суждения», «просчет»); на грамматическом – через активные конструкции, восстанавливающие агента; на аргументативном – через навязывание диспозиционного основания для каузального вывода. [Условный пример]: *«Вы сказали, что рынок был против вас. Но разве ваше решение войти на этот рынок в тот момент не было ошибкой суждения?»*.

2. Контр-атрибуция через цитирование [Водак 2013; Великодворская 2019]: журналист приводит альтернативную атрибуционную версию от авторитетного источника (оппонента, эксперта, документа), ставя политика в позицию, где он должен публично её оспорить и заместить своей. Данная тактика создаёт моментальное поле атрибуционного конфликта в рамках одного диалогического обмена. [Условный пример]: *«Лидер оппозиции заявил, что этот провал стал результатом вашей некомпетентности. Что вы на это ответите?»*.

3. Стратегическое использование гипотетических и условных сценариев [Entman 1993]: вопросы, спроецирующие потенциальную будущую ответственность на текущие действия политика, вынуждая его к превентивной ситуативной или диспозиционной самозащите. [Условный пример]: *«Если ваша политика продолжится, и безработица вырастет, вы готовы взять на себя ответственность?»*.

Тактики политика, позволяющие ему реализовывать макро-стратегии в условиях диалогического давления:

1. Ответ-мост (answer-bridge) [Harris 1991: 80]: тактический ход, позволяющий политику перейти от неудобного вопроса журналиста к заранее подготовленному сообщению, сохраняя видимость релевантности ответа. На грамматическом уровне данная тактика часто реализуется через номинализации и сложные синтаксические конструкции, позволяющие перевести разговор с конкретных действий на уровень абстрактных процессов. [Условный

пример]: – *«Вы признаете, что ваша политика привела к росту цен?»* – *«Говоря о ценах, нельзя не отметить, что мы смогли сохранить стабильность пенсионной системы в беспрецедентно сложных условиях».*

2. Перенаправление вины [Bavelas et al. 1990]: в ответ на обвинительный «вызов» журналиста политик переадресовывает ответственность на внешнего агента. На лексико-семантическом уровне данная тактика реализуется через лексику вынужденности (вынуждены, пришлось) и оценочную номинацию оппонента; на грамматическом – через пассивные конструкции и конструкции с обстоятельством причины в сильной позиции. [Условный пример]: – *«Почему вы не справились с инфляцией?»* – *«Вам лучше спросить у прежнего правительства, которое за десять лет развалило экономику».*

3. Управление темпоральностью атрибуции [Entman 2004]: политик использует различные временные рамки для перераспределения ответственности. На грамматическом уровне данная тактика выражается в выборе временных форм (перфект для отсылки к прошлому, будущее время для перспективных сценариев) и использовании конструкций с темпоральной семантикой. [Условный пример] (ретроспективно): *«Мы получили экономику в руинах после десятилетий безответственной политики предшественников».* [Условный пример] (перспективно): *«Если мы не примем этот закон сейчас, завтра нас ждет полный коллапс системы».*

Тактики мета-атрибуции, выводящие спор о каузальности на уровень рефлексии о самом процессе интервью:

1. Опережающее (превентивное) конструирование каузальности [Walton 1996]: политик самостоятельно формулирует потенциальное обвинение (обычно основанное на диспозиционной атрибуции его личностных качеств), чтобы немедленно его опровергнуть, навязывая альтернативную – чаще всего ситуативную – версию причинности. На грамматическом уровне данная тактика оформляется через конструкции уступки, риторические вопросы и гипотетические модальные конструкции.

2. Рефрейминг мотивации интервьюера [Harris 1991]: политик приписывает журналисту необъективность, ангажированность или следование «чужой» повестке, переходя из позиции отвечающего в позицию обвиняющего. На лексико-семантическом уровне данная тактика реализуется через атрибуцию предвзятости, следования внешней повестке или некомпетентности. [Условный пример]: *«Вы задаете этот вопрос, потому что ваша редакция давно продвигает эту точку зрения».*

Особое место среди контр-интерактивных средств занимает прямое или косвенное оспаривание права интервьюера на обвинение. Данный прием представляет собой интерактивную реализацию конструкторов мета-атрибуции и направлен на подрыв легитимности источника обвинения.

Следовательно, анализ показывает, что атрибуционные средства Категории и Апологии в интервью представляют собой комплексные речевые действия, эффективность которых определяется скоординированным взаимодействием трёх аналитических аспектов – лексико-семантического, грамматического и интерактивного, – объединённых сквозной аргументативной рамкой. Обвинение требует не только логики (аргументативная структура), но и эмоционально заряженной лексики (лексико-семантический аспект), выстроенной в чёткие синтаксические конструкции (грамматический аспект) и подкреплённой контролем над ходом диалога (интерактивный аспект). Эффективная защита, в свою очередь, строится на контр-интерактивном маневрировании, синтаксическом усложнении и смягчении, семантической трансформации и альтернативной аргументативной схеме. Аргументативная функция не добавляется к этим аспектам как четвёртый, равноправный компонент; она пронизывает их, объясняя, зачем и с какой стратегической целью используются те или иные лексические, грамматические и интерактивные средства.

Таким образом, в параграфе 1.4 была разработана и представлена комплексная лингвистическая модель анализа атрибуционных конструкторов в политическом интервью. Методологическим каркасом модели выступает аргу-

ментативная функция атрибуции, трактуемая в логике модели С. Тулмина: атрибуционные конструкты обеспечивают содержательное наполнение Основания (Warrant), связывающего Данные с Тезисом. Данная аргументативная рамка операционализируется через три взаимосвязанных аналитических аспекта: лексико-семантический (обеспечивающий идентификацию семантических полей каузации, агентности и оценочных номинаций, а также лексико-грамматических маркеров вынужденности и интенциональности); грамматический (направленный на анализ пассивизации, номинализации и активных конструкций как средств кодирования агентности); интерактивный (фокусирующийся на анализе диалогического взаимодействия на уровне тактик, реализующих макростратегии в условиях жанра политического интервью). Вершиной модели выступает трехуровневая иерархия атрибуционных практик: жанрово-коммуникативный уровень (интерактивные рамки Категории и Апологии), риторико-стратегический уровень (макростратегии присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга) и тактический уровень (дискурсивные тактики, реализующие стратегии в условиях диалогического давления). Предложенная модель обеспечивает системный подход к изучению того, как диспозиционная и ситуативная атрибуция материализуются в конкретных языковых формах, и служит методологической основой для эмпирического анализа, представленного во второй главе настоящего исследования.

Выводы по Главе 1

В первой главе настоящего исследования была разработана теоретико-методологическая база для анализа атрибуции в политическом дискурсе, что позволило осуществить переход от классических психологических концепций к комплексной лингвистической модели, релевантной для изучения политического интервью.

В параграфе 1.1 установлено, что теория атрибуции прошла эволюцию от когнитивных моделей «наивного психолога» к дискурсивному подходу,

трактуящему атрибуцию не как интрапсихический процесс, а как социально обусловленную коммуникативную практику. Ключевой дихотомией, сохраняющей эвристическую ценность, остаётся противопоставление диспозиционной (объяснение внутренними качествами актора) и ситуативной (объяснение внешними обстоятельствами) атрибуции. В политической коммуникации данная дихотомия трансформируется в систему коммуникативных ресурсов, реализуемых в рамках четырёх макростратегий: присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга. Лингвистический поворот в изучении атрибуции позволил переосмыслить её социальные функции – легитимацию власти, управление кризисным восприятием и конструирование коллективной идентичности – как достигаемые с помощью специфических языковых средств.

В параграфе 1.2 политический дискурс охарактеризован как институциональное поле перманентной борьбы за контроль над каузальными нарративами, функционирующее в условиях высоких ставок, массовой опосредованной коммуникации и идеологической детерминации. Центральной ареной реализации атрибуционных стратегий определён жанр политического интервью, обладающий гибридной природой и сочетающий информационный обмен с конфронтационным противостоянием. Анализ жанровых особенностей выявил асимметрию ролей участников и позволил систематизировать их интерактивные тактики. Тактики журналиста включают: атрибуционное преследование (прямое, косвенное, гипотетическое), контр-атрибуцию через цитирование и стратегическое использование гипотетических сценариев. Тактики политика включают: ответ-мост, перенаправление вины и управление темпоральностью атрибуции. Кроме того, выделены мета-атрибуционные приёмы – опережающее конструирование каузальности и рефрейминг мотивации интервьюера, а также контрприём журналиста – контр-атрибуционное уточнение агента. Рассмотрено влияние цифровой трансформации (фрагментация, мультиплатформенность, интерактивность) и кросс-культурных различий на функционирование атрибуционных тактик в политическом интервью.

В параграфе 1.3 атрибуция в политической коммуникации охарактеризована как фундаментальный аргументативный феномен. Установлено, что каузальные утверждения выполняют функцию обоснования, обеспечивая содержательное наполнение Основания (Warrant) в структуре аргумента, то есть предоставляя конкретное объяснение для логического перехода от Данных к Тезису. Показано, что аргументативная функция атрибуции реализуется через интеграцию лексико-семантических, грамматических и интерактивных средств, а эффективность политической аргументации напрямую зависит от способности говорящего конструировать убедительные каузальные нарративы, соответствующие атрибуционным ожиданиям аудитории.

В параграфе 1.4 разработана и представлена комплексная лингвистическая модель анализа атрибуционных конструкторов в политическом интервью. Методологическим каркасом модели выступает аргументативная функция атрибуции, трактуемая в логике модели С. Тулмина: атрибуционные конструкторы обеспечивают содержательное наполнение Основания (Warrant), связывающего Данные с Тезисом. Данная аргументативная рамка операционализируется через три взаимосвязанных аналитических аспекта: лексико-семантический (обеспечивающий идентификацию семантических полей каузации, агентности и оценочных номинаций, а также лексических маркеров вынужденности и интенциональности); грамматический (направленный на анализ пассивизации, номинализации, активных конструкций, притяжательных конструкций, модальных глаголов и других синтаксических средств кодирования агентности); интерактивный (фокусирующийся на анализе диалогического взаимодействия на уровне тактик, реализующих макростратегии в условиях жанра политического интервью). Вершиной модели выступает трёхуровневая иерархия атрибуционных практик: жанрово-коммуникативный уровень (интерактивные рамки Категории и Апологии), риторико-стратегический уровень (макростратегии присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга) и тактический уровень (дискурсивные тактики, реализующие стратегии в условиях диалогического давления).

Таким образом, в первой главе создан теоретико-методологический фундамент, необходимый для эмпирического исследования атрибуционных стратегий. Разработанная комплексная лингвистическая модель, интегрирующая достижения социальной психологии, теории аргументации и дискурсивного анализа, предоставляет операциональный аппарат для последующего анализа корпуса политических интервью. Предложенная иерархия атрибуционных практик и трёхаспектная структура анализа (лексико-семантический, грамматический и интерактивный аспекты, объединённые сквозной аргументативной рамкой) обеспечивают системный подход к изучению того, как диспозиционная и ситуативная атрибуция материализуются в конкретных языковых формах и служат целям легитимации власти, управления ответственностью и конструирования политической реальности.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА АТРИБУЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

2.1. Диспозиционная атрибуция в политических интервью современных американских президентов

Центральным инструментом реализации политического дискурса, как было показано в первой главе, выступает аргументация, которая в жанре политического интервью приобретает специфические черты, обусловленные институциональной природой этого типа коммуникации и асимметрией ролей его участников. Аргументация в политическом интервью может быть исследована как в структурно-логическом ключе – с точки зрения организации Тезисов, Данных и Оснований (в терминологии С. Тулмина), – так и в аспекте стратегического использования языковых средств, направленных на убеждение аудитории и управление восприятием. Однако аргументативный анализ политического дискурса не может быть полным без учёта процессов атрибуции, поскольку именно атрибуционные конструкты (диспозиционные и ситуативные) обеспечивают содержательное наполнение логического перехода от Данных к Тезису, предоставляя конкретное объяснение, которое делает аргументацию убедительной для конкретной аудитории (в терминах модели С. Тулмина – содержательное наполнение Основания Warrant).

В рамках предложенной в первой главе комплексной лингвистической модели анализ атрибуции предполагает обращение к языковой личности политика как субъекта, который в условиях диалогического давления интервью не просто транслирует готовые каузальные схемы, но конструирует, защищает и оспаривает версии причинности, реализуя макростратегии присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга. В этом смысле атрибуция не может рассматриваться внеличносно, как абстрактная когнитивная операция; напротив, она должна быть исследована в её дискурсивной реализации, с учётом тех личностных параметров, которые

определяют выбор языковых средств, интерактивных тактик и аргументативных ходов. При этом важно подчеркнуть, что в рамках модели атрибуция понимается не как тождественная аргументативному Основанию, а как содержательное наполнение этого структурного элемента: она предоставляет каузальное объяснение (диспозиционное или ситуативное), которое делает логический переход от Данных к Тезису убедительным для аудитории.

Таким образом, аргументативный анализ дискурса в настоящем исследовании дополняется анализом процессов атрибуции, что позволяет получить личностно-ориентированное описание аргументативной деятельности политика. В данном разделе внимание сосредоточено на диспозиционной атрибуции – типе объяснения, при котором причины событий, успехов или неудач приписываются устойчивым внутренним качествам агента (компетентности, решительности, злему умыслу, безответственности и т.п.). В рамках реализуемых стратегий (присвоения успеха и дискредитации оппонента) диспозиционная атрибуция материализуется через систему лексико-семантических, грамматических и интерактивных средств, анализ которых на материале интервью американских президентов составляет содержание настоящего раздела.

2.1.1. Атрибуционные инструменты в аргументативном аспекте

Поскольку политика является пространством аргументации, можно предположить, что внутренняя и внешняя политика является системой построения аргументов и убеждения. Политики, институты и СМИ формируют нарративы, где аргументация оправдывает решения, а когнитивные рамки определяют виновника, победителя или потенциальную угрозу. Политический дискурс – это структурированная аргументация, в которой эмоции, ценности, логика влияют на восприятие реальности обществом и другими государствами. Исходя из этого, аргументация выступает инструментом рационализации политических решений, а атрибуция – психологическим конструктом, который

управляет восприятием причинности и моральной оценки этих решений. Следовательно, политика – это та среда, где аргументация и атрибуция соединяются для формирования легитимности власти, мобилизации общества и конструирования образов ‘своих’ и ‘чужих’.

Представленный дискурсивный фрагмент из политического интервью Д. Трампа анализируется через модифицированную модель аргументации, где центральную роль играет Основание (Warrant) – логическая связка, которая соединяет Данные с Тезисом, придавая выводу убедительность. Квалификатор (Qualifier) в данном фрагменте отсутствует, поскольку все утверждения подаются как безусловные и категоричные:

(1) But they said (2) today they want to talk. (3) Look, China – and I (4) don't like this. (5) I'm not happy about this. (6) China's getting killed right now. (7) They're getting absolutely destroyed. (8) Their factories are closing. (9) Their unemployment is going through the roof. (10) I'm not looking to do that to China. (11) Now, at the same time, (12) I'm not looking to have China make hundreds of billions of dollars and (13) build more ships and (14) more army tanks and more airplanes.

Перед нами усложнённый дивергентный Супер-шаг. Это означает:

Уровень 1: Есть единая отправная точка – одни Данные (D).

Уровень 2: Из этих Данных делается два независимых усложнённых Аргументативных Шага, ведущих к двум разным тезисам (C₁ и C₂).

Каждый шаг включает не только имплицитное Основание (Warrant), но и его Свидетельство (Backing), которая объясняет, почему это Основание вообще должно приниматься.

Структурно это выглядит так:

Данные (D) → [Комплекс 1: (W₁ + B₁) → Тезис 1 (C₁)] и [Комплекс 2: (W₂ + B₂) → Тезис 2 (C₂)].

Тезисы C₁ и C₂ не вытекают один из другого, а расходятся (дивергируют) от общих Данных, формируя двойную позицию спикера.

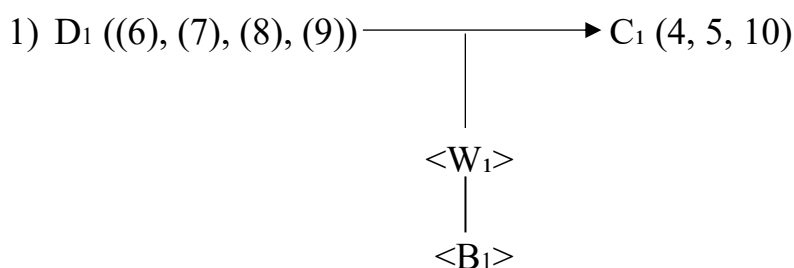
Общие Данные (D) для всей конструкции формулируются в утверждениях (6–9) (Данные фактов): *China's getting killed right now... Their*

unemployment is going through the roof. Политик представляет тяжёлый экономический кризис в Китае как неоспоримый отправной факт.

Первый Аргументативный шаг ведёт к Тезису 1 (C₁) (Декларативный Тезис), выраженному в фразах (4, 5) и (10): *I don't like this... I'm not looking to do that to China*. Утверждается, что политик не испытывает удовольствия от бедствия Китая и не ставит целью его усугубление. Имплицитное Основание (W₁), связывающее кризис (D) с этим тезисом (C₁), носит каузально-моральный характер. Оно строится на допущении, что намеренное нанесение дополнительного ущерба уже страдающей стороне – стратегически неэффективно и этически сомнительно. Именно это допущение получает Свидетельство (B₁) – набор глубинных принципов, которые его оправдывают. Во-первых, это прагматический принцип: полный коллапс крупнейшей экономики дестабилизирует глобальную систему и может нанести ответный удар. Во-вторых, это принцип стратегических переговоров: чтобы получить уступки, нужно оставить оппоненту путь к отступлению; тотальное уничтожение лишает его стимула к диалогу. При этом Квалификатор (Q₁), который мог бы смягчить утверждение (например, *I think* или *probably*), отсутствует – позиция высказана категорично. Однако она имеет имплицитную Оговорку (R₁): великодушные действительно если только Китай не откажется от конструктивных переговоров (2) или не проявит неуступчивость.

Представим данную модель в виде схемы (Аргументативный Шаг):

Схема 2. Аргументативный Шаг

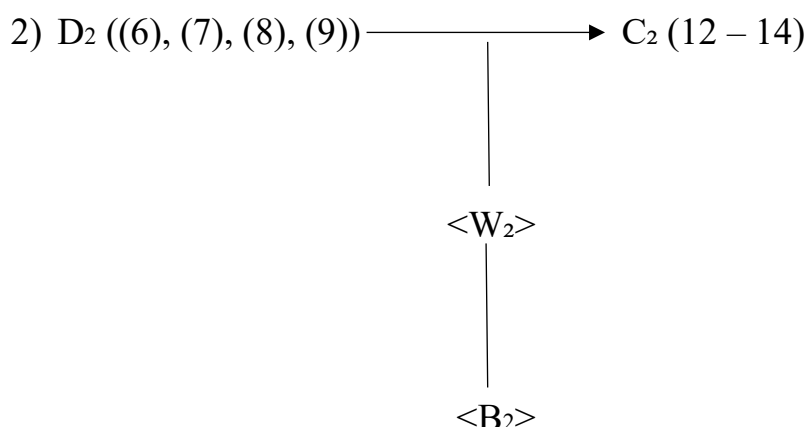

Второй Аргументативный Шаг, маркированный связкой *Now, at the same time* (11), ведёт к Тезису 2 (C₂) (Декларативный Тезис) в утверждениях (12–

14): *I'm not looking to have China make hundreds of billions... and build more airplanes*. Здесь декларируется противоположная, но не отменяющая первую, цель: не допустить обогащения и последующей милитаризации Китая. Основание (W_2) здесь иное – каузально-политическое. Оно основано на причинно-следственной цепочке: торговые доходы (причина) → инвестиции в армию (следствие) → угроза нашей безопасности (вывод). Свидетельство (B_2), обосновывающее это логическое допущение, также имеет два источника. Первый – идеология отношений с нулевой суммой: выигрыш Китая автоматически считается проигрышем для нас, его экономический рост напрямую ослабляет наше положение. Второй – укоренённый историко-политический нарратив: последние десятилетия якобы доказывают, что экономическая мощь Китая неотвратимо конвертируется в военную экспансию и геополитическую конфронтацию. Квалификатор (Q_2) снова отсутствует, что делает и этот Тезис безусловным. Его Оговорка (R_2) носит формальный, но практически невыполнимый характер: <если только Китай не подчинится нашей воле и не изменит свою политику коренным образом>.

Представим данную модель в виде схемы (Аргументативный Шаг):

Схема 3. Аргументативный Шаг

Следовательно, содержательное наполнение аргументативного Основания (W) обеспечивается инструментом диспозиционной атрибуции. Именно здесь, в позиции логического перехода от Данных к Тезису, происходит когнитивный «скачок» от наблюдения или предположения к приписыванию устойчивых внутренних свойств (диспозиций). Основание как структурный

элемент остаётся формой вывода («если А, то В»); атрибуция же наполняет эту форму конкретным причинно-следственным содержанием («потому что оппонент по своей сути агрессивен»). В Основании (W_2) эти ситуативные данные и гипотетический рост *make hundreds of billions* интерпретируются через призму внутренней, неизменной сущности Китая. Формулируя W_2 , продуцент аргумента приписывает Китаю имманентную диспозицию: <Стремление к наращиванию военной мощи как первичная и неотъемлемая цель существования>. Эта диспозиция рассматривается как более фундаментальная причина, чем любые ситуативные факторы.

Чтобы связать данный анализ с определением макротезиса через призму диспозиционной атрибуции, необходимо увидеть, что макротезис здесь – не просто политическая цель, а целостная картина мира, построенная на асимметричном приписывании намерений. Анализ Аргументативного Супер-шага выявил его структуру: из единых Данных (кризис Китая) расходятся два Тезиса – «не добивать» (C_1) и «не дать усилиться» (C_2). Однако именно диспозиционная атрибуция, скрыто работающая в Основаниях (W) и Свидетельствах (B), превращает эту логическую конструкцию в инструмент идеологической борьбы и формирует макротезис как акт смыслового господства.

Макротезис, выводимый из фрагмента, можно сформулировать следующим образом: <Моя политика представляет собой морально оправданное и прагматичное сдерживание врожденной угрозы со стороны Китая, где применяемое мной давление – это лишь вынужденный ответ на его сущностную агрессию, а моё сдерживание – проявление ответственности, целью которой является не разрушение, а принуждение к капитуляции, перестраивающей саму природу угрозы>.

Теперь посмотрим, как диспозиционная атрибуция конкретно работает для создания этого Макротезиса.

Во-первых, диспозиционная атрибуция зашита в саму логическую «прошивку» аргумента. Основание для второго тезиса (W_2 : деньги Китая → воен-

ная мощь → угроза) работает только если мы заранее согласимся с диспозиционной предпосылкой: Китай по своей сути, в силу своих неизменных намерений, стремится к военному превосходству и экспансии. Если бы вместо этого использовалась ситуативная атрибуция (например, «Китай наращивает армию, потому что чувствует себя в осаде из-за нашей политики сдерживания»), весь аргумент С₂ развалился бы, превратившись в описание порочного круга, где политик сам порождает угрозу. Но Свидетельство (В₂) в виде идеологии «игры с нулевой суммой» и исторического нарратива о ревизионизме как раз и служит диспозиционным фундаментом: она атрибутирует действия Китая не обстоятельствами, а его внутренней, имманентной волей к доминированию.

Во-вторых, диспозиционная атрибуция создает асимметричную систему ответственности, что является стержнем Макротезиса. Политик применяет два разных типа атрибуции к себе и к оппоненту. Китаю приписывается неизменная злая воля (диспозиция), что делает его единственным источником угрозы и снимает со спикера ответственность за генезис конфликта. В то же время к себе политик применяет позитивную диспозиционную атрибуцию для С₁ («я по натуре прагматик и не люблю хаоса») и ситуативную – для объяснения собственной жесткости. Его давление – это не проявление агрессивной сущности, а вынужденная реакция на диспозицию Китая. Эта асимметрия и порождает ключевую формулу Макротезиса: <Я лишь защищаюсь от того, кто по своей природе агрессор>. Вся возможная вина за эскалацию и ущерб заранее возлагается на внутренние качества оппонента.

В-третьих, диспозиционная атрибуция превращает политическую цель в экзистенциальную миссию, что возвышает Макротезис до уровня исторической необходимости. Если Китай угрожает в силу своей сущности, то задача политика – не просто скорректировать его политику, а нейтрализовать саму эту сущность, принудительно изменив его поведение на фундаментальном уровне. Это уже не торг по тарифам, а столкновение цивилизационных проектов. Отсюда и конечная цель, выраженная в Макротезисе как «капитуляция, перестраивающая природу угрозы». Диспозиционная атрибуция позволяет

представить сделку не как компромисс, а как акт перевоспитания или обезвреживания онтологически опасного субъекта. Именно это придает Макротезису характер морального долга и исторической правоты.

Таким образом, диспозиционная атрибуция выступает ключевым конструктом, который переводит формально-логическую структуру дивергентного Супер-шага в целостный, содержательно насыщенный макротезис, обладающий высокой убедительной силой.

Без неё мы видели бы лишь набор тактических заявлений: «пользуясь их кризисом, я не дам им оправиться, но и не уничтожу полностью». С ней же возникает мощный нарратив: «Тот, кто сам навлёк на себя кризис, теперь вынужден расплачиваться; я же, как ответственный лидер, действую не из мести, а для того, чтобы силой нейтрализовать эту неотступную опасность, ставя полное подчинение единственным условием мира».

Проведённый анализ дивергентного Супер-шага в высказывании Д. Трампа напрямую соотносится с теоретическими положениями. Во-первых, выявленная асимметрия в атрибуции – приписывание Китаю имманентной диспозиции «стремления к военному доминированию» и, напротив, представление собственных действий как вынужденной реакции – представляет собой практическую реализацию стратегии дискредитации оппонента и снятия ответственности. Как было показано в теоретической части, такая асимметрия является системообразующим принципом политической атрибуции: 'свои' неудачи объясняются ситуативно, 'чужие' – диспозиционно [Edelman 1977; Weaver 1986]. Во-вторых, функционирование диспозиционной атрибуции на уровне аргументативного Основания подтверждает ключевую идею о том, что атрибуционные конструкты выполняют фундаментальную аргументативную функцию, выступая логическим звеном, связывающим фактические Данные с Тезисом и придающим аргументу убедительность. В данном случае диспозиционная атрибуция в Основании W2 трансформирует тактическое высказывание о торговом дисбалансе в макротезис о цивилизационном противостоянии,

что иллюстрирует Тезис об атрибуции как инструменте конструирования политической реальности [Edelman 2001].

Следующий анализируемый дискурсивный сегмент из реплики реакции Дж. Буша младшего демонстрирует аргументативную модель, где один аргументативный блок для отклонения запроса, а второй – для выдвижения альтернативной позитивной повестки:

(1) You see, (2) I – I can understand (3) you wanting to ask that question (4) and the American people, (5) some wanting to – (6) want me to give the answer to that. (7) I can't give the answer to that (8) because I'm not the – the decider. (9) What I can assure the American people of is (10) that we've got a strategy to victory. (11) We got a plan to see (12) that the Iraqis take the fight. (13) More and more Iraqis are taking the fight, (14) and I'm going to listen to our commanders.

Данные (D₁) (Обоснование для Тезиса (C₁)) (Данные факта): Приводятся в сегменте (8) *because I'm not the decider*. Эта фраза функционирует как ключевое фактическое (статусное) обоснование невозможности предоставить ответ.

Тезис (C₁) (Имплицитный Тезис негативного характера): Прямо сформулирован в сегменте (7): *I can't give the answer to that*. Данное утверждение представляет собой не просто констатацию факта, но и имплицитный Тезис о легитимности подобного избегания ответа в заданных коммуникативных условиях.

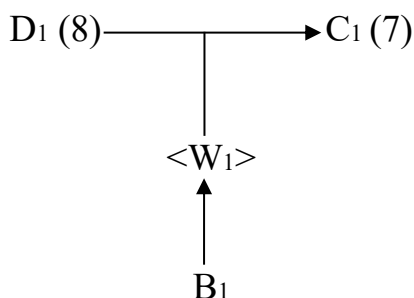
Основание (W₁): <Только лицо, наделённое статусом «того, кто принимает решения», может и должно давать содержательный ответ на вопросы, требующие оперативных или стратегических решений>.

Свидетельство (B₁): Имплицитно опирается на институциональные нормы американской политической системы (разделение властей, распределение ответственности между президентом, военными и другими ветвями власти). Сама фраза «*the decider*» отсылает к публичному образу президента как конечного авторитета, но в данном случае Дж. Буш (мл.) дистанцируется от этого образа, чтобы оправдать отсутствие ответа.

Сегменты (1–6) (*You see... want me to give the answer to that*) представляют собой подготовительную реплику, которая не является ни Данными, ни Основанием, ни Оговоркой. Её функция – прагматическое смягчение: политик демонстрирует понимание закономерности вопроса, признаёт ожидания аудитории, что снижает потенциальную конфликтность отказа.

Представим данную модель в виде схемы (Аргументативный Шаг):

Схема 4. Аргументативный Шаг

Второй Тезис (C₂) чётко формулируется в утверждениях (9–14): «Что я могу гарантировать американскому народу, так это то, что у нас есть стратегия победы. У нас есть план, чтобы иракцы приняли бой на себя. Всё больше иракцев принимают бой, и я буду слушать наших командиров». Этот Тезис является не прямым ответом на скрытый в контексте вопрос (вероятно, о сроках, конкретных шагах или критериях успеха), а стратегической подменой: вместо деталей плана политик гарантирует правильность процесса и принципов управления. Декларативный Тезис выполняет ключевую компенсаторную функцию, восстанавливая доверие после первого Тезиса (C₁: «Я не могу дать ответ, потому что я не единственный решающий»), и служит позитивной риторической опорой, смещающей фокус с «что» на «как».

Данные (D₂) носят имплицитный характер. Они не выражены в тексте прямо, но реконструируются из ситуации: наличие общественного запроса на ответ (отражённого в сегментах 4–6) и презумпция, что президент не будет говорить неправду, имея доступ к информации, недоступной публике. Эти имплицитные данные создают необходимость ответа, которым и становится C₂. Утверждение «Всё больше иракцев принимают бой» (13) подаётся как

факт, но доказательств не приводится; в рамках модели оно относится к самому Тезису, а не к Данным.

Основание (W₂) является имплицитным: <В сложной, неопределённой ситуации (война) гарантией успеха является не публичное оглашение деталей, а строгое соблюдение двух правильных процедур: (1) передача ответственности и боевой нагрузки местным силам («иракцы принимают бой») и (2) опора на профессиональный совет военных экспертов («я буду слушать наших командиров»)». Это Основание апеллирует к здравому смыслу и управленческой логике: если процесс выстроен правильно (локализация конфликта) и решения принимаются на основе лучшей доступной экспертизы (мнение командиров), то результат (победа) будет достигнут. Успех обеспечивается не конкретными шагами, а верностью правильным принципам управления.

Имплицитные Свидетельства (Backing), которые служат фундаментом для этого Основания, культурно укоренены. Они объясняют, почему именно эти процедуры должны восприниматься аудиторией как неопровержимые гарантии. Во-первых, идеология «наведения мостов» и «передачи суверенитета», ставшая краеугольным камнем американского внешнеполитического дискурса после 2003 года, постулирует, что конечная цель интервенции – создать устойчивые местные институты, способные сами обеспечивать безопасность. Поэтому сам факт увеличения числа иракцев, «принимающих бой», преподносится как главный индикатор успеха стратегии, даже в отсутствие других измеримых результатов. Во-вторых, это культ военного профессионализма и принцип невмешательства гражданской власти в оперативные решения. В американской политической традиции существует мощное табу на микромеджмент со стороны гражданских лиц в зоне боевых действий. Заявление «я буду слушать наших командиров» – это не просто обещание, а апелляция к этому глубокому уважению к военной экспертизе как к высшему авторитету в вопросах тактики и стратегии на поле боя. Эти два слоя Свидетельств (идеологический и профессионально-этический) работают вместе, чтобы

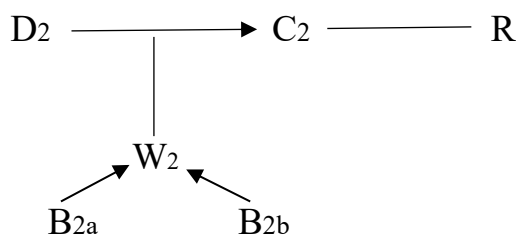
представить Основание не просто как логическую посылку, а как морально и профессионально непререкаемую истину.

Оговорка (Rebuttal) в этой конструкции присутствует в мощной имплицитной форме. Условием, при котором провозглашённая стратегия и гарантия могут потерпеть неудачу, является нарушение самих этих процедурных принципов. Полная формулировка Оговорки звучала бы так: «Стратегия ведёт к победе, и я гарантирую её, если только процесс не будет сорван: если иракские силы окажутся неспособны или нелояльны, если командиры дадут ошибочный совет или если политическое руководство (включая меня) перестанет их слушать и начнёт навязывать свои решения». Эта Оговорка критически важна: она создаёт стратегический алиби для политика. В случае будущих провалов ответственность можно будет возложить на «неспособность иракцев», на «ошибки командиров» или на «внешние обстоятельства», но не на изначальную порочность провозглашённого плана. Таким образом, Тезис защищён от фальсификации, так как его условием является идеальное соблюдение процедур, которое на практике почти недостижимо.

В данной реплике инструмент диспозиционной атрибуции не является точечным; он пронизывает несколько компонентов аргумента, создавая целостный персуазивный эффект.

На стыке D2 и W2: Декларация в сегменте (14) *I'm going to listen to our commanders* – политический деятель приписывает себе устойчивое внутреннее свойство, а именно, склонность к послушанию, доверию экспертизе и следованию институциональной иерархии. В контексте имплицитного Основания это свойство перестаёт быть просто личностной чертой, а возводится в ранг стратегической добродетели и ключевого каузального фактора. Успех заявленного плана C2 ставится в зависимость не столько от внешних обстоятельств в Ираке, сколько от наличия у лидера данной внутренней диспозиции. Инструмент активируется именно в Основании (W), где послушание командованию неявно постулируется как необходимая и достаточная предпосылка для достижения *victory*.

Схема 5. Аргументативный Шаг

Анализ данного фрагмента позволяет выявить его глубинный Макротезис, который не сводится к простому заявлению о наличии стратегии. Макротезис здесь формулируется как: <Управление войной – это не вопрос предоставления публике простых ответов, а сложный, делегированный и процедурный процесс, где ключевая роль и гарантия успеха политика заключаются не в единоличном принятии решений, а в обеспечении правильных условий: передачи ответственности местным силам и беспрекословного следования военной экспертизе, что в совокупности избавляет меня от личной ответственности за конкретные результаты и возлагает её на корректность процесса и других акторов>.

Этот Макротезис напрямую и фундаментально связан с инструментом диспозиционной атрибуции, который политический деятель использует для перераспределения ответственности и конструирования образа своего руководства.

Связь Макротезиса с диспозиционной атрибуцией раскрывается в трёх взаимосвязанных действиях:

1. Атрибуция собственной роли через отрицание диспозиции «единоличного решающего» и утверждение диспозиции «гаранта процесса».

Политик начинает с мощного акта отрицания диспозиционной атрибуции в свой адрес: *I'm not the decider* (Я не тот, кто решает). Этим он отвергает ожидание, что лидер должен обладать сущностным качеством всезнающего и всерешающего командующего. Вместо этого он приписывает себе иную, процедурную диспозицию: его сущность – не в принятии тактических решений, а в создании и охране правильных процессов (стратегия, план, слушание командиров). Таким образом, Макротезис строится на переопределении самой сути

лидерства в кризисе: от персонифицированной воли к системному управлению. Это снимает с него запрос на конкретные ответы, так как они теперь лежат за пределами его, заново определённой, сущности.

2. Диспозиционная атрибуция ключевых акторов («иракцы», «командиры») как носителей решающих качеств.

Успех стратегии, которую гарантирует спикер, полностью зависит от приписанных внутренних качеств других групп:

– Иракцам приписывается диспозиция «способные и желающие принимать бой» *Iraqis take the fight... More and more Iraqis are taking the fight*. Их прогресс представлен не как результат сложных внешних условий или американской подготовки, а как проявление их внутренней, нарастающей воли и компетентности. Это позитивная диспозиционная атрибуция, делающая их главными субъектами победы.

– Командирам приписывается диспозиция «обладающие экспертной истиной». Фраза *I'm going to listen to our commanders* – это не просто обещание сотрудничества, а акт атрибуции им свойства быть единственным *legitimate* источником правильных решений в военной сфере. Им приписывается врождённая (профессиональная) мудрость.

Макротезис, следовательно, утверждает: <победа зависит не от моих решений, а от внутренних, сущностных качеств иракцев (их растущая боеспособность) и командиров (их непогрешимая экспертиза). Я лишь обеспечиваю процесс, в котором эти качества реализуются>.

3. Стратегическое использование ситуативной атрибуции для потенциальных неудач и диспозиционной – для успехов.

Здесь кроется главный риторический манёвр. Вся конструкция позволяет заранее определить схему атрибуции для любых исходов:

– В случае успеха он будет объяснён через диспозиционные качества других: <Мы победили, потому что иракцы проявили храбрость (их сущность), а командиры дали блестящие советы (их сущность). Я правильно выстроил систему, дав им проявиться>.

– В случае провала он будет объяснён через ситуативные факторы или недостаточность диспозиций других: <Стратегия была правильной (гарантированной мной), но ситуация оказалась сложнее, или, к сожалению, иракцы оказались не готовы (их ситуативная неспособность, а не изъян плана), или командиры столкнулись с непредвиденными обстоятельствами>.

Таким образом, Макротезис, будучи формой «гарантии процесса», на самом деле является сложным устройством по управлению атрибуцией. Он призван:

1. Экстернализировать ответственность за конкретику и результаты на других акторов (иракцев, военных), приписывая им ключевые диспозиции.
2. Интернализировать за собой лишь мета-ответственность за создание «правильных» условий, что является гораздо более абстрактной и неуязвимой для критики категорией.
3. Создать асимметричную модель атрибуции: позитивные результаты будут связаны с правильностью системы (где он – архитектор), а негативные – с недостаточностью качеств конкретных исполнителей или форс-мажором.

Макротезис данного высказывания – это не столько заявление о военной стратегии, сколько стратегия риторической самозащиты и перераспределения атрибуции. Он использует диспозиционную атрибуцию для других (наделяя их ответственностью за действие) и ситуативную атрибуцию для себя (ограничивая свою ответственность рамками процесса), тем самым конструируя практически неуязвимую позицию лидера, который «гарантирует» не победу как конкретный результат, а лишь корректность собственного, безличного метода управления. Это попытка заменить вопрос «что ты сделал?» на вопрос «как ты действуешь?» и выдать соответствие процедуре за достаточное доказательство эффективности.

Анализ аргументативной структуры реплики Дж. Буша (мл.) демонстрирует действие конструкторов. Тактика политика – отказ от прямого ответа через апелляцию к ролевой диспозиции *I'm not the decider* и последующая подмена Тезиса – является конкретной реализацией интерактивной тактики «ответ-

мост». Как было показано в теоретической части, данный тактический ход позволяет политику перейти от неудобного вопроса журналиста к заранее подготовленному сообщению, сохраняя видимость релевантности ответа [Harris 1991]. Более того, использование диспозиционной атрибуции в двух направлениях – отрицание у себя качества «единоличного решающего» и приписывание иракцам и командирам диспозиций «способных принять бой» и «обладающих экспертной истиной» – реализует стратегию перераспределения ответственности, как фундаментальный инструмент перенаправления вины [Hood 2011]. Создаваемая политиком асимметричная модель атрибуции, где успех приписывается диспозициям других акторов, а провал заранее объясняется ситуативно, представляет собой эмпирическую иллюстрацию положения о том, что атрибуционные стратегии служат целям легитимации власти и управления восприятием кризисов.

Следующий дискурсивный фрагмент взят из политического интервью Дж. Байдена, высказывание, которое демонстрирует характерный для политического дискурса приём конструирования коллективной идентичности и будущего через авторитетную личную позицию:

(1) Be confident. (2) Be confident. (3) Because I am confident. (4) We are better positioned than any country in the world to own the second quarter of the 21st century. (5) That's not hyperbole. (6) That's a fact.

Тезис (C): Основное утверждение, требующее обоснования. В данном случае Тезис имеет форму императива и декларации: *Be confident... We are better positioned... to own the second quarter of the 21st century* (1, 2, 4). Это двойное утверждение: о необходимом психологическом состоянии аудитории и о превосходящем геополитическом потенциале коллективного «мы».

Данные (D): Фактическое обоснование для Тезиса. В роли (D) выступает утверждение о внутреннем состоянии говорящего: *Because I am confident* (3). Это не эмпирический факт, а заявление о личной диспозиции.

Основание (W): Имплицитная посылка, связывающая Данные с Тезисом. Она может быть реконструирована как: <Уверенность лидера является

прямым и безошибочным индикатором объективного стратегического преимущества нации, которое он олицетворяет и которым управляет>. Это мост между диспозицией индивида и судьбой коллектива.

Квалификатор (Q): Элемент, указывающий на модальность и степень уверенности в Тезисе. Здесь Квалификатор выражен через оператор категоричного разграничения: *That's not hyperbole. That's a fact* (5, 6). Он служит для устранения возможности интерпретировать Тезис как преувеличение или мнение, возводя его в статус объективной истины.

Конструкт диспозиционной атрибуции является системообразующим для данного аргумента и последовательно активируется в нескольких его компонентах, образуя замкнутую логическую цепь:

1. Диспозиционная атрибуция в Данных (3). Здесь реализуется атрибуция, направленная на самого говорящего. Его внутреннее состояние *I am confident* преподносится не как временная эмоция или тактическая риторика, а как устойчивая, сущностная характеристика личности. Эта диспозиция позиционируется как ключевой данный факт, с которого начинается всё обоснование. Инструмент работает по схеме: сложная внешняя реальность (геополитическая конкуренция) сводится к доступному пониманию внутреннему качеству лидера.

2. Диспозиционная атрибуция в имплицитном Основании (3 → 4). Предполагается, что личная диспозиция лидера не является случайной или субъективной, а закономерно проистекает из объективных диспозиций коллективного субъекта – нации. Таким образом, атрибуция распространяется: уверенность *I* служит доказательством того, что *We* обладают внутренним, стабильным свойством *better positioned*. Стратегическое преимущество нации выдается за имманентное свойство, представляясь не результатом конъюнктурных факторов, а её имманентным, превосходящим других атрибутом.

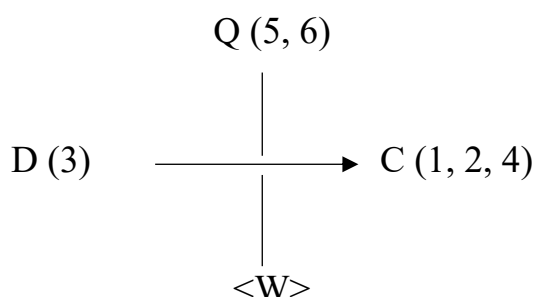
3. Диспозиционная атрибуция в Тезисе (4). В этой части инструмент работает на уровне фаталистического предопределения. Глагол *to own* (владеть)

приписывает будущему историческому периоду статус законной собственности коллективного *We*. Это предполагает, что достижение доминирования является не вероятным исходом, а неизбежным следствием и реализацией приписанных нации внутренних свойств *better positioned*. Будущее, таким образом, приписывается настоящим диспозициям.

4. Усиление атрибуции через Квалификатор (5, 6). Квалификатор выполняет функцию эпистемического укрепления атрибуции. Отрицая возможность интерпретации *not hyperbole*, а затем утверждая статус объективности *a fact*, говорящий блокирует альтернативные, ситуативные объяснения (например, <это лишь оптимистичный прогноз> или <риторическая фигура>). Диспозиционное утверждение *We are better positioned* тем самым не подлежит сомнениям.

Следующая схема иллюстрирует аргументативную последовательность, в которой инструменты диспозиционной атрибуции формируют каркас аргумента:

Схема 6. Аргументативный Шаг

Проведённый анализ демонстрирует, что диспозиционная атрибуция служит в данном случае не вспомогательным приёмом, а центральный конструктивным принципом аргументации. Она позволяет осуществить риторическую подмену: сложный многопричинный анализ геополитических перспектив подменяется простой и энергетически заряженной отсылкой к внутренним качествам – сначала политического лидера, а через него и нации в целом. Отсутствие Оговорок и категоричное утверждение статуса «факта» завершают этот процесс, создавая замкнутый и резистентный к критике нарратив о predetermined доминировании, корнящемся в сущностном превосходстве

коллективного «Мы». Это является эффективным инструментом мобилизации, так как апеллирует не к рациональному расчету, а к вере в идентичность и её фатальную победу.

Анализ высказывания Дж. Байдена позволяет конкретизировать теоретическое положение о диспозиционной атрибуции как инструменте конструирования коллективной идентичности. В рассмотренном фрагменте атрибуция работает по модели «свой – чужой», но в её позитивном, внутригрупповом модусе: уверенность лидера *I am confident* становится основанием для приписывания коллективному «Мы» сущностного качества стратегического превосходства *better positioned to own the second quarter of the 21st century*. Как было показано в теоретической главе, такая позитивная диспозиционная атрибуция на коллективном уровне напрямую работает на укрепление позитивной коллективной самооценки и чувства гордости, реализуя стратегию присвоения успеха [Weaver 1986]. Кроме того, данный пример иллюстрирует процесс, при котором атрибуционное утверждение (личная уверенность) выступает в роли аргументативного Основания, связывающего имплицитные Данные с Тезисом. Категоричное разграничение в Квалификаторе *That's not hyperbole. That's a fact* усиливает эффект атрибуции, возводя субъективное утверждение в ранг объективной истины, что соответствует функции мета-атрибуции, описанной в теоретической части как инструмент блокировки альтернативных интерпретаций.

По той причине, что специфика риторического стиля каждого политика определяет уникальную конфигурацию конструкторов атрибуции, далее рассматриваются аргументативные фрагменты с атрибуцией из политических интервью Б. Обамы.

Нижеприведенный анализ рассматривает высказывание политического лидера, посвящённое объявлению военной стратегии. Стил изложения характеризуется структурированностью и стремлением к институциональной легитимности, что формирует особую конфигурацию атрибуционных паттернов.

(1) Well, (2) I – I – I'm confident (3) that I have the authorization (4) that I need to protect the American people. (5) And I'm always going to do what's necessary to protect the American people. (6) But I do think (7) it's important for Congress (8) to understand what the plan is, (9) to have buy in, (10) to debate it.

(11) And that's why we've been consulting with Congress throughout. (12) And this speech will allow Congress, (13) I think, (14) to understand very clearly and very specifically what it is (15) that we are doing (16) but also what we're not doing. (17) We're not looking at sending in 100,000 American troops.

(18) We are going to be as part of an international coalition, (19) carrying out air strikes in support of work on the ground by Iraqi troops, (20) Kurdish troops. (21) We are going to be helping to put together a plan for them, (22) so that they can start retaking territory that ISIL had taken over.

(23) We are going to have to work with our regional partners (24) to attract back Sunni tribes (25) that may have felt (26) that they had no connection to a Baghdad government (27) that was ignoring their grievances. (28) And so there's going to be an economic element to this. (29) There's going to be a political element to it. (30) There's going to be a military element to it. (31) And what I want people to understand, (32) though, (33) is that over the course of months, (34) we are going to be able to not just blunt the momentum of ISIL. (35) We are going to systematically degrade their capabilities. (36) We're going to shrink the territory (37) that they control. (38) And ultimately we're going to defeat 'em.

Данный фрагмент представляет собой конвергентный аргумент с элементами Супер-шага. Это означает, что несколько независимых тезисов (С₁, С₂, С₃) сходятся (конвергируют) для поддержки единого, более общего Макротезиса о компетентности и обоснованности политики Б. Обамы. Однако эти Тезисы не выводятся строго друг из друга, а скорее перечисляются как составные части общего плана.

Тезис 1 (С₁) (3–4) (Декларативный Тезис): У меня есть полномочия и решимость защищать американский народ.

Данные (D₁) (Данные Мнения): Прямые утверждения политика о своей уверенности и намерениях (2–5): *I'm confident that I have the authorization... I'm always going to do what's necessary.*

Основание (W₁): <Лидер, обладающий законными полномочиями и личной решимостью защищать народ, является легитимным и должен быть поддержан>.

Свидетельства (B₁): Имплицитно опираются на конституционные нормы (полномочия президента как главнокомандующего) и общественный договор (ожидание, что лидер обеспечит безопасность).

Квалификатор (Q₁): *I'm confident* (2) – указывает на субъективную уверенность, а не на абсолютный факт.

Оговорка (R₁): Имплицитная: при условии, что действия остаются в рамках закона и необходимости *what's necessary*.

Так, становится возможным определить конструкты атрибуции:

1. Конструкт атрибуции в C₁:

I'm always going to do what's necessary (Я всегда буду делать то, что необходимо). Это не описание конкретного действия, а декларация устойчивой личностной черты – непоколебимой решимости. Политик атрибутирует себе диспозицию «безусловного защитника».

2. Конструкт атрибуции в D₁:

D₁ – самопровозглашённое утверждение о своей сущности. Нет внешних фактов, доказывающих «решимость»; она представлена как внутреннее, присущее ему качество.

3. Конструкт атрибуции в Основании (W₁):

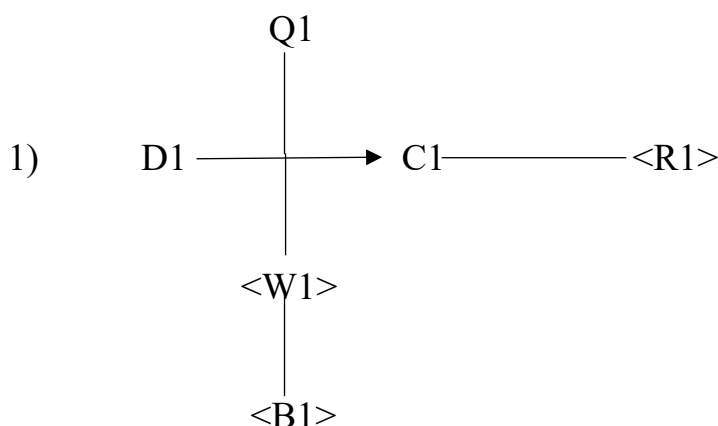
Имплицитное Основание («лидер с такими качествами легитимен») принимает эту диспозитивную самоатрибуцию как данность и строит на ней дальнейшую логику. Оно гласит: если он такой (решительный защитник), то его действия оправданы.

4. Конструкт атрибуции в Свидетельствах (B₁):

– Конституционные нормы атрибутируют президенту как институту диспозицию «главнокомандующего». Общественный договор атрибутирует гражданам диспозицию «нуждающихся в защите», а лидеру – «обеспечивающего её». Эти свидетельства – набор предустановленных социальных диспозиций, в которые политик встраивает свою личную самоатрибуцию.

Схематизация Аргументативного Шага с диспозиционной атрибуцией:

Схема 7. Аргументативный Шаг

Тезис 2 (C₂) (Декларативный Тезис): Важно вовлечь Конгресс в понимание и обсуждение плана.

Данные (D₂) (Данные Мнения): Утверждения о важности Конгресса и уже ведущихся консультациях (6–11): *it's important for Congress to understand... to have buy in... we've been consulting.*

Основание (W₂) (Основание каузальности): Политическая легитимность и эффективность масштабных решений повышаются при парламентской поддержке и публичном обсуждении.

Свидетельства (B₂): Принципы разделения властей и демократического управления, согласно которым Конгресс играет ключевую роль во внешней политике и вопросах войны.

Квалификатор (Q₂): *I do think* (Я действительно считаю) – подчеркивает субъективное, но твердое убеждение.

Оговорка (R₂): Имплицитная: вовлечение Конгресса не должно парализовать способность исполнительной власти действовать оперативно.

Конструкт атрибуции в Тезисе:

Не столько в самом Тезисе (C₂), сколько в его противопоставлении Тезису (C₁). C₁ атрибутирует себе диспозицию решительного деятеля. C₂ атрибутирует Конгрессу диспозицию легитимизирующего органа. Баланс этих двух диспозиций («я действую, но вы легитимируете») и есть суть аргумента.

Конструкт атрибуции в Данных (D₂):

we've been consulting with Congress (мы консультировались с Конгрессом). Это действие представлено не как тактический манёвр, а как доказательство наличия у политика другой диспозиции – «уважающего институты лидера». Данное действие атрибутируется его внутреннему качеству корректности, а не внешней необходимости.

Конструкт атрибуции в Основании (W₂):

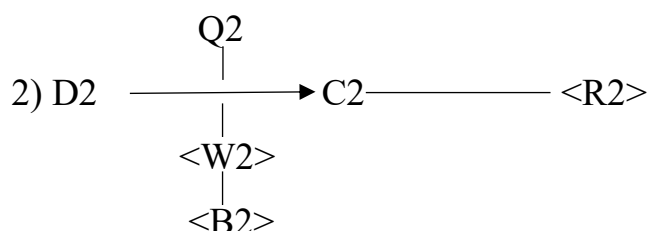
Основание (легитимность требует парламентской поддержки) основано на диспозиционной атрибуции Конгрессу как институту, чья сущность – «представлять народ и делиться властью». Без этой атрибуции Конгресс был бы просто ещё одной бюрократической преградой.

Конструкт атрибуции в Свидетельствах (B₂):

Принцип разделения властей – это система предписанных диспозиций: Исполнительная власть должна быть сильной и оперативной; Законодательная власть должна быть сдерживающей и легитимирующей. Свидетельства представляют собой свод правил для диспозиций институтов.

Схематизация Аргументативного Шага с диспозиционной атрибуцией:

Схема 8. Аргументативный Шаг

Тезис (C₃): Наш план является ограниченным, многосторонним, комплексным и в конечном итоге приведет к поражению *ISIL*.

Данные (D₃): Детальное описание плана (17–38): от *We're not looking at sending in 100,000 troops* до *ultimately we're going to defeat 'em*.

Основание (W₃): План, который избегает масштабной оккупации, опирается на местные силы и международную коалицию, а также сочетает военные, политические и экономические инструменты, является реалистичным и приведет к успеху. Это прагматическое и стратегическое основание (каузальная связь между выбранными средствами и желаемыми целями).

Свидетельства (B₃): Исторический опыт (уроки Ирака и Афганистана о рисках крупной оккупации), теория контртеррористических кампаний (необходимость сочетания силовых и политических мер, работа с местным населением).

Квалификатор (Q₃): *I think* (13) – в отношении понимания Конгрессом; *over the course of months* (33) – указывает на временные рамки, а не мгновенный результат; *going to be able to* (34) – выражает потенциальную возможность, а не гарантию.

Оговорка (R₃): План будет работать при условии эффективности местных войск (Ирак, курды), сотрудничества региональных партнеров и устойчивости международной коалиции.

Конструкт атрибуции в Тезисе:

ISIL атрибутируется диспозиция статичного объекта («их импульс», «их возможности», «территория, которую они контролируют» всё это подлежит внешнему воздействию), а не адаптивного субъекта. Победа над ним представлена как технический результат («систематически ослабить», «сократить», «разбить»), что атрибутирует нашему плану диспозицию непреодолимой силы, а нам самим – диспозицию контролирующих инженеров процесса.

Конструкт атрибуции в Данных (D₃):

Iraqi troops, Kurdish troops... they can start retaking territory – Иракским и курдским войскам атрибутируется диспозиция «способных отвоевать». Их будущий успех преподносится как следствие их внутреннего потенциала, который наш план лишь высвобождает.

Sunni tribes that may have felt... that they had no connection to a Baghdad government that was ignoring their grievances – Суннитским племенам атрибутируется диспозиция «обиженных и отчуждённых», а правительству в Багдаде – диспозиция «игнорирующего». Это объясняет их поведение (поддержка *ISIL*) не ситуативно, а через устойчивые состояния чувств и действий.

Инструмент атрибуции в Основании (W_3):

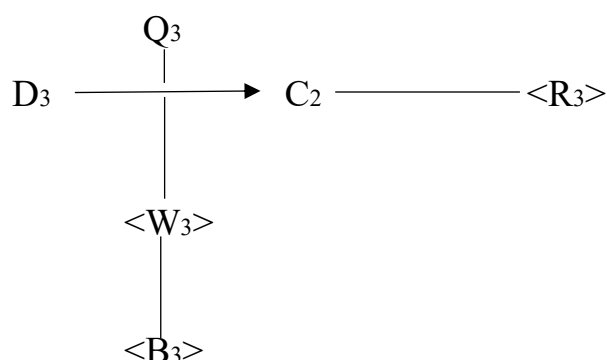
Основание (такой план приведёт к успеху) работает, только если мы приняли предыдущие диспозиционные атрибуции. Оно гласит: «Если наши союзники диспозиционно способны, а противник диспозиционно уязвим для системного давления, то наш диспозиционно-правильный план (ограниченный, комплексный) сработает». Атрибуции – скрытые послылки каузальной логики.

Инструмент атрибуции в Свидетельствах (B_3):

«Уроки прошлого» (Ирак, Афганистан) служат для атрибуции массовой оккупации диспозиции «ошибочной и опасной». Это не просто анализ, а приписывание негативной сущностной характеристики одному типу действий, чтобы обосновать диспозиционную правильность другого (ограниченного вмешательства).

Схематизация Аргументативного Шага с диспозиционной атрибуцией:

Схема 9. Аргументативный Шаг

На основе анализа можно сформулировать Макротезис всей аргументации:

<Предпринимаемые мной действия по борьбе с *ISIL* являются законными, стратегически взвешенными и морально безупречными: они основаны

на моих полномочиях защищать нацию, подкреплены взаимодействием с Конгрессом и реализуются через ограниченный, но комплексный план, который, избегая ошибок прошлого, неизбежно приведет к победе над врагом благодаря нашей решимости и правильному подходу».

Макротезис напрямую зависит от и строится на диспозиционной атрибуции, что создает картину predetermined управляемости:

1. Атрибуция как основа легитимности и уверенности: Макротезис провозглашает законность и стратегическую верность. Это возможно только потому, что политик сначала атрибутировал себе сущностные качества ответственного и решительного лидера (C_1 , C_2), а противнику – свойства системно ослабевающей организации (C_3). Без этой атрибуции заявления о полномочиях и будущей победе выглядели бы голословными.

2. Атрибуция как способ минимизации риска: Макротезис подчеркивает «ограниченность» и «избегание ошибок прошлого». Это достигается через атрибуцию союзникам ключевой активной роли. Успех плана зависит не от американских войск (отказ от их массового применения), а от приписанных иракцам и курдам диспозиций «способности отвоевывать землю». Таким образом, потенциальные провалы могут быть впоследствии атрибутированы не недостаткам плана, а недостаточности диспозиций союзников (они «оказались не так эффективны, как мы думали»).

3. Атрибуция как нарратив контроля: Макротезис рисует картину постепенного, системного успеха («притупить наступление... ослабить... сократить... победить»). Этот нарратив работает, потому что все акторы лишены агентности, кроме как в рамках приписанных им диспозиций. *ISIL* диспозиционно обречен на деградацию, союзники – на прогресс, а спикер – на корректное управление процессом. Это превращает хаотичную войну в управляемый проект с предсказуемым результатом.

Анализ конвергентной аргументативной структуры в высказывании Б. Обамы позволяет проследить взаимодействие уровней атрибуционных практик. На уровне макростратегий политик одновременно реализует: а) стратегию

присвоения успеха через диспозиционную самоатрибуцию (решительный защитник, уважающий институты лидер); б) стратегию снятия ответственности через распределение агентности между союзниками (иракские и курдские войска как главные субъекты действий); в) стратегию дискредитации оппонента через атрибуцию *ISIL* диспозиции «статичного объекта, подлежащего системному уничтожению». На тактическом уровне политик использует приём «управления темпоральностью атрибуции»: отсылка к «урокам прошлого» (Ирак, Афганистан) служит для атрибуции масштабной оккупации диспозиции «ошибочной и опасной», тогда как описание будущих шагов в терминах системного успеха («притупить наступление... ослабить... сократить... победить») создаёт нарратив предопределённой управляемости. Это эмпирически подтверждает теоретическую концепцию о том, что управление восприятием в политическом интервью осуществляется через систему специализированных атрибуционных конструкторов, функционирующих на лексико-семантическом, грамматическом и аргументативном уровнях.

Таким образом, эмпирический анализ подтвердил, что диспозиционная атрибуция в политическом интервью выступает стратегическим аргументативным ресурсом.

2.1.2. Лексико-семантический аспект анализа

В настоящем подразделе анализируются лексические единицы; их синтаксическое окружение упоминается лишь в той мере, в какой оно влияет на лексическую семантику. Полноценный грамматический анализ конструкций представлен в подразделах 2.1.3 и 2.2.3.

Аргументативный анализ политического дискурса требует учёта процессов атрибуции, поскольку именно атрибуционные конструкторы выступают в роли логических Оснований, связывающих фактические Данные с выдвигаемым Тезисом. В настоящем подразделе внимание сосредоточено на лексико-семантическом уровне реализации диспозиционной атрибуции, который, согласно комплексной лингвистической модели, предложенной в параграфе 1.4,

обеспечивает первичное кодирование каузальных отношений и распределение агентности.

В соответствии с теоретическими положениями, диспозиционная атрибуция в политическом дискурсе обслуживает две ключевые макростратегии:

- а) стратегию дискредитации оппонента (приписывание негативных причин внутренним качествам другого актора);
- б) стратегию присвоения успеха (приписывание позитивных результатов собственным внутренним качествам).

Лексико-семантический анализ позволяет объективировать имплицитные атрибуционные стратегии, выявляя, как через выбор конкретных лексем и их семантических полей конструируются версии ответственности и вины. Следуя принципам функциональной семантики, лексический выбор трактуется не как нейтральный номинативный акт, а как стратегическое действие, конституирующее определённую модель действительности, где причины событий локализуются в личностных качествах акторов [Арутюнова 1999; Halliday, Matthiessen 2014].

Проведённый анализ корпуса интервью американских президентов позволяет выделить ключевые лексико-семантические инструменты, обслуживающие реализацию диспозиционной атрибуции в рамках стратегий дискредитации оппонента и присвоения успеха.

1. Лексико-семантические инструменты стратегии дискредитации оппонента. Стратегия дискредитации оппонента, реализуемая через диспозиционную атрибуцию, на лексико-семантическом уровне характеризуется намеренным нагнетанием негативной оценочной лексики, созданием семантического поля катастрофы и использованием конструкторов интенциональной агентности.

В реплике-реакции Д. Трампа, оценивающей действия предшественника, наблюдается использование лексико-грамматических маркеров с семой интенсивности и тотальности:

Well, I think he did a lot of very bad things. And despite some of the bad things, we're overcoming them. But he was bad on the border. He was bad on the economy. We had the worst inflation in the history of our country. Look, Biden gave us the worst inflation in the history of our country.

Повтор лексемы *bad* четырёхкратно создаёт эффект градации, усиливаемый использованием превосходной степени *the worst*, что исключает нейтральную оценку и закрепляет за оппонентом устойчивую негативную диспозицию. Конструкция '*X gave us Y*' (*Biden gave us the worst inflation*) функционирует как ключевой лексико-грамматический маркер интенциональной агентности: глагол *gave* (с семантикой «навязал», «преподнёс как подарок») приписывает оппоненту статус активного источника негативных изменений, что является ядром диспозиционной атрибуции в рамках стратегии дискредитации. Местоимение *us* включает говорящего и всю нацию в положение невольных жертв, получивших этот «подарок».

Создание семантического поля катастрофы является характерным приёмом диспозиционной атрибуции при реализации стратегии дискредитации оппонента. Лексемы *overcoming* (преодоление бедствия), идиома *losing their shirt* (разорение), существительное *disaster* (катастрофа) формируют эмоционально заряженный образ кризиса, за который, согласно каузальной модели политика, несёт персональную ответственность оппонент.

Аналогичные инструменты, но с более выраженной процедурой онтологизации угрозы, демонстрирует другой фрагмент интервью Д. Трампа:

Think of it. We have murderers, 11,888 murderers, many of them murdered more than one person. Think of that. And they're in our country. Now, we've gotten a lot of them out, and we know who many of them are. And we're on the hunt. But why would anybody do that? Why would anybody – who could do such a thing where they'd allow hundreds of thousands, and even millions of people into our country – or criminals and murderers at the highest level.

Здесь номинализация *murderers* вместо «люди, совершившие убийства» осуществляет семантическую объективацию, превращая сложный социальный

феномен миграции в языковой объект-монологит, что служит усилению диспозиционной атрибуции вины оппоненту. Точная цифра 11,888 создает иллюзию эмпирической точности, придающей конструкту видимость неопровержимости. Пространственные предлоги *into* и *in* в сочетании с местоимением *our* выстраивают семиотическую оппозицию «свой – чужой», где глагол *allow* проецирует миграционный кризис на упрощённую семантическую ось «намеренное действие политического деятеля», закрепляя за оппонентом диспозицию безответственности или злого умысла.

В отличие от Д. Трампа, Дж. Буш (мл.) в анализируемом интервью использует более сложную технику семантического распределения агентности, совмещающую диспозиционную атрибуцию позитивных качеств союзнику и имплицитную диспозиционную атрибуцию негативных качеств оппоненту через селективное цитирование:

Oh, I don't think so. I think that the vice president is a person reflecting a half-glass-full mentality, and that is he's been able to look at – as have I, and I hope other Americans have – the fact that the tyrant was removed, 12 million people voted, there is an Iraqi constitution in place that is a model for – and unique for the Middle East.

Идиома *half-glass-full mentality* служит примером прямой диспозиционной атрибуции позитивной диспозиции союзнику: устойчивая психологическая установка приписывается вице-президенту как врождённое качество, а его политическая позиция сводится к личностной черте оптимизма. Глагол *reflecting* и конструкция *he's been able to look at* представляют его позицию не как стратегический выбор, а как естественную способность видеть «факты». При этом сами «факты» маркируются оценочной лексикой, обслуживающей диспозиционную атрибуцию: прошлый режим обозначен термином *tyrant* (моральное осуждение, закрепляющее за оппонентом негативную диспозицию), а конституция – лексемами *a model* и *unique*, приписывающими результатам собственной политики имманентное выдающееся качество.

2. Лексико-семантические инструменты стратегии присвоения успеха. Стратегия присвоения успеха, реализуемая через диспозиционную атрибуцию, на лексико-семантическом уровне характеризуется использованием лексики, приписывающей позитивные результаты собственным личностным качествам, опыту или волевым решениям говорящего.

В интервью Дж. Байдена данный инструмент проявляется через апелляцию к длительному опыту как источнику диспозиционной мудрости. В высказываниях политика диспозиционная атрибуция выступает центральным конструктивным принципом аргументации:

... And, I made a decision. I've been doing this too long to do anything other than to try to do what was right. I mean, I'm not, there's nothing noble about it. But it's not worth it. So, you asked me what would I say to the American people. I'd say to the American people I've done foreign policy my whole career.

Конструкция *I've been doing this too long to do anything other than to try* функционирует как ключевой лексико-грамматический маркер диспозиционной атрибуции: опыт представлен не как внешнее обстоятельство, а как внутреннее, имманентное качество, детерминирующее правильное действие. Глагол *try* (пытаться) вносит элемент скромности, но цель *what was right* (то, что было правильно) возвращает к моральному императиву. Словосочетание *there's nothing noble about it* использует приём «отрицаемого превосходства», позволяющий избежать обвинения в высокомерии, одновременно подразумевая, что действие было настолько очевидно необходимым, что не требовало благородных помыслов – только прагматизма и долга, что усиливает диспозиционную атрибуцию собственной компетентности.

В интервью Б. Обамы стратегия присвоения успеха через диспозиционную атрибуцию реализуется иначе – через отождествление собственной позиции с коллективным разумом нации, что было продемонстрировано в аргументативном анализе подраздела 2.1.1 на примере конвергентной аргументативной структуры:

Steve, the math is the math. You can't lower rates and raise revenue, unless you're getting revenue from someplace else. Now, either it's coming from middle-class families or poor families or it's coming from folks like you and me that can afford to pay a little more. I mean, I think the average American understands that.

Заключительная фраза *I think the average American understands that* является актом коллективной диспозиционной атрибуции: глагол *understands* (понимает) приписывает «среднему американцу» не просто знание фактов, а диспозицию когнитивной ясности и способности постичь простую истину, которая совпадает с позицией говорящего. Определение *the average American* служит инструментом нормативной универсализации, создавая образ репрезентативного большинства, чьё «понимание» представлено как консенсусное и морально весомое. Тем самым политик имплицитно приписывает себе диспозицию «носителя здравого смысла нации», что является формой присвоения успеха через апелляцию к коллективной идентичности.

Проведённый лексико-семантический анализ, дополняющий аргументативный анализ, представленный в подразделе 2.1.1, демонстрирует, что инструменты диспозиционной атрибуции представляют собой не просто набор риторических приёмов, но системный дискурсивный режим, позволяющий политическим акторам реализовывать две ключевые макростратегии:

а) дискредитацию оппонента (через нагнетание негативной оценочной лексики, создание семантического поля катастрофы, использование конструкторов интенциональной агентности);

б) присвоение успеха (через апелляцию к собственному опыту как источнику мудрости, отождествление с коллективным разумом нации, а также через конструирование позитивной идентичности «спасителя» или «гаранта правильного процесса»).

Выявленные лексико-семантические паттерны позволяют политическим акторам:

а) конструировать связные и убедительные нарративы о политической реальности, в которых причины событий локализуются в личностных качествах акторов;

б) управлять восприятием причинно-следственных связей в общественных процессах, закрепляя в сознании аудитории представление о том, что ключевые политические события являются следствием личностных качеств (позитивных или негативных) конкретных деятелей;

в) легитимировать собственные позиции через их натурализацию и морализацию, а позиции оппонентов – делегитимировать через приписывание им негативных диспозиций;

г) структурировать политическое пространство через создание дихотомических оппозиций «свой – чужой», «ответственный – безответственный», «спаситель – виновник».

2.1.3. Грамматический аспект анализа

Как было установлено в подразделах 2.1.1 и 2.1.2, диспозиционная атрибуция в политическом интервью реализуется через систему лексико-семантических и аргументативных средств, однако её закрепление в высказывании требует обращения к грамматическому уровню. В соответствии с комплексной лингвистической моделью, грамматические структуры выступают ключевыми инструментами кодирования агентности и каузальных отношений. Синтаксический ракурс анализа позволяет рассмотреть, как диспозиционная атрибуция – приписывание причин события устойчивым внутренним качествам актора – закрепляется в «архитектуре» высказывания: в расстановке подлежащего и дополнения, в выборе между активной и пассивной конструкцией, в использовании притяжательных и модальных структур, а также в анафорических цепочках и придаточных определительных с будущим временем.

Настоящий анализ направлен на выявление грамматических инструментов диспозиционной атрибуции в политическом дискурсе. В соответствии с

теоретическими положениями, диспозиционная атрибуция обслуживает две макростратегии:

а) стратегию дискредитации оппонента (приписывание негативных причин внутренним качествам другого актора);

б) стратегию присвоения успеха (приписывание позитивных результатов собственным внутренним качествам).

В грамматическом аспекте эти стратегии реализуются через специфические синтаксические паттерны: активные транзитивные конструкции с агентом в позиции подлежащего, притяжательные конструкции, синтаксические структуры с модальными глаголами воли и необходимости, перформативные конструкции с отрицанием, придаточные определительные с будущим временем, анафорические цепочки, а также – в определённых контекстах – номинализация и пассивизация, меняющие свою функциональную нагрузку.

1. Грамматические инструменты стратегии дискредитации оппонента.

Стратегия дискредитации оппонента, реализуемая через диспозиционную атрибуцию, на грамматическом уровне закрепляет за оппонентом устойчивые негативные качества через активные конструкции с агентом-оппонентом в позиции подлежащего, притяжательные конструкции, присваивающие оппоненту негативные действия, а также через номинализацию, представляющую оппонента как «источник» угрозы:

а) активные конструкции с агентом-оппонентом в позиции подлежащего.

В интервью Д. Трампа стратегия дискредитации оппонента реализуется через активные конструкции, где оппонент (Дж. Байден) занимает позицию подлежащего при глаголе с негативной семантикой:

Well, I think he did a lot of very bad things. And despite some of the bad things, we're overcoming them. But he was bad on the border. He was bad on the economy. We had the worst inflation in the history of our country. Look, Biden gave us the worst inflation in the history of our country.

Конструкция *Biden gave us the worst inflation* представляет собой активную транзитивную структуру, где подлежащее *Biden* занимает позицию агента, а глагол *gave* (с семантикой «навязал», «преподнёс как подарок») приписывает оппоненту интенциональную агентность. Местоимение *us* в позиции косвенного дополнения включает говорящего и нацию в позицию невольных жертв. Данная синтаксическая структура, соответствующая теоретическому положению, закрепляет за оппонентом диспозицию активного источника негативных изменений, что соответствует стратегии дискредитации оппонента;

б) притяжательные конструкции как инструмент присвоения оппоненту негативных качеств.

В интервью Дж. Буша (мл.) притяжательная конструкция в сочетании с номинализацией закрепляет за оппонентом диспозицию имманентной угрозы:

Well, our administration took care of a source of instability in Iraq. Envision a world in which Saddam Hussein was rushing for a nuclear weapon to compete against Iran. My decision to remove Saddam Hussein was the correct decision in my judgment. We didn't find the weapons we thought we would find or the weapons everybody thought he had. But he was a significant source of instability.

Конструкция *he was a significant source of instability* представляет собой именное сказуемое, где отглагольное существительное *source* номинализует действие «источник нестабильности» и закрепляет его за подлежащим *he* через глагол-связку *was*. В соответствии с теоретическим положением здесь номинализация работает на закрепление за оппонентом устойчивой негативной диспозиции. Оппонент представлен не как совершающий действия, а как имманентно обладающий свойством «быть источником» угрозы. Прилагательное *significant* интенсифицирует эту атрибуцию. Данное метафорическое словопотребление *source of instability* обладает концептуальной значимостью, превращая абстрактную оценку в онтологическую характеристику оппонента как имманентной угрозы, что усиливает эффект диспозиционной атрибуции;

в) номинализация и условные конструкции как инструмент онтологизации угрозы.

В том же интервью Дж. Буша (мл.) номинализация в сочетании с условной конструкцией используется для приписывания оппоненту диспозиции агрессивных намерений:

Envision a world in which Saddam Hussein was rushing for a nuclear weapon to compete against Iran.

Конструкция *was rushing for a nuclear weapon* использует глагол в прогрессивной форме *was rushing*, что придаёт действию характер интенсивного, незавершённого, но целенаправленного процесса. Инфинитив цели *to compete against Iran* грамматически оформляет приобретение оружия не как абстрактную угрозу, а как инструмент в конкретном противостоянии. Синтаксически оппоненту приписывается диспозиция неостановимой, интенциональной агрессии, что служит ретроспективным обоснованием превентивных действий;

г) активные конструкции с агентом-оппонентом в интервью Б. Обамы.

В интервью Б. Обамы стратегия дискредитации оппонента реализуется через активные конструкции, где оппоненту *ISIL* приписывается диспозиция объекта, подлежащего системному уничтожению:

We are going to be as part of an international coalition, carrying out air strikes in support of work on the ground by Iraqi troops, Kurdish troops. We are going to be helping to put together a plan for them, so that they can start retaking territory that ISIL had taken over. ... We are going to systematically degrade their capabilities. We're going to shrink the territory that they control. And ultimately we're going to defeat 'em.

Конструкция *degrade their capabilities, shrink the territory, defeat 'em* представляет собой серию активных транзитивных структур, где подлежащее *we* занимает позицию агента, а дополнения (*their capabilities, the territory, 'em*) – позицию объекта воздействия. Оппоненту *ISIL* приписывается диспозиция пассивного объекта, лишённого собственной агентности, что соответствует стратегии дискредитации оппонента через его объективацию;

2. Грамматические инструменты стратегии присвоения успеха.

Стратегия присвоения успеха, реализуемая через диспозиционную атрибуцию, на грамматическом уровне закрепляет за говорящим (или его политической группой) позитивные диспозиции через активные конструкции с агентом от первого лица, притяжательные конструкции, присваивающие действие субъекту, синтаксические структуры с модальными глаголами необходимости, перформативные конструкции с отрицанием, придаточные определительные с будущим временем, а также через анафорические цепочки, объективирующие референт:

а) активные конструкции с агентом от первого лица как инструмент закрепления позитивной агентности.

В интервью Д. Трампа стратегия присвоения успеха реализуется через активные конструкции с агентом *I* и *We* в позиции подлежащего:

I don't rule it out. I don't say I'm going to do it, but I don't rule out anything. No, not there. We need Greenland very badly. Greenland is a very small amount of people, which we'll take care of, and we'll cherish them, and all of that. But we need that for international security. Do you know, we have Russian boats and we have Chinese boats, gun ships all over the place – aircraft carriers, gun ships – going up and down the coast of Greenland. We need that to be protected. Internationally we need it.

Конструкция с перформативными глаголами *don't rule out*, *don't say* в отрицательной форме сохраняет субъекта *I* в позиции агента, но при этом не обязывает его к действию. Синтаксически это закрепляет за субъектом диспозицию неограниченной свободы манёвра: действие не объявлено, но и не запрещено, что является грамматическим выражением стратегии присвоения успеха (сохранение позитивной агентности);

б) синтаксические структуры с модальным глаголом необходимости как инструмент атрибуции имманентной потребности.

В том же интервью Д. Трампа конструкция с глаголом *need* закрепляет за коллективным субъектом *We* диспозицию объективной, вынужденной необходимости:

We need Greenland very badly. We need that to be protected. Internationally we need it.

Глагол *need* в настоящем времени выражает не желание или цель, а констатацию перманентного, объективного дефицита. Это грамматическое выражение диспозиционной атрибуции: потребность представлена не как временная политическая цель, а как имманентное, устойчивое свойство коллективного субъекта *We*. Наречие *very badly* интенсифицирует это отношение, придавая ему характер экзистенциальной необходимости;

в) притяжательные конструкции как инструмент присвоения действия и ответственности.

В интервью Дж. Буша (мл.) притяжательная конструкция закрепляет за говорящим полную ответственность за решение, что усиливает диспозиционную атрибуцию:

My decision to remove Saddam Hussein was the correct decision in my judgment.

Генитивная группа *My decision* представляет действие как объект обладания, что синтаксически присваивает говорящему полную ответственность за решение. В отличие от активной конструкции *I decided*, где акцент на процессе, притяжательная конструкция акцентирует результат решения как «ответственность» субъекта. Это служит усилению стратегии присвоения успеха: позитивное качество «правильности» приписывается решению, которое принадлежит говорящему;

г) придаточные определительные с будущим временем как инструмент пресуппозиции патерналистской диспозиции.

В интервью Д. Трампа придаточное определительное с будущим временем закрепляет за субъектом диспозицию заботливого покровителя:

Greenland is a very small amount of people, which we'll take care of, and we'll cherish them.

Придаточное определительное *which we'll take care of* использует будущее время *will* не для выражения обещания, а для представления будущего действия как предопределённого, вытекающего из природы субъекта. Синтаксически придаточное определительное закрепляет за субъектом *we* диспозицию патерналистского покровительства, не оставляя места для воли объекта *which, them*. Это соответствует стратегии присвоения успеха (конструирование позитивной идентичности «заботливого лидера»);

д) анафорические цепочки как инструмент грамматической объективации и закрепления роли активного субъекта.

В том же интервью Д. Трампа анафорическая цепочка объективирует территорию, закрепляя за субъектом роль активного контролёра:

We need that to be protected. Internationally we need it.

Территория вводится как *Greenland*, затем замещается анафорическими местоимениями *that* и *it* в позиции дополнения при глаголе *need*. Эта грамматическая цепочка *Greenland → that → it* последовательно объективирует территорию, превращая её из географического субъекта в грамматический объект действия *to be protected* и обладания *need*. Тем самым за субъектом *we* закрепляется диспозиция активного контролёра, а за территорией – диспозиция пассивного объекта, что соответствует стратегии присвоения успеха;

е) активные конструкции с глаголами говорения и надежды как инструмент атрибуции эмпатичной диспозиции.

В интервью Дж. Байдена активные конструкции с глаголами говорения и надежды закрепляют за говорящим диспозицию эмпатичной вовлечённости:

Very cordial. I told him how concerned I was, and want to make sure I knew how he was actually doing. He sounded good. He said he was fine and he thanked me for calling him. I told him he was literally in the prayers of Jill and me, and I hope his whole family was weathering this.

Конструкции *I told him, I hope* представляют собой активные транзитивные структуры с агентом от первого лица в позиции подлежащего. Эти структуры закрепляют за говорящим диспозицию эмпатичной вовлечённости, систематической заботы и духовной поддержки, что соответствует стратегии присвоения успеха (конструирование позитивной идентичности «заботливого лидера»). Хотя сами глаголы *tell, hope* относятся к лексико-семантическому полю говорения и эмоций, в данном случае ключевым является их синтаксическое оформление – активная транзитивная конструкция, закрепляющая за говорящим позицию контролирующего субъекта. Данная конструкция, помимо лексического значения, закрепляет за говорящим позицию контролирующего субъекта за счет активной транзитивной структуры;

ж) сложные синтаксические конструкции с полипредикацией как инструмент конструирования моральной каузальности.

В интервью Б. Обамы сложная полипредикативная (сложные синтаксические конструкции с несколькими предикативными единицами) конструкция закрепляет за говорящим диспозицию моральной ответственности:

Well – you know, when you – it's not so much how it affects me personally. It's thinking about the parents of and family members – of these folks who were affected. That never goes away. And you understand that, you know, the way to vindicate the love and concern that these families have, is to make sure we've got a good policy, a smart policy, that prevents these kinds of things from happening in the future.

Ключевая конструкция *the way to vindicate... is to make sure...* устанавливает грамматическую эквивалентность между моральным восстановлением справедливости *vindicate the love* и политическим обеспечением безопасности *make sure we've got a good policy*. Инфинитивы цели *to vindicate, to make sure* и каузативный глагол *prevents* создают синтаксическую цепь морально-политической необходимости. В соответствии с теоретическим положением, где чувства семей становятся грамматическим субъектом, требующим определённого политического предиката, что закрепляет за говорящим диспозицию морально ответственного лидера (стратегия присвоения успеха).

3. Грамматические инструменты, работающие на обе стратегии.

Некоторые грамматические структуры могут одновременно обслуживать стратегию дискредитации оппонента и стратегию присвоения успеха, создавая асимметричную систему атрибуции.

В интервью Дж. Байдена активные конструкции с глаголами говорения и надежды закрепляют за говорящим диспозицию эмпатичной вовлечённости (стратегия присвоения успеха), а пассивная конструкция – за родственниками жертв диспозицию коллективного страдания (дискредитация оппонента через конструирование образа жертвы, требующей защиты):

It's thinking about the parents of and family members – of these folks who were affected. That never goes away.

Пассивная конструкция *who were affected* устраняет явного агента воздействия, но не для снятия ответственности, а для конструирования коллективной идентичности жертвы. Тем самым родственникам жертв приписывается диспозиция страдания, что создаёт моральное обоснование для действий говорящего. Эта структура работает одновременно на дискредитацию оппонента (имплицитно ответственного за «воздействие») и на присвоение успеха (говорящий представлен как защитник жертв).

Проведённый анализ демонстрирует, что грамматические инструменты диспозиционной атрибуции представляют собой систему синтаксических структур, закрепляющих за акторами устойчивые внутренние качества.

Выявленные грамматические паттерны позволяют политическим акторам:

- а) закреплять диспозиционные атрибуции на уровне синтаксической структуры, делая их менее доступными для оспаривания;
- б) распределять агентность асимметрично: оппоненту – через активные и притяжательные конструкции с негативной семантикой, себе – через те же конструкции, но с позитивной семантикой;
- в) объективировать референты (территории, группы) через анафорические цепочки, превращая их в пассивные объекты действия;

г) конструировать предопределённость будущих действий через придаточные определительные с будущим временем, представляя их как естественное следствие диспозиций субъекта;

д) использовать функциональный сдвиг номинализации и пассивизации, когда эти структуры, классически обслуживающие ситуативную атрибуцию, в определённых контекстах закрепляют диспозицию за объектом или субъектом.

Полученные результаты на грамматическом уровне, в совокупности с лексико-семантическим и аргументативным анализом, создают основу для последующего интерактивного анализа атрибуционных конструкторов в политическом интервью, что соответствует трехуровневой структуре комплексной лингвистической модели.

2.1.4. Интерактивный ракурс анализа

В подразделах 2.1.1–2.1.3 диспозиционная атрибуция была рассмотрена с точки зрения аргументативной структуры, лексико-семантического наполнения и грамматического оформления. Однако полная картина её функционирования невозможна без обращения к интерактивному аспекту – анализу того, как эти средства используются в условиях диалогического взаимодействия, где политик вынужден не просто транслировать готовые каузальные нарративы, но отстаивать их, защищаться от атрибуционного давления интервьюера и переопределять рамки обсуждения в реальном времени.

В соответствии с теоретическими положениями, интерактивный аспект анализа атрибуции включает три взаимосвязанных уровня: жанрово-коммуникативный уровень – интерактивные рамки Категории (обвинения) и Апологии (защиты); риторико-стратегический уровень – макростратегии дискредитации оппонента и присвоения успеха, реализуемые через диспозиционную атрибуцию; тактический уровень – дискурсивные тактики, с помощью которых политик реализует эти стратегии в условиях диалогического давления.

Настоящий анализ сосредоточен на интерактивных тактиках, посредством которых политические акторы реализуют диспозиционную атрибуцию в рамках стратегий дискредитации оппонента и присвоения успеха, а также на тактиках журналиста, направленных на преодоление уклончивости политика и навязывание ему ответственности.

1. Категория и Апология.

Политическое интервью строится вокруг последовательности «обвинение – защита». Журналист, исполняя роль публичного контролёра, инициирует Категорию – речевой акт, приписывающий политику ответственность за негативные события или действия. Политик, в свою очередь, реализует Апологию – ответный речевой акт, в котором опровергает, смягчает или переопределяет предложенную каузальную версию.

В контексте диспозиционной атрибуции эти интерактивные рамки приобретают специфическое наполнение. Категория (обвинение) реализует стратегию дискредитации оппонента через диспозиционную атрибуцию: журналист (или оппонент) приписывает политику негативные внутренние качества, возлагая на него ответственность за нежелательные события. Апология (защита) реализует стратегию присвоения успеха через диспозиционную атрибуцию: политик приписывает себе позитивные внутренние качества (компетентность, решимость, моральную правоту), легитимируя свои действия и сохраняя репутацию.

2. Тактики журналиста: атрибуционное давление как инструмент навязывания диспозиционной атрибуции.

Журналист в политическом интервью использует систему тактик, направленных на преодоление уклончивости политика и навязывание ему диспозиционной атрибуции негативных событий:

а) атрибуционное преследование. Тактика, при которой журналист, не удовлетворённый уклончивым ответом, повторно или в иной формулировке задаёт вопрос об ответственности, вынуждая политика принять, опровергнуть или переопределить предложенную диспозиционную атрибуцию.

В интервью Д. Трампа атрибуционное преследование реализуется через настойчивое возвращение к вопросу об ответственности за экономическую политику:

Interviewer: «You say inflation was caused by the previous administration's policies. But didn't your own tariffs affect price increases?»

D. Trump: «Look, Biden gave us the worst inflation in the history of our country. We had the worst inflation. Now take a look at what happened. Oil is down. Gasoline is down. Groceries are down.»

Журналист пытается навязать политику диспозиционную атрибуцию (его собственные тарифы как причина роста цен). Политик уходит от прямого ответа, переопределяя каузальную модель: он усиливает диспозиционную атрибуцию оппоненту *Biden gave us the worst inflation* и переводит фокус на позитивные текущие результаты *Oil is down. Gasoline is down*, тем самым блокируя попытку журналиста закрепить за ним ответственность;

б) Контр-атрибуция через цитирование. Тактика, при которой журналист приводит альтернативную атрибуционную версию от авторитетного источника, ставя политика в позицию, где он должен публично её оспорить.

В интервью Дж. Буша (мл.) данная тактика проявляется в приведении критических оценок военной кампании:

Interviewer: «The Democratic leader in the Senate stated that your decision to invade Iraq was based on faulty intelligence. What is your response?»

G.W. Bush: «My decision to remove Saddam Hussein was the correct decision in my judgment. We didn't find the weapons we thought we would find or the weapons everybody thought he had. But he was a significant source of instability.»

Журналист использует контр-атрибуцию через цитирование, чтобы навязать политику диспозиционную атрибуцию ошибки *faulty intelligence*. Политик не оспаривает факт ошибки напрямую, а переопределяет каузальную модель: он использует притяжательную конструкцию *My decision* для присвоения ответственности (стратегия присвоения успеха), затем признаёт фактиче-

скую ошибку *We didn't find the weapons*, но сразу же возвращается к диспозиционной атрибуции оппоненту *he was a significant source of instability*, что соответствует стратегии дискредитации оппонента;

в) стратегическое использование гипотетических сценариев. Тактика, при которой журналист задаёт вопросы, проецирующие потенциальную будущую ответственность на текущие действия политика, вынуждая его к превентивной самозащите.

В интервью Б. Обамы данная тактика проявляется в вопросах о долгосрочных последствиях военной стратегии:

Interviewer: «If your strategy against ISIL does not lead to victory within a year, are you prepared to take responsibility for that?»

B. Obama: «We are going to systematically degrade their capabilities. We're going to shrink the territory that they control. And ultimately we're going to defeat 'em.»

Журналист пытается навязать политику диспозиционную атрибуцию потенциального провала. Политик уходит от гипотетического сценария, переопределяя его через категоричные активные конструкции с будущим временем *we are going to*, которые закрепляют за ним диспозицию уверенного лидера, способного контролировать исход (стратегия присвоения успеха).

3. Тактики политика: реализация стратегий дискредитации оппонента и присвоения успеха в условиях диалогического давления.

Политик в ответ на атрибуционное давление журналиста использует систему тактик, позволяющих ему реализовывать макростратегии дискредитации оппонента и присвоения успеха:

а) ответ-мост как тактика перехода к позитивной диспозиционной атрибуции. Тактический ход, позволяющий политику перейти от неудобного вопроса журналиста к заранее подготовленному сообщению, сохраняя видимость релевантности ответа. В контексте диспозиционной атрибуции ответ-мост часто используется для ухода от обвинения и перехода к стратегии присвоения успеха.

В интервью Дж. Байдена ответ-мост реализуется через переход от вопроса о выводе войск из Афганистана к апелляции к опыту и моральной правоте:

Interviewer: «Do you acknowledge that the withdrawal from Afghanistan was chaotic and led to casualties?»

J. Biden: «I've been doing this too long to do anything other than to try to do what was right. I've done foreign policy my whole career.»

Журналист пытается навязать политику диспозиционную атрибуцию негативного события (хаос, жертвы). Политик использует ответ-мост, чтобы уйти от прямого ответа и перейти к стратегии присвоения успеха: конструкция *I've been doing this too long* приписывает ему диспозицию мудрости, сформированной опытом, а *to do what was right* – диспозицию моральной правоты;

б) перенаправление вины как тактика перевода диспозиционной атрибуции на оппонента. Тактика, при которой политик в ответ на обвинительный «вызов» журналиста переадресовывает ответственность на внешнего агента – оппонента, предыдущую администрацию или объективные обстоятельства. В контексте диспозиционной атрибуции перенаправление вины реализует стратегию дискредитации оппонента.

В интервью Д. Трампа перенаправление вины проявляется в переводе ответственности за экономические проблемы на предшественника:

Interviewer: «Has your trade policy led to an increase in the deficit?»

D. Trump: «Biden gave us the worst inflation in the history of our country. He was bad on the economy. We had the worst inflation.»

Журналист пытается навязать политику диспозиционную атрибуцию (его политика → дефицит). Политик использует перенаправление вины, перекладывая ответственность на оппонента через активные конструкции с агентом-оппонентом в позиции подлежащего *Biden gave us*, что соответствует стратегии дискредитации оппонента;

в) управление темпоральностью атрибуции как тактика перераспределения диспозиций во времени. Тактика, при которой политик использует различные временные рамки для перераспределения ответственности. В контексте диспозиционной атрибуции управление темпоральностью позволяет ретроспективно приписывать оппоненту негативные диспозиции (стратегия дискредитации) и проспективно приписывать себе позитивные диспозиции (стратегия присвоения успеха).

В интервью Дж. Буша (мл.) управление темпоральностью проявляется в ретроспективном обосновании решения и проспективном обещании успеха. Журналист задаёт вопрос о будущих результатах военной кампании:

Interviewer: «Can you guarantee that the new strategy will lead to victory in Iraq?»

G.W. Bush: «My decision to remove Saddam Hussein was the correct decision in my judgment. We didn't find the weapons we thought we would find. But he was a significant source of instability. We got a strategy to victory. We got a plan to see that the Iraqis take the fight.»

Политик использует ретроспективную временную рамку для присвоения себе позитивной диспозиции *My decision was correct* и приписывания оппоненту негативной диспозиции *he was a source of instability*. Затем он переходит к проспективной временной рамке, используя конструкции с настоящим временем *we got a strategy, we got a plan* для закрепления за собой диспозиции компетентного управленца.

4. Конструкты мета-атрибуции: вывод спора о каузальности на рефлексивный уровень.

Особый класс интерактивных тактик составляют конструкты мета-атрибуции. Они выводят спор о каузальности на мета-уровень, где объектом приписывания становятся мотивы и компетенция самого журналиста:

а) превентивное конструирование каузальности. Тактика, при которой политик самостоятельно формулирует потенциальное обвинение (обычно основанное на диспозиционной атрибуции его личностных качеств), чтобы немедленно его опровергнуть, навязывая альтернативную версию причинности.

В интервью Дж. Байдена данное конструирование каузальности проявляется в превентивном опровержении обвинения в политическом оппортунизме. Журналист не задаёт прямой вопрос, но политик предвосхищает потенциальное обвинение:

J. Biden: «I'm not, there's nothing noble about it. But it's not worth it. I've done foreign policy my whole career.»

Политик предвосхищает потенциальное обвинение в том, что его действия продиктованы стремлением к личной выгоде или благородству, и немедленно его опровергает *nothing noble, not worth it*, затем заменяет эту версию диспозиционной атрибуцией, основанной на длительном опыте *I've done foreign policy my whole career*;

б) рефрейминг мотивации интервьюера. Тактика, при которой политик приписывает журналисту необъективность, ангажированность или следование «чужой» повестке, переходя из позиции отвечающего в позицию обвиняющего.

В интервью Д. Трампа рефрейминг мотивации интервьюера проявляется в приписывании журналисту предвзятости. Журналист задаёт вопрос о ценах на яйца, и политик переопределяет мотивацию вопроса:

Interviewer: «What about egg prices? They've been rising.»

D. Trump: «You were the one that asked me. You asked me about eggs. It was the first week. I didn't even know anything about what you – we were talking about.»

Политик не оспаривает диспозиционную или ситуативную природу события напрямую, а предлагает мета-каузальную схему, в которой поведение журналиста объясняется его предвзятостью или некомпетентностью. Это позволяет политику перейти из позиции отвечающего в позицию обвиняющего, а

объектом обсуждения становятся не причины политических событий, а причины поведения журналиста.

Проведённый анализ демонстрирует, что интерактивные инструменты диспозиционной атрибуции представляют собой систему тактик, позволяющих политическим акторам реализовывать макростратегии дискредитации оппонента и присвоения успеха в условиях диалогического давления. В рассмотренных фрагментах политических интервью каждый из четырёх президентов использовал специфический набор тактик, соответствующих его риторическому стилю и коммуникативным задачам.

Д. Трамп в анализируемых интервью активно использовал тактику перенаправления вины, перекладывая ответственность за экономические проблемы на предшественника через активные конструкции с агентом-оппонентом в позиции подлежащего *Biden gave us the worst inflation*, что соответствует стратегии дискредитации оппонента. Кроме того, в его интервью зафиксирована тактика рефрейминга мотивации интервьюера, позволяющая перейти из позиции отвечающего в позицию обвиняющего через приписывание журналисту предвзятости *You were the one that asked me*. В ситуации атрибуционного преследования со стороны журналиста Д. Трамп использовал уклонение через переопределение каузальной модели, усиливая диспозиционную атрибуцию оппоненту и смещая фокус на позитивные текущие результаты.

Дж. Буш (мл.) в анализируемых интервью продемонстрировал использование тактики контр-атрибуции через цитирование, когда в ответ на цитату оппонента ошибочных данных разведки он переопределил каузальную модель, сочетая притяжательную конструкцию для присвоения ответственности *My decision was correct* с последующей диспозиционной атрибуцией оппоненту *he was a significant source of instability*. Также в его интервью зафиксирована тактика управления темпоральностью, позволяющая ретроспективно приписывать оппоненту негативные диспозиции (через *Past Simple* в *he was a*

source of instability) и проспективно закреплять за собой диспозицию компетентного управленца (через конструкции настоящего времени *we got a strategy, we got a plan*).

Дж. Байден в анализируемых интервью активно использовал тактику ответ-мост, позволяющую уйти от прямого ответа на неудобный вопрос о хаотичном выводе войск из Афганистана и перейти к позитивной диспозиционной самоатрибуции, основанной на длительном опыте *I've been doing this too long to do anything other than to try to do what was right*. Кроме того, в его интервью зафиксирована тактика превентивного конструирования каузальности, реализующая стратегию присвоения успеха через превентивное опровержение потенциальных обвинений *nothing noble, not worth it* и замену их диспозиционной самоатрибуцией *I've done foreign policy my whole career*.

Б. Обама в анализируемых интервью продемонстрировал использование тактики стратегического использования гипотетических сценариев со стороны журналиста и успешное противостояние ей через категоричные активные конструкции с будущим временем *we are going to systematically degrade their capabilities... ultimately we're going to defeat 'em*. Эта тактика позволяет политику уйти от навязываемой диспозиционной атрибуции потенциального провала и закрепить за собой диспозицию уверенного лидера, способного контролировать исход, что соответствует стратегии присвоения успеха.

Выявленные интерактивные паттерны позволяют политическим акторам противостоять атрибуционному давлению журналиста, уходя от навязываемой диспозиционной атрибуции негативных событий; переопределять каузальную модель в реальном времени, смещая фокус с собственной ответственности на диспозиции оппонента; использовать временные рамки для перераспределения диспозиций: ретроспективно – для дискредитации оппонента, проспективно – для присвоения успеха; выводить спор о каузальности на метаязык, атакуя легитимность источника обвинения (журналиста) через приписывание ему предвзятости или некомпетентности.

Таким образом, интерактивный анализ завершает комплексное исследование диспозиционной атрибуции в политическом интервью. Сквозная аргументативная рамка, заданная в Главе первой, интегрирует лексико-семантический (2.1.2), грамматический (2.1.3) и интерактивный (2.1.4) аспекты в единую аналитическую модель. Аргументативный ракурс (2.1.1) при этом выступает не отдельным аспектом, а логическим каркасом, демонстрирующим, как атрибуционные конструкты выполняют функцию обоснования в структуре аргумента.

2.2. Ситуативная атрибуция в политических интервью современных американских президентов

Особый интерес представляет феномен ситуативной атрибуции, когда президент сознательно смещает каузальный фокус с собственных решений или качеств своей администрации на внешние, часто неконтролируемые факторы: экономические кризисы, действия политических оппонентов, международные конфликты, историческое наследие или «непредвиденные обстоятельства». Эта стратегия выполняет двойную функцию: с одной стороны, снижает персональную ответственность за негативные события, с другой – конструирует образ реалистичного и рационального лидера, вынужденного действовать в сложных условиях.

В настоящем исследовании фокус внимания направлен на то, как эта стратегия реализуется не просто как спонтанная психологическая реакция, а как высокоинституционализированный дискурсивный конструкт, встроенный в язык, структуру аргументации и диалогическую динамику президентских интервью. Анализ позволяет выявить не только что объясняется обстоятельствами, но и как это делается: через какие лексические паттерны, синтаксические конструкции и аргументативные ходы президент трансформирует потенциально уязвимую позицию в нарратив о вынужденности, последовательности и прагматизме.

2.2.1. Инструменты ситуативной атрибуции в аргументативном анализе

Настоящее исследование направлено на выявление лингво-аргументативных инструментов ситуативной атрибуции, представляющей собой каузальную интерпретацию, при которой причины наблюдаемых исходов или изменений приписываются внешним, а не внутренним диспозициям агента.

Рассмотрим реплику из политического интервью Д. Трампа:

(1) – we were losing hundreds of billions of dollars with China. (2) Now we're essentially not doing business with China. (3) Therefore, (4) we're saving hundreds of billions of dollars. (5) Very simple.

В анализируемом высказывании прослеживается четкая трёхкомпонентная логическая последовательность:

Данные (D) (Данные фактов): Фактологическая предпосылка, служащая отправной точкой для аргументации, представлена в предложениях (1–2): *we were losing hundreds of billions of dollars with China. Now we're essentially not doing business with China* (мы теряли сотни миллиардов долларов в отношениях с Китаем. Теперь мы, по сути, с Китаем бизнес не ведем). Констатируются два состояния: прошлое (убыточное) и настоящее (прекращение активных экономических отношений).

Тезис (C) (Декларативный Тезис): Утверждение, выводимое из (D), эксплицировано со связкой *therefore* (следовательно) в предложениях (3–4): *Therefore, we're saving hundreds of billions of dollars* (Следовательно, мы экономим сотни миллиардов долларов). Тезис представляет собой прямое инвертирование исходной потери в позитивный результат – «сбережение».

Основание (W) (Каузальное Основание): Имплицитная, но фундаментальная посылка, обеспечивающая логический переход от (D) к (C), может быть реконструирована следующим образом: <Прекращение деятельности, которая причиняет систематические финансовые убытки, автоматически приводит к сбережению суммы, равной ранее терявшейся>. Это Основание опи-

рается на принцип устранения негативной каузальной силы и трактует результат как непосредственное и неизбежное следствие изменения внешних условий взаимодействия.

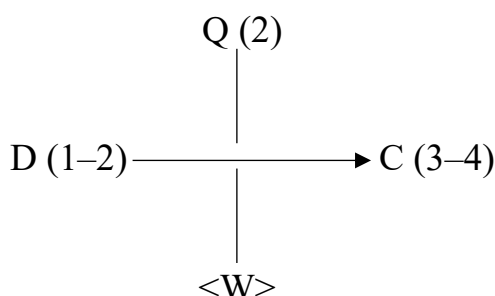
Инструмент ситуативной атрибуции обеспечивает содержательное наполнение аргументативного Основания (W), предоставляя каузальное объяснение, которое связывает изменение внешних условий с наблюдаемым результатом. Ключевой причиной перехода от состояния «потери» к состоянию «сбережения» выступает изменение внешней ситуации или условий деятельности – факт прекращения или радикального сокращения деловых отношений *not doing business with China*. Экономический результат *saving* объясняется исключительно этой модификацией контекста (ситуативной переменной), а не, например, внутренними качественными преобразованиями в экономике агента (повышением производительности, инновациями, диверсификацией рынков и т.д.). Атрибуция носит прямой и однозначный характер: новая конфигурация внешних связей (ситуация «неведения бизнеса») представлена как достаточное и необходимое условие для генерации позитивного финансового исхода. Таким образом, в Основании аргумента имплицитно закрепляется схема каузального вывода: «Изменение ситуации $X \rightarrow$ Автоматическое наступление результата Y », что является классическим типом рассуждения в ситуативно-детерминистской логике.

В представленном аргументе отсутствует эксплицитная Оговорка (R), которая обычно ограничивала бы степень общности или безусловности Тезиса. Напротив, аргумент сформулирован в категоричной форме. Однако, можно идентифицировать квалификатор (Q), относящийся не к степени уверенности в истинности Тезиса, а к характеру логической связи между его компонентами. Им является наречие *essentially* в предложении (2). Этот Квалификатор модифицирует описание Данных, вводя некоторую семантическую гибкость в констатацию факта «неведения бизнеса», что, в свою очередь, может косвенно влиять на воспринимаемую силу Основания. Словосочетание *very simple* в предложении (5) функционирует как риторический усилитель, а не как

Квалификатор уверенности. Оно служит для структурирования аргумента как самоочевидного, не требующего сложных Оговорок, и тем самым повышает его перлокутивный эффект, усиливая впечатление неопровержимой простоты и ясности приведенной каузальной связи.

Схематизация Аргументативного Шага с ситуативной атрибуцией:

Схема 10. Аргументативный Шаг

Проведённый анализ позволяет констатировать, что анализируемый аргумент построен по модели прямой ситуативной детерминации. Инструмент ситуативной атрибуции выступает в роли скрытой логической пружины, будучи инкорпорированным в основание аргумента (W). Именно он обеспечивает каузальную связь между Данными (прекращение взаимодействия) и Тезисом (C) (возникновение сбережений), объясняя результат через изменение внешнего контекста. Отсутствие стандартной Оговорки и наличие риторического усилителя *very simple* подчёркивают стремление продуцента представить каузальную цепь как однозначную, автоматическую и не зависящую от дополнительных переменных. Такая структура минимизирует пространство для критики, сводя сложную экономическую реальность к бинарной логике наличия/отсутствия одного ситуативного фактора, что является характерным приёмом в публичной аргументации для достижения максимальной убедительности и ясности.

Проведённый анализ аргументативной структуры в высказывании Д. Трампа напрямую соотносится с теоретическими положениями. Во-первых, выявленный инструмент прямой ситуативной детерминации – приписывание позитивного экономического результата *saving hundreds of billions of dollars* исключительно изменению внешнего контекста *not doing business with China* –

представляет собой практическую реализацию стратегии снятия ответственности. Одновременно данный фрагмент реализует стратегию присвоения успеха в её ситуативной модификации: позитивный результат *saving* закрепляется за агентом *we*, но объясняется не его внутренними качествами, а изменением контекста. Такая гибридная конфигурация позволяет политику, с одной стороны, присвоить себе позитивный результат, а с другой – избежать ответственности за возможные негативные последствия того же изменения контекста. Во-вторых, функционирование ситуативной атрибуции на уровне аргументативного Основания подтверждает ключевую идею о том, что атрибуционные конструкты выполняют фундаментальную аргументативную функцию, выступая логическим звеном, связывающим фактические Данные с Тезисом и придающим аргументу убедительность. В данном случае ситуативная атрибуция в Основании трансформирует описание изменения торговой политики в нарратив об автоматической и неизбежной экономической выгоде, что иллюстрирует Тезис об атрибуции как инструменте конструирования политической реальности [Edelman 2001].

Рассмотрим следующий анализируемый фрагмент из политического интервью Дж. Буша (мл.), в котором реконструируемая аргументативная последовательность имеет структуру условного императива, где одно событие является необходимым условием для наступления другого:

(1) I – (2) I said two things. (3) One, (4) they've got to get rid of that arm of their party (5) which is armed and violent, (6) and secondly, (7) they have got to get rid of that part of their platform (8) that says (9) they want to destroy Israel. (10) And if they don't, (11) we won't deal with them.

В данной реплике подразумевается существование коллективного политического актора *their party*, чьи текущие характеристики формируют проблемную ситуацию.

Данные (D): В качестве объективного основания для последующих требований выступают две атрибутируемые данной группе характеристики: (D₁)

(Данные Фактов) наличие структурного подразделения, обладающего признаками вооруженности и склонности к насилию (4–5): *that arm of their party which is armed and violent*; (D₂) (Данные Фактов) наличие в документах положения, декларирующего цель уничтожения государства Израиль (7–9): *that part of their platform that says they want to destroy Israel*. Эти элементы представлены как фактологические данности, конституирующие текущее состояние дел.

В предложениях (3–9) формулируется директивное условие, адресованное группе: необходимо ликвидировать *get rid of* оба указанных элемента (4, 7).

Тезис (С) (Декларативный Тезис): Ключевое декларативное утверждение содержится в предложениях (10–11): *And if they don't, we won't deal with them* (И если они этого не сделают, мы не будем с ними работать). Данное утверждение позиционируется не как субъективное предпочтение, а как неизбежное следствие, детерминированное логикой ситуации.

Ядро инструмента ситуативной атрибуции встроено в логический переход, ведущий к формулировке Тезиса (10–11). Обоснование будущего действия (или бездействия) продуцента *we won't deal* полностью выводится из внешних, ситуативных переменных, которые находятся под контролем адресата требования. Эти переменные – персистенция вооружённого насилия и деструктивной идеологической цели – трактуются как непреодолимые контекстуальные барьеры, делающие взаимодействие объективно невозможным или аморальным. Таким образом, политик приписывает причину потенциального разрыва отношений не своей собственной волей или предрассудком, а созданной адресатом внешней обстановкой. Собственная позиция репрезентируется как вынужденная, рациональная и единственно возможная реакция на невыносимые ситуативные условия. Имплицитным основанием (W) для этого служит нормативный постулат: <Взаимодействие с субъектами, поддерживающими параметры X и Y, является недопустимым>.

В представленной аргументативной конструкции эксплицитная Оговорка (R), которая вводила бы вероятностные или ограничительные модальности

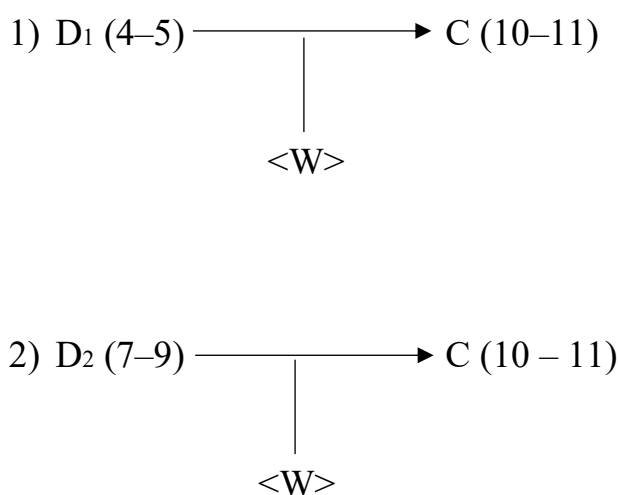
в основной Тезис, отсутствует. Аргумент построен по бинарной, безальтернативной логике условного оператора «если не А, то Б», не предполагающей степеней реализации или частичного выполнения.

Союз *if* (10) функционирует исключительно как логический оператор условия, а не как маркер гипотетичности или неопределённости исхода.

Квалификаторы уверенности (Q) в виде наречий или прилагательных, модифицирующих силу убеждённости продуцента, также не обнаружены. Категоричность и безусловная уверенность передаются с помощью синтаксиса и грамматики: через использование простого будущего времени *will not* (не буду) в отрицательной форме, которое в данном контексте выражает не прогноз, а твёрдое решение или обещание, принятое в момент речи. Эта грамматическая конструкция сама по себе является мощным средством выражения абсолютной уверенности, не требующим лексического усиления.

Схематизация аргументативных шагов с имплицитной ситуативной атрибуцией:

Схема 11. Аргументативные Шаги

Данная конструкция является конвергентным аргументом (Супер-шагом): два блока Данных (D₁ и D₂) – требования к оппоненту – сходятся для поддержки единого Тезиса (C), а обобщающий Макротезис (C₀) реконструирует легитимирующую логику всего высказывания

На основе анализа Макротезис (C₀) высказывания можно сформулировать следующим образом: <Легитимность политического актора в международной сфере ставится в жёсткую зависимость от его внутренней, сущностной чистоты. Партия, чья организационная структура включает насильственные вооружённые формирования, а официальная программа содержит цель уничтожения суверенного государства, по определению лишается права на диалог. Любая возможность взаимодействия с ней обусловлена не изменением её поведения в конкретной ситуации, а её фундаментальной внутренней трансформацией, предполагающей отказ от этих конституирующих элементов>. Данный принцип является безусловным и не подлежит контекстуальным переговорам.

Связь Макротезиса с ситуативной атрибуцией является негативной и определяющей. Макротезис не просто игнорирует ситуативную атрибуцию – он активно строится на её отрицании, и это отрицание составляет его смысловое ядро и риторическую силу.

Во-первых, отрицание ситуативной атрибуции формирует жёсткость Макротезиса. Макротезис провозглашает безусловный характер требований именно потому, что он отсекает любые возможные объяснения, которые могли бы их смягчить. Если бы насилие можно было бы объяснить ситуативной самообороной, а риторику уничтожения – гиперболой в условиях конфликта, требования утратили бы свой абсолютный характер. Отвергая ситуативную логику, Макротезис утверждает, что не существует такого контекста, в котором эти элементы были бы приемлемы. Это превращает политические условия в моральные аксиомы.

Во-вторых, отрицание ситуативной атрибуции возлагает всю ответственность на оппонента. Исключая из рассмотрения внешние обстоятельства, которые могли спровоцировать или оправдать его действия, Макротезис локализует источник проблемы исключительно внутри самого оппонента – в его организационном выборе и идеологии. Это позволяет политику снять с себя и

с международного сообщества какую-либо ответственность за создание условий, которые могли способствовать появлению этих элементов.

В-третьих, отрицание ситуативной атрибуции служит инструментом делегитимации контраргументов. Любая попытка оправдать оппонента ссылкой на ситуативные факторы (историческую несправедливость, безопасность, оккупацию) может быть немедленно дискредитирована как оправдание насилия или согласие с идеологией уничтожения. Таким образом, Макротезис, построенный на отрицании ситуативной логики, создаёт риторический иммунитет: он предвосхищает и нейтрализует наиболее вероятные контраргументы, перенося спор из прагматической плоскости в плоскость моральных абсолютов, где позиция спикера кажется неоспоримой.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что инструмент ситуативной атрибуции выполняет в данном аргументе фундаментальную легитимирующую и риторическую функцию. Он активируется в С (10–11), позволяя репрезентировать потенциальный отказ от диалога не как проявление субъективной воли или предвзятости, а как неизбежный, вынужденный и морально оправданный ответ на непреодолимые обстоятельства, сконструированные противоположной стороной. Отсутствие Оговорок и лексических Квалификаторов уверенности усиливает перлокутивный эффект, структурируя аргумент в терминах недвусмысленной и безальтернативной причинно-следственной логики. Подобная структура характерна для дискурса ультимативных требований в политической сфере, где акцент смещается с субъективной ответственности инициатора на «объективную необходимость», продиктованную поведением и характеристиками оппонента. Макротезис политического ультиматума обретает свою категоричную силу именно через последовательное отрицание ситуативных объяснений, что позволяет представить сложный политический конфликт как ясное противостояние между легитимностью, основанной на универсальных нормах, и неприемлемостью, коренящейся в по-

рочной сущности оппонента. Эта стратегия эффективно упрощает политическую реальность, возводя требования к уровню безусловных моральных императивов.

Проведённый анализ аргументативной структуры в высказывании Дж. Буша (мл.) напрямую соотносится с теоретическими положениями. Во-первых, выявленный инструмент отрицания ситуативной атрибуции как основания для ультиматума представляет собой практическую реализацию стратегии дискредитации оппонента. В данном случае политик намеренно блокирует любые возможные ситуативные объяснения поведения оппонента (например, ссылки на историческую несправедливость или самооборону), что позволяет представить отказ от диалога не как субъективное решение, а как морально оправданную и неизбежную реакцию. Одновременно данный фрагмент реализует стратегию снятия ответственности через перенаправление вины: собственная позиция политика *we won't deal with them* представлена не как проявление враждебности или предвзятости (что было бы диспозиционной атрибуцией), а как вынужденная реакция на непреодолимые характеристики оппонента. Во-вторых, функционирование ситуативной атрибуции (в её негативной форме – как отрицание ситуативных объяснений для оппонента) на уровне аргументативного Тезиса (С) подтверждает ключевую идею о том, что атрибуционные конструкторы выполняют фундаментальную аргументативную функцию, выступая логическим звеном, связывающим фактические Данные с Тезисом и придающим аргументу убедительность.

Следующий анализируемый текст из политического интервью Дж. Байдена представляет собой причинно-следственный нарратив, реконструируемый в терминах схемы «Данные–Основание–Тезис». Для обеспечения лингвистической точности высказывание подвергнуто процедуре сегментации с последующей нумерацией:

(1) Well, (2) if you notice, (3) until gas prices started going up, (4) which was about the same time, (5) the University of Michigan survey, (6) they had a very different view. (7) Things were much more, (8) they were much more optimistic. (9) We

came in and (10) we started to grow the economy in significant ways. (11) We were able to, ah, (12) you know, (13) go from 2 million shots in arms to 225 million. (14) People were having access to dealing with the pandemic. (15) We started opening up businesses, (16) and opening up access to go back to work, etc. (17) But then, (18) in my experience, (19) the way I was raised, (20) if you want a direct barometer of what people are going to talk (21) about at the kitchen table and (22) the dining room table and (23) whether things are going well, (24) it's the cost of food and (25) what's the cost of, of gasoline at the pump. (26) I mean literally at the pump.

Перед нами конвергентный аргумент с Супер-шагом. Два основных Тезиса – С₁ (успехи и оптимизм до роста цен) и С₂ (ценовой шок как главный барометр настроений) – необходимы для Макротезиса С₀: общественный оптимизм сменился пессимизмом из-за роста цен на топливо и продукты. Эти Тезисы не противоречат друг другу, а последовательно описывают причинно-следственную цепь, формируя целостное объяснение.

Тезис 1 (С₁) (Декларативный Тезис): до резкого роста цен на бензин политика администрации была успешной, что напрямую отражалось в высоком общественном оптимизме.

Данные (D₁) (Данные Фактов): политик ссылается на данные опроса Университета Мичигана (5), которые показывали *very different view* и *much more optimistic* (6–8) настроения. В качестве доказательств успеха перечисляются конкретные достижения: рост экономики (9–10), масштабная вакцинация (13–14), открытие бизнесов и возвращение к работе (15–16).

Основание (W₁) (Каузальное Основание): конкретные и измеримые успехи в ключевых сферах (экономика, здравоохранение, занятость) закономерно приводят к улучшению жизни граждан и, как следствие, к росту их оптимизма и поддержки власти.

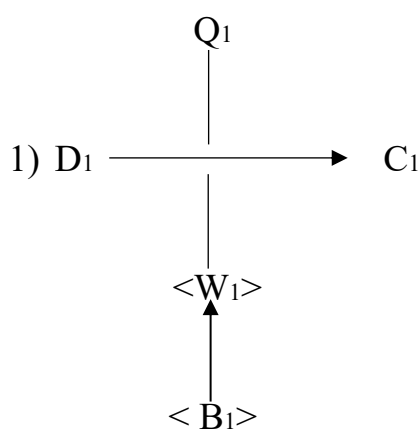
Свидетельства (V₁): имплицитно опирается на общепринятые экономические и социологические модели, связывающие эффективное управление с общественной поддержкой, а также на принцип здравого смысла: когда дела идут хорошо, люди чувствуют себя увереннее.

Квалификатор (Q₁): конструкция *if you notice* (2) выступает как приглашение аудитории к совместной проверке, смягчая категоричность.оборот *which was about the same time* (4) указывает на корреляцию, а не на строгую синхронность, оставляя пространство для интерпретации.

Оговорка (R₁): имплицитная, но фундаментальная для всего аргумента: этот позитивный конъюнктивный подъём устойчив только при условии отсутствия других, более мощных негативных факторов, способных его перевесить.

Схематизация Аргументативного Шага с ситуативной атрибуцией:

Схема 12. Аргументативный Шаг

Тезис 2 (C₂) (Декларативный Тезис): рост цен на бензин и продукты является прямым и решающим повседневным барометром благополучия, который затмевает предыдущие успехи и определяет текущие настроения.

Данные (D₂) (Данные Фактов) выражены в данном Шаге имплицитно: <цены выросли>.

Основание (W₂) (Основание Каузации): повседневные, повторяющиеся расходы на базовые *necessities* (еда, бензин) оказывают наиболее непосредственное, эмоционально заряженное и поэтому доминирующее влияние на восприятие личного и общественного экономического положения. Их рост создаёт ощущение кризиса, перекрывая позитивные эффекты от иных достижений.

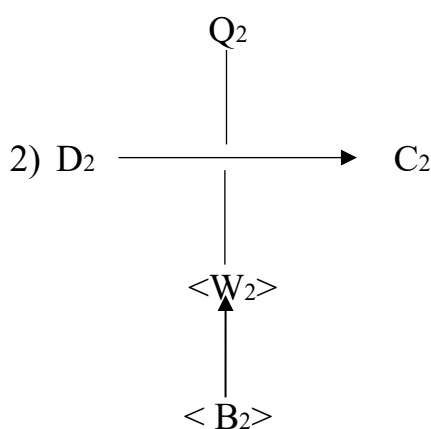
Свидетельство (B₂): апелляция не к статистике, а к высшему авторитету народной мудрости и личного опыта *the way I was raised*. Это знание из сферы повседневной реальности, противопоставленное отвлечённым данным.

Квалификатор (Q₂): выражение *in my experience* (18) указывает на субъективность источника, но одновременно придаёт ему вес аутентичности и личной убеждённости. Усиление *I mean literally at the pump* (26) подчёркивает конкретность и материальность данного фактора.

Оговорка (R₂) (Имплицитная): этот барометр становится абсолютно доминирующим именно в условиях шока, резкого роста цен. В периоды стабильности его относительный вес может быть иным.

Схематизация Аргументативного Шага с ситуативной атрибуцией:

Схема 13. Аргументативный Шаг

Инструмент ситуативной атрибуции является центральным для всего аргумента, выполняя ключевую (оправдательную) функцию. Во-первых, изменение общественных настроений (с оптимизма на пессимизм) прямо и исключительно приписывается внешней ситуативной переменной – росту цен на бензин (3–6). Это классическая ситуативная атрибуция: смена отношения объясняется изменением обстоятельств, а не внутренними качествами сторон. Во-вторых, предшествующий успех и оптимизм также объясняются ситуативно – как результат конкретных действий администрации (9–16).

Контрастное противопоставление, оформленное связкой *But then* (17), визуализирует смену одной ситуации (успеха) на другую (ценового шока), укрепляя эту логику.

Макротезис данного высказывания можно сформулировать следующим образом: <общественное восприятие и политическая поддержка определяются не долгосрочными достижениями или абстрактными макроэкономическими

показателями, а непосредственным, ежедневным экономическим опытом граждан, фокусирующимся на затратах на товары первой необходимости. Когда эти затраты резко растут, они становятся подавляющим психологическим фактором, способным полностью затмить в общественном сознании даже самые значительные успехи власти в иных областях. Следовательно, подлинным и непосредственным барометром благополучия и, как следствие, рейтингов власти является ситуативная реальность заправки и продуктового магазина>.

Весь Макротезис, построенный на логике ситуативной атрибуции, служит одной цели – активно предотвратить негативную диспозиционную атрибуцию в адрес политика и его администрации. Без этого объяснения падение общественного оптимизма могло бы быть интерпретировано через диспозиционную призму: администрация является по своей сути некомпетентной, её политика порочна, а её успехи были иллюзорны. Ситуативный Макротезис (виноваты внешние цены) служит риторическим щитом, переводя потенциальную критику сущности власти во временную критику неблагоприятных обстоятельств. Парадоксальным образом, для обоснования этой ситуативной логики политик прибегает к ограниченной, но мощной диспозиционной самоатрибуции. Заявление *in my experience, the way I was raised* (18–19) приписывает ему самому устойчивую, сущностную черту – глубинное понимание повседневных забот простых людей. Таким образом, Макротезис использует ситуативную атрибуцию как щит от диспозиционных обвинений, одновременно задействуя точечную диспозиционную самоатрибуцию как инструмент убедительности.

Проведённый анализ аргументативной структуры в высказывании Дж. Байдена напрямую соотносится с теоретическими положениями. Во-первых, выявленный инструмент контрастного противопоставления и приписывания изменения общественных настроений внешнему ситуативному фактору (росту цен на бензин) представляет собой практическую реализацию стратегии снятия ответственности. Как было показано в теоретической части, данная стратегия предполагает апелляцию к внешним, неподконтрольным обстоятельствам как способ снятия вины с политического актора [Weaver 1986; Hood

2011]. В данном случае падение общественного оптимизма, которое могло бы быть интерпретировано как следствие некомпетентности администрации (диспозиционная атрибуция, работающая на стратегию дискредитации оппонента, если бы её использовал противник), объясняется исключительно ценовым шоком – внешним фактором. Одновременно данный фрагмент реализует стратегию фрейминга [Entman 1993; 2004]: политик задаёт интерпретативную рамку, в которой подлинным барометром благополучия объявляется не статистика и не институциональные достижения, а «кухонный опыт» – стоимость бензина и продуктов. Эта рамка, апеллирующая к *the way I was raised*, одновременно служит стратегии присвоения успеха (политик приписывает себе диспозицию «понимающего простых людей»). Во-вторых, функционирование ситуативной атрибуции на уровне аргументативного Основания (W₂) подтверждает то, что атрибуционные конструкторы выполняют фундаментальную аргументативную функцию, выступая логическим звеном, связывающим фактические Данные с Тезисом и придающим аргументу убедительность.

В следующем анализируемом высказывании из политического интервью Б. Обамы представлен сложный двухуровневый аргумент, связывающий историческую причину с текущей стратегической дилеммой.

(1) You know, (2) the reason we're in this situation is (3) because Assad brutalized his people and (4) specifically brutalized the Sunni population (5) that is the majority in Syria. (6) It's going to be hard for us to attract Sunnis to fight against ISIL in this area (7) if they think (8) that we're doing it on behalf of Assad.

Общий Тезис (C₀): ИмPLICITным Тезисом всего высказывания является констатация сложной, проблемной ситуации, в которой находятся *we*, Америка, (2): *the reason we're in this situation*.

Тезис (C₁): Более конкретное и эксплицитное утверждение содержится в предложениях (6–8): *It's going to be hard for us to attract Sunnis to fight against ISIL in this area if they think that we're doing it on behalf of Assad* (Нам будет

трудно привлечь суннитов к борьбе с ИГИЛ в этом регионе, если они подумают, что мы делаем это от имени Асада). Это утверждение сочетает прогноз трудности с условным каузальным объяснением.

Данные (D₁): В качестве первичного фактического основания для объяснения текущей ситуации приводится историческое действие: *Assad brutalized his people and specifically brutalized the Sunni population that is the majority in Syria* (3–5) (Асад жестоко обращался со своим народом и, в частности, с суннитским населением, составляющим большинство в Сирии). Это преподносится как исходная, объективная причина.

Основание (W): Аргумент опирается на два взаимосвязанных имплицитных основания:

(W₁) – Историко-политическое основание: <Действия режима в прошлом (жестокость по отношению к суннитам) создали устойчивую ситуацию глубокого недоверия и вражды между суннитским населением и режимом Асада>.

(W₂) – Перцептивно-ситуативное основание (Ключевое для атрибуции): Будущее поведение суннитов (их готовность или неготовность сотрудничать с «нами») будет определяться не их внутренней сущностью или отношением к ИГИЛ, а их ситуативной интерпретацией наших текущих действий. Если они воспримут эти действия как ситуативно связанные (даже косвенно) с интересами Асада, это вызовет негативную поведенческую реакцию.

Конструкт ситуативной атрибуции активируется и является центральным во второй части аргумента, а именно в обосновании прагматического прогноза (6–8), которое, в свою очередь, вытекает из имплицитного перцептивно-ситуативного основания. Политик объясняет предполагаемую трудность вербовки суннитов не их внутренними качествами (например, «они не хотят бороться с терроризмом» или «они симпатизируют ИГИЛ»), а исключительно внешним ситуативным фактором – именно тем, как будет воспринят контекст и мотивация действий «нас» *if they think that we're doing it on behalf of Assad* в (7–8).

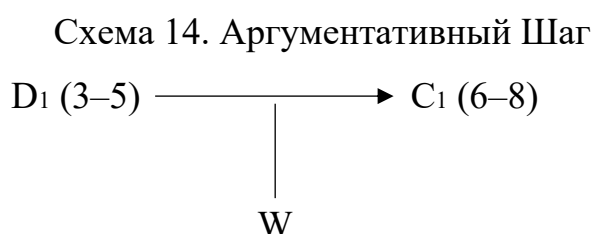
Таким образом, прогнозируемое поведение суннитов атрибутируется ситуации восприятия альянса, а не их диспозициям. «Мы» оказываемся в сложном положении (общий Тезис) из-за необходимости действовать в контексте, сформированном чужими прошлыми действиями (исторические данные), где наши собственные действия рискуют быть ситуативно истолкованными определенным образом, что и породит проблему.

Атрибуция срабатывает в логическом звене, связывающем возможное будущее восприятие (ситуативную переменную) с прогнозируемым поведенческим исходом.

В данном аргументе оговорка (R), ограничивающая степень общности или категоричности прагматического Тезиса, отсутствует. Однако утверждение о трудности *It's going to be hard* (6) само по себе содержит встроенную оценку степени сложности, но не степени уверенности в том, что эта трудность возникнет. Условие выражено через *if* (7), но это стандартный логический оператор для условных прогнозов, а не оговорка.

Квалификатор уверенности (Q) в явном виде также не представлен. Уверенность продуцента в истинности каузальных связей (как исторических, так и прогностических) передаётся через категоричные утвердительные конструкции *the reason... is because* (2); *It's going to be* (6). Начальный дискурсивный маркер *You know* (1) служит для установления контакта с аудиторией и презумпции общего знания, а не для выражения сомнения.

Схематизация аргументативных шагов с ситуативной атрибуцией:

Анализ выявил, что инструмент ситуативной атрибуции играет в аргументе критически важную прогностическую и объяснительную роль. Он локализуется в основании прагматического Тезиса, связывая ожидаемое поведение

одной группы (суннитов) не с её внутренними установками, а с внешней ситуативной переменной – именно с тем, как будет воспринят контекст действий другой стороны «нас». Это позволяет политику представить стратегическую трудность как объективную, вытекающую из сложившейся системы восприятий, а не как следствие чьей-либо плохой воли или несовершенства плана. Аргумент демонстрирует классическую для сферы международных отношений логику, где успех действия зависит от его ситуативной интерпретации ключевыми акторами. Отсутствие Оговорок усиливает впечатление объективности и неизбежности описанной каузальной цепи.

Проведённый анализ аргументативной структуры в высказывании Б. Обамы напрямую соотносится с теоретическими положениями. Во-первых, выявленный инструмент ситуативной атрибуции – объяснение прогнозируемого поведения суннитов не их внутренними качествами, а тем, как они воспримут контекст действий «нас» *if they think that we're doing it on behalf of Assad* – представляет собой практическую реализацию стратегии снятия ответственности. В данном случае потенциальная трудность в привлечении суннитов объясняется не недостатками плана или некомпетентностью, а объективным контекстом, сформированным историческими действиями третьей стороны (Асада). Одновременно данный фрагмент реализует стратегию фрейминга [Entman 1993; 2004]: политик задаёт интерпретативную рамку, в которой сложность текущей стратегической позиции коренится в исторических действиях Асада, а будущее затруднение – в ситуативном восприятии суннитами наших действий как совершаемых в интересах Асада. Эта рамка снимает с говорящего ответственность за возможный провал, перекладывая её на исторического актора и на контекст. Во-вторых, функционирование ситуативной атрибуции на уровне аргументативного Основания (W_2) подтверждает ключевую идею о том, что атрибуционные конструкты выполняют фундаментальную аргументативную функцию, выступая логическим звеном, связывающим фактические Данные с Тезисом и придающим аргументу убедительность.

Проведённый аргументативный анализ показал, что ситуативная атрибуция в политическом интервью локализуется на уровне Основания (W), где внешние обстоятельства занимают позицию каузального субъекта, что подтверждается в теоретической части об атрибуции как логическом звене между Данными и Тезисом. Выявленные инструменты обслуживают все четыре макростратегии: снятие ответственности (Д. Трамп, Дж. Байден, Б. Обама), дискредитацию оппонента через отрицание ситуативных объяснений (Дж. Буш (мл.)), присвоение успеха в ситуативной модификации (Д. Трамп, Дж. Байден) и фрейминг (все фрагменты). Функционирование ситуативной атрибуции трансформирует тактические высказывания в макротезисы, конструирующие политическую реальность через апелляцию к объективным, неподконтрольным говорящему обстоятельствам [Edelman 2001]. Полученные результаты создают основу для последующего лексико-семантического, грамматического и интерактивного анализа ситуативной атрибуции.

2.2.2. Лексико-семантический ракурс анализа

Аргументативный анализ политического дискурса требует учёта процессов атрибуции, поскольку именно атрибуционные конструкты выступают в роли логических Оснований, связывающих фактические Данные с выдвигаемым Тезисом. В настоящем подразделе внимание сосредоточено на лексико-семантическом уровне реализации ситуативной атрибуции, который, согласно комплексной лингвистической модели, обеспечивает первичное кодирование каузальных отношений и распределение агентности.

В соответствии с теоретическими положениями, ситуативная атрибуция в политическом дискурсе обслуживает две ключевые макростратегии:

а) стратегию снятия ответственности (объяснение негативных или позитивных результатов внешними, неподконтрольными субъекту обстоятельствами);

б) стратегию фрейминга (задание интерпретативной рамки, в которой события предстают как результат объективных процессов, а не личных решений).

Лексико-семантический анализ позволяет объективировать имплицитные атрибуционные стратегии, выявляя, как через выбор конкретных лексем и их семантических полей конструируются версии ответственности и вины. Следуя принципам функциональной семантики, лексический выбор трактуется не как нейтральный номинативный акт, а как стратегическое действие, конституирующее определённую модель действительности, где причины событий локализуются во внешних обстоятельствах [Арутюнова 1999; Halliday, Matthiessen 2014].

Проведённый анализ корпуса интервью американских президентов позволяет выделить ключевые лексико-семантические инструменты, обслуживающие реализацию ситуативной атрибуции в рамках стратегий снятия ответственности и фрейминга.

1. Лексико-семантические инструменты стратегии снятия ответственности. Стратегия снятия ответственности, реализуемая через ситуативную атрибуцию, на лексико-семантическом уровне характеризуется использованием нейтральной и процессуальной лексики для объективации проблемного поля, драматизацией внешнего контекста через негативно маркированные оценки, а также переносом агентности на других акторов или абстрактные силы.

В реплике-реакции Д. Трампа наблюдается использование лексико-семантических маркеров ситуативной детерминации:

At some point, I'm going to lower them because otherwise, you could never do business with them. And they want to do business very much. Look, their economy is really doing badly. Their economy is collapsing.

Ключевая номинация *business* несёт семантику прагматизма, взаимной выгоды, задавая нормативный идеал, от которого текущая ситуация отклоняется. Негативная лексика направлена вовне: градация от *doing badly* к

collapsing создаёт образ катастрофического краха, который становится главным аргументом для действия. Конструкция с модальным глаголом *could never* семантически кодирует абсолютную ситуативную невозможность, представляя текущее состояние дел как внешний, объективный барьер. Положительная оценка намерений приписывается другой стороне *they want to do business very much*, что усиливает логику ситуативной атрибуции: инициатива исходит от оппонента, чьи действия вызваны внутренним кризисом.

В отличие от Д. Трампа, Дж. Буш (мл.) в анализируемом интервью использует лексико-семантические средства для атрибуции позитивных изменений действиям внешних акторов:

Well, I was going to say and now the challenge, and the American people, you know, are watching very carefully, as to whether or not a unity government wouldn't be formed, the government that is able to govern under this constitution which guarantees and protects minority rights. The other thing is, you know, our troop levels are going down from about 168,000 to less than 138,000, and part of that is because our commanders on the government are confident – confident the Iraqis are going to be able to take more and more of the fight.

Нейтральные номинации *a unity government, this constitution* формируют основу для деперсонализированного описания ситуации. Процессуальная номинация *our troop levels are going down* с количественной конкретизацией создаёт эффект самостоятельного, текущего процесса, а не единовременного приказа. Ключевой инструмент ситуативной атрибуции заключён в конструкции *because our commanders on the ground are confident*: номинация *commanders on the ground* обладает максимальным ситуативным авторитетом, а повтор *confident* приписывает уверенность экспертам на месте, чья оценка основана на непосредственном знании обстановки. Итоговое смещение агентности выражено в номинации *the Iraqis are going to be able to*, где инициатива и ответственность передаются иракской стороне, а их растущая способность *more and more* представлена как органичный, постепенный процесс, не зависящий от воли говорящего.

2. Лексико-семантические инструменты стратегии фрейминга. Стратегия фрейминга, реализуемая через ситуативную атрибуцию, на лексико-семантическом уровне характеризуется использованием лексики, задающей интерпретативную рамку, в которой события предстают как объективная неизбежность, а не результат чьих-либо решений.

В интервью Дж. Байдена данный инструмент проявляется через создание контрастных фреймов «хаоса» и «ироничной неизбежности»:

Oh, I fear what would happen next is you'd see chaos in Europe. You would see the possibility they continue to move. You already saw what they're doing in Belarus. What would happen in the surrounding countries. Watch what would happen in Poland, and, and the Czech Republic and all the members of NATO. For example, you know, the reason Putin said he was going to go in was because he didn't want them to join NATO. And, uh, he, he, he, he wanted the sort of the Finland-ization of NATO. He got the NATO-ization of Finland, instead.

Отрицательная номинация *chaos in Europe* с семантикой полного краха порядка сопровождается глаголами восприятия *you'd see*, *Watch what would happen*, заставляющими слушателя стать свидетелем гипотетического будущего. Лексика движения и экспансии *they continue to move* с обезличенным местоимением *they* усиливает восприятие угрозы как безличной, расширяющейся силы. Кульминацией фрейминга является каламбурное сопоставление *Finland-ization of NATO* (желаемый оппонентом результат) и *NATO-ization of Finland* (реальный исход). Глагол *got* (получил) семантически указывает на результат, который случился как последствие действий оппонента; агент, который «нато-изировал» Финляндию, не называется – это сама ситуация. Успех (расширение НАТО) приписывается не личным качествам говорящего, а неудавшейся стратегии оппонента, вызвавшей прямо противоположную реакцию.

В интервью Б. Обамы стратегия фрейминга через ситуативную атрибуцию реализуется посредством перечисления объективных ограничений, делающих прежний курс несостоятельным:

Well, they're absolutely right about that. But you also cannot, over the long term or even the medium term, deal with this problem by having the United States serially occupy various countries all around the Middle East. We don't have the resources. It puts enormous strains on our military. And at some point, we leave. And then things blow up again.

Нейтральная номинация *this problem* позволяет сохранять фокус на методе решения, а временные маркеры *over the long term or even the medium term* переводят обсуждение в стратегическую плоскость. Ключевая негативная номинация *serially* оссипу с наречием *serially* придаёт действию характер бесконечного, механистического цикла, а глагол оссипу в пост-иракском контексте несёт крайне негативную коннотацию. Выражение *We don't have the resources* представляет ограниченность как объективный, непреложный факт. Номинация *enormous strains on our military* описывает последствие как разрушительное давление на институт. Фразовый глагол *blow up again* с наречием *again* указывает на цикличность и закономерность катастрофического исхода, превращая его из случайности в ситуативную неизбежность.

Проведённый лексико-семантический анализ, дополняющий аргументативный анализ, демонстрирует, что инструменты ситуативной атрибуции представляют собой не просто набор риторических приёмов, но системный дискурсивный режим, позволяющий политическим акторам реализовывать две ключевые макростратегии:

а) снятие ответственности (через использование нейтральной и процессуальной лексики для объективации проблемного поля, драматизацию внешнего контекста через негативно маркированные оценки, перенос агентности на других акторов или абстрактные силы);

б) фрейминг (через задание интерпретативной рамки, в которой события предстают как объективная неизбежность, создание контрастных фреймов «хаоса» и «ироничной неизбежности», перечисление объективных ограничений как непреложных фактов).

Выявленные лексико-семантические паттерны позволяют политическим акторам:

а) конструировать связные и убедительные нарративы о политической реальности, в которых причины событий локализуются во внешних, неподконтрольных говорящему обстоятельствах;

б) управлять восприятием причинно-следственных связей в общественных процессах, закрепляя в сознании аудитории представление о том, что ключевые политические события являются следствием объективных процессов, а не личных решений;

в) легитимировать собственные позиции через их представление как вынужденной реакции на внешние вызовы, а позиции оппонентов – делегитимировать через приписывание им интенциональной агентности в создании кризиса;

г) структурировать политическое пространство через создание дихотомических оппозиций «вынужденная реакция – агрессивное действие», «объективные ограничения – субъективные амбиции».

2.2.3. Грамматический ракурс анализа

В настоящем подразделе внимание сосредоточено на грамматическом уровне реализации ситуативной атрибуции, который, согласно комплексной лингвистической модели, обеспечивает кодирование агентности и каузальных отношений через синтаксические структуры.

В соответствии с теоретическими положениями, ситуативная атрибуция в политическом дискурсе обслуживает две ключевые макростратегии:

а) стратегию снятия ответственности (объяснение результатов внешними обстоятельствами через грамматическое устранение или ослабление агента);

б) стратегию фрейминга (задание интерпретативной рамки через синтаксическое структурирование причинно-следственных связей).

Грамматический анализ позволяет выявить, как через синтаксические конструкции – пассивный залог, номинализацию, безличные предложения, условные и причинно-следственные конструкции – осуществляется распределение ролей между субъектом действия, обстоятельствами и объектом. Пассивизация позволяет опустить агента, сделав его факультативным или полностью устранив его из фокуса сообщения; номинализация устраняет временной параметр процесса, его модальность и его участников; безличные и неопределённо-личные конструкции снимают фокус с конкретного агента [Halliday, Matthiessen 2014].

Проведённый анализ корпуса интервью американских президентов позволяет выделить ключевые грамматические инструменты, обслуживающие реализацию ситуативной атрибуции в рамках стратегий снятия ответственности и фрейминга.

1. Грамматические инструменты стратегии снятия ответственности. Стратегия снятия ответственности, реализуемая через ситуативную атрибуцию, на грамматическом уровне характеризуется использованием конструкций, которые либо устраняют агента из синтаксической позиции подлежащего, либо представляют его действие как вынужденную реакцию на внешние обстоятельства.

В интервью Д. Трампа стратегия снятия ответственности реализуется через конструкции, где собственные действия представлены как вынужденная реакция, а действия оппонента – как хаотичные и лишённые контроля:

Well, it depends on whether or not Russia is behaving toward coming to a peace. We want a peace deal. We want Russia and Ukraine to agree to a deal. We think we're fairly close, and we're going to save a lot of people from being killed. Going to save a lot of money, too. Because we're spending money like – you know, Europe is spending a third of the money that we're spending. And it's more important for Europe than it is for us. Biden had no control. He just sent money over there willy-nilly, nobody had any idea what was happening, why they were doing it, why they were sending it. And it was massive amounts of money.

Конструкция с формальным подлежащим *it depends on* создаёт рамку обусловленности: агентность и ответственность за возможные будущие решения грамматически возлагаются не на говорящего, а на внешний фактор – поведение России. В предложении *We want Russia and Ukraine to agree to a deal* говорящий выступает как субъект желания *want*, но ключевое действие – достижение согласия – грамматически делегировано другим сторонам *Russia and Ukraine to agree*. Это синтаксическое разделение позволяет присвоить себе агентность в благих намерениях, но переложить практическую ответственность за реализацию на внешних акторов. Параллельные конструкции *we're spending* и *Europe is spending* создают грамматический контраст, который подаётся как объективный, арифметический факт, вынуждающий к пересмотру курса. Безличное предложение *it's more important for Europe* обобщает эту мысль, представляя её как непреложную истину. Для описания действий оппонента используется активная конструкция с глаголом *sent*, однако наречие *willy-nilly* (бессистемно) и последующее перечисление безличных вопросительных конструкций *nobody had any idea what was happening, why they were doing it, why they were sending it* изображают действие как неупорядоченное, лишённое рационального обоснования и стратегического контроля. Пассивная по смыслу конструкция *from being killed* устраняет указание на конкретного виновника.

В интервью Дж. Буша (мл.) стратегия снятия ответственности реализуется через грамматические структуры, которые представляют кризис как самостоятельную, визуальную данность, а собственные действия – как вынужденную реакцию:

I think – I think that people saw death on the TV screens without a sense that we are making progress. That's why I started giving these speeches. You – you might remember that – obviously you remember Katrina hit.

Повтор вводной конструкции *I think* создаёт эффект затруднённости, поиска формулировок, что семантически ослабляет категоричность последующего утверждения. Агентность восприятия целиком возложена на абстрактное

people, которое выступает как субъект действия *saw*. Объект их восприятия – *death on the TV screens* – представлен как безличный, медийный феномен. Предлог *without* вводит обстоятельство образа действия; отрицательная конструкция *without a sense that we are making progress* грамматически отделяет наблюдаемую *death* от субъекта *we* и его действий. Ключевой грамматический инструмент ситуативной атрибуции заключён в причинно-следственной связке *That's why*: указательное местоимение *That* отсылает ко всей предыдущей ситуации, а союз *why* устанавливает причинно-следственную связь, где причина – внешнее наблюдение, а следствие – личное действие говорящего *I started giving speeches*. Финальная конструкция *Katrina hit* использует имя собственное *Katrina* (ураган) как грамматический субъект и активный агент действия *hit*, что полностью снимает человеческую и институциональную агентность с этапа возникновения катастрофы, являясь примером метонимического переноса, где природная сила замещает ответственных лиц.

В интервью Дж. Байдена стратегия снятия ответственности реализуется через грамматические структуры, где рост цен представлен как самопроизвольный процесс, а собственные действия – как вынужденное избегание большего зла:

And if you notice, you know, uh, gasoline went up a, you know, \$1.25 right off the bat, almost, when, the, Putin's war started. Um, and as I said at the time, by the way, I made it clear with helping Ukraine, and organizing NATO to help Ukraine, that this was going to cost. There was going to be a price to pay for it. It was, this is not going to be cost-free, but we had, the option of doing nothing was worse. If he in fact moved into Ukraine, took hold of Ukraine, and Belarus, where it is, and he's been a threat to NATO, all those things would have even been more dire.

Ключевым грамматическим инструментом является описание события *gasoline went up*: подлежащим выступает не субъект, а объект – *gasoline*, а фразовый глагол *went up* обозначает самопроизвольное, почти автоматическое движение, лишённое явного человеческого агента. Причинная связь устанавливается

ливается в придаточном времени *when Putin's war started*, где агентность полностью приписывается внешнему актору. Содержание коммуникации говорящего выражено через безличные и будущие конструкции: *this was going to cost*, *There was going to be a price*, где подлежащим выступают абстрактные понятия *this* и *a price*, а не конкретные действия администрации. Кульминацией аргумента является контрастное обоснование, построенное на конструкции *but we had, the option of doing nothing was worse*, где намеренное бездействие *the option of doing nothing* грамматически становится подлежащим и оценивается через глагол-связку *was worse*. Финальное условное предложение в сослагательном наклонении *If he moved... would have been more dire* описывает нереализованную, но возможную реальность, где агентность полностью принадлежит оппоненту, а последствия описаны безличным составным сказуемым.

В интервью Б. Обамы стратегия снятия ответственности реализуется через грамматические структуры, где возникновение и рост угрозы атрибутируются историческим событиям, а собственные действия представлены как вынужденная реакция:

Not yet. But they – they can evolve. And I was very specific at that time. What I said was, not every regional terrorist organization is automatically a threat to us that would call for a major offensive. But what is absolutely clear in ISIL, which started as Al Qaeda in Iraq and arose out of the U.S. invasion there and was contained because of the enormous efforts of our troops there then shifted to Syria, has metastasized, has grown. And now we're going to have to deal with...

Модальный глагол *can evolve* указывает на потенциальную, но не гарантированную возможность, что снимает с говорящего обвинение в неспособности предсказать будущее. В сложном предложении, описывающем феномен ИГИЛ, используется цепочка определительных придаточных: *which started as Al Qaeda in Iraq* (пассивная по смыслу конструкция), *and arose out of the U.S. invasion there* (глагол *arose out of* имеет семантику самопроизвольного появления из некоей среды или причины), *and was contained because of the enormous efforts of our troops* (пассивный залог *was contained* переносит агентность

успешного сдерживания на войска, устраняя политическое руководство из фокуса), *then shifted to Syria* (действие *shifted* представлено как самостоятельное, почти механическое движение). Завершает реплику конструкция вынужденной необходимости *we're going to have to deal with*, где *be going to have to* выражает почти неизбежность объективно обусловленного будущего действия.

2. Грамматические инструменты стратегии фрейминга. Стратегия фрейминга, реализуемая через ситуативную атрибуцию, на грамматическом уровне характеризуется использованием синтаксических структур, которые задают интерпретативную рамку, где события предстают как объективная неизбежность, а не результат чьих-либо решений.

Во всех рассмотренных фрагментах стратегия фрейминга реализуется через: а) конструкции с формальным подлежащим *it depends on, it's more important, it was massive amounts of money*, которые представляют оценку ситуации как объективную данность; б) причинно-следственные связи *That's why, because*, которые грамматически закрепляют представление о том, что действие является вынужденной реакцией на внешние обстоятельства; в) условные конструкции и сослагательное наклонение *If he moved... would have been more dire*, которые создают контрастный фрейм «меньшего зла»; г) пассивный залог и номинализации *was contained, arose out of*, которые устраняют агента из синтаксической позиции подлежащего, представляя процессы как самопроизвольные.

Проведённый грамматический анализ, дополняющий аргументативный и лексико-семантический анализы, демонстрирует, что грамматические инструменты ситуативной атрибуции представляют собой систему синтаксических структур, закрепляющих за внешними обстоятельствами статус каузального субъекта.

Выявленные грамматические паттерны позволяют политическим акторам:

а) устранять агента из синтаксической позиции подлежащего через пассивные и безличные конструкции, представляя события как самопроизвольные процессы;

б) представлять собственные действия как вынужденную реакцию на внешние обстоятельства через причинно-следственные связки *That's why* и конструкции вынужденной необходимости *have to, be going to have to*;

в) приписывать оппоненту либо полное отсутствие контроля *had no control*, либо хаотичную, деструктивную агентность *sent willy-nilly*;

г) создавать контрастные фреймы через условные конструкции и сослагательное наклонение, представляя свой выбор как «меньшее зло»;

д) использовать номинализации и конструкции с формальным подлежащим для представления оценок как объективных, непреложных фактов.

Полученные результаты на грамматическом уровне, в совокупности с аргументативным и лексико-семантическим анализом, создают основу для последующего интерактивного анализа ситуативной атрибуции в политическом интервью, что соответствует трехуровневой структуре комплексной лингвистической модели.

2.2.4. Интерактивный ракурс анализа

В настоящем подразделе внимание сосредоточено на интерактивном аспекте – анализу того, как эти средства используются в условиях диалогического взаимодействия, где политик вынужден отстаивать свои каузальные нарративы в ответ на атрибуционное давление журналиста.

1. Категория и Апология.

В контексте ситуативной атрибуции Категория (обвинение) реализует попытку навязать политику диспозиционную атрибуцию негативных событий, тогда как Апология (защита) реализует стратегию снятия ответственности через ситуативную атрибуцию: политик объясняет события внешними, неподконтрольными ему обстоятельствами.

2. Тактики журналиста: атрибуционное давление как инструмент навязывания ответственности:

а) Атрибуционное преследование (Д. Трамп):

Kristen Welker: What's the red line for you? At what point do you say, «That's it, we're walking away?»

President Donald Trump: Well, you'll know. I mean, there will be a time when I may say that. And if I do...

Журналист пытается навязать политику ответственность, привязав будущее решение к публично объявленным критериям. Политик уходит от прямого ответа, переопределяя саму логику обсуждения: фраза *Well, you'll know* переносит момент определения «красной линии» в плоскость последующего наблюдения, а конструкция *there will be a time when I may say that* связывает решение не с внешним событием, а с личным речевым актом. Данная Апология реализует тактику ответ-мост и тактику управления темпоральностью;

б) Контр-атрибуция через цитирование (Дж. Буш мл.):

Schieffer: But as some would say, that you put sanctions on Iran, it will drive the price of oil sky high and that will hurt everybody's economy.

President Bush: Well, that's certainly one of the considerations that – that we will take into account as we work with the Perm Five, other members of the Perm Five on the United Nations Security Council.

Журналист использует данную стратегию «некоторые говорят», чтобы дистанцироваться от прямой атаки, однако формулирует ясную причинно-следственную цепь. Политик не оспаривает риск напрямую, а переводит обсуждение в плоскость управления рисками *that's certainly one of the considerations*, после чего привязывает процесс принятия решений к коллективной институциональной деятельности в рамках ООН. Данная Апология реализует тактику перенаправления вины;

в) Стратегическое использование гипотетических сценариев
(Дж. Байден):

Lester Holt: Another question, if I can, about Saturday. Of course, the former president was wounded. One of his supporters died. A couple more people were seriously injured. Was this a massive security failure?

President Joe Biden: I have had two meetings in the Situation Room with all the intelligence communities, the FBI, Secret Service Center. And I've asked for a totally independent analysis. And we'll see what happens when that comes back.

Журналист предваряет вопрос перечислением трагических фактов, создавая нарратив причинности, подводящий к выводу о системном провале. Политик уходит от немедленной категоризации, демонстрируя надлежащую протокольную реакцию (совещания) и перенося оценку в будущее через апелляцию к независимому анализу. Данная Апология реализует тактику управления темпоральностью и тактику перенаправления вины.

3. Тактики политика: реализация стратегий снятия ответственности и фрейминга.

а) Ответ-мост (Д. Трамп, Б. Обама). В интервью Д. Трампа ответ-мост реализуется через отказ от предложенной журналистом логики «красной линии» и переход к переопределению самой парадигмы обсуждения. В интервью Б. Обамы ответ-мост проявляется в переходе от конкретных обвинений в невыполнении обещаний к более широкой рамке политической динамики.

б) Перенаправление вины (Дж. Буш (мл.), Дж. Байден, Б. Обама). В интервью Дж. Буша (мл.) – через апелляцию к коллективному институциональному процессу в рамках ООН. В интервью Дж. Байдена – через апелляцию к будущему независимому анализу. В интервью Б. Обамы – через апелляцию к коллективным процессам (выборы, голоса) и внешнему экспертному консенсусу.

в) Управление темпоральностью (Д. Трамп, Дж. Байден). В интервью Д. Трампа – через отсылку к неопределённому будущему *there will be a time*. В интервью Дж. Байдена – через перенос оценки в будущее *we'll see what happens when that comes back*.

4. Конструкты мета-атрибуции.

В отличие от диспозиционной атрибуции, где конструкты мета-атрибуции представлены ярко и развёрнуто (превентивное конструирование обвинений у Дж. Байдена, рефрейминг мотивации у Д. Трампа), в ситуативной атрибуции эти конструкты носят более имплицитный характер. Это объясняется самой природой данной атрибуции: она направлена вовне, на объективные обстоятельства, а не на диспозиции участников диалога. Мета-атрибуция требует рефлексии о мотивах и компетенции собеседника, что ближе к диспозиционной логике. Тем не менее, у Б. Обамы и (в меньшей степени) у Д. Трампа и Дж. Байдена выявлены элементы этих конструктов, что свидетельствует о гибридном характере атрибуционных стратегий в реальном политическом дискурсе.

В интервью Б. Обамы элемент мета-атрибуции присутствует имплицитно: апелляция к «экспертному консенсусу» *the punditry overwhelmingly felt that this was going to...* косвенно приписывает журналисту следование упрощённой, не учитывающей сложности политического процесса точке зрения. В интервью Д. Трампа элемент превентивного конструирования каузальности проявляется в самостоятельном отказе от предложенной журналистом логики «красной линии» и навязывании альтернативной версии.

Проведённый анализ демонстрирует, что интерактивные инструменты ситуативной атрибуции позволяют политическим акторам реализовывать макростратегии снятия ответственности и фрейминга в условиях диалогического давления. Д. Трамп использовал тактику ответ-мост и управления темпоральностью, отказываясь от предложенной логики «красной линии». Дж. Буш (мл.) использовал тактику перенаправления вины через апелляцию к коллективному процессу в ООН. Дж. Байден использовал тактику управления темпоральностью и перенаправления вины, перенося оценку в будущее. Б. Обама использовал тактику перенаправления вины и ответ-мост, апеллируя к коллективным процессам и экспертному консенсусу.

2.3. Количественные результаты анализа

Проведённое диссертационное исследование, выполненное в русле интегративного подхода, позволило сформулировать ряд обобщающих выводов. Исследование подтвердило, что атрибуция в политическом дискурсе представляет собой системный дискурсивный конструкт. Внутри сквозной аргументативной рамки (атрибуция как содержательное наполнение Основания), заданной в Главе первой, атрибуционные конструкты интегрированы в лексико-семантические, грамматические и интерактивные структуры. Количественные результаты, представленные ниже, отражают действие этой рамки на эмпирическом материале.

1. Общее распределение атрибуционных стратегий в корпусе.

На основе анализа 420 атрибуционных фрагментов в интервью четырёх президентов США (Д. Трамп, Дж. Буш (мл.), Дж. Байден, Б. Обама) установлено следующее распределение стратегий:

Таблица 1. Распределение атрибуционных стратегий в корпусе

Стратегия	Тип атрибуции	Количество фрагментов	Доля от общего числа
Дискредитация оппонента	Диспозиционная	176	42%
Снятие ответственности	Ситуативная	130	31%
Присвоение успеха	Диспозиционная	76	18%
Фрейминг	Смешанная / ситуативная	38	9%
Итого		420	100%

Таблица 1 отражает распределение четырёх основных атрибуционных стратегий в общем корпусе (420 фрагментов). Наиболее частотной стратегией является дискредитация оппонента (42% всех фрагментов), что подтверждает агональный характер политического интервью: борьба за каузальность ведётся

прежде всего через приписывание оппоненту негативных диспозиций (некомпетентности, злого умысла, безответственности). Снятие ответственности (31%) также занимает значительное место, демонстрируя, что политики активно используют ситуативную атрибуцию для экстернализации причин неудач. Присвоение успеха (18%) встречается реже, что объясняется природой жанра: интервью чаще содержит критические вопросы, провоцирующие защитные стратегии, нежели самопрезентацию. Фрейминг (9%) представлен наименьшей долей, что, вероятно, связано с его мета-стратегическим характером: он редко выступает в чистом виде, чаще интегрируясь в другие стратегии. В целом соотношение диспозиционной (60%) и ситуативной (40%) атрибуции указывает на преобладание в анализируемом корпусе личностно-ориентированных объяснений, что соответствует индивидуалистической политической культуре США.

Соотношение типов атрибуции в общем корпусе:

а) диспозиционная атрибуция (дискредитация + присвоение успеха): 60% (252 фрагмента);

б) ситуативная атрибуция (снятие ответственности + фрейминг): 40% (168 фрагментов).

2. Распределение атрибуционных тактик по президентам.

На основе анализа речевого поведения каждого президента установлено следующее распределение предпочтительных тактик:

Таблица 2. Распределение предпочтительных атрибуционных тактик по президентам (%)

Президент	Перенаправление вины	Ответ-мост	Управление темпоральностью	Мета-атрибуция
Д. Трамп	48%	18%	12%	22%
Дж. Буш (мл.)	28%	22%	30%	20%
Дж. Байден	18%	35%	32%	15%
Б. Обама	32%	38%	18%	12%

Таблица 2 демонстрирует распределение предпочтительных атрибуционных тактик среди четырёх президентов. Наиболее яркие различия наблюдаются в использовании перенаправления вины: у Д. Трампа этот показатель достигает 48%, что коррелирует с его стратегией систематической дискредитации оппонентов через активные конструкции с агентом-оппонентом в позиции подлежащего. Ответ-мост в качестве доминантной тактики представлен у Б. Обамы (38%) и Дж. Байдена (35%), что отражает их стремление уходить от прямых ответов на неудобные вопросы и переходить к заранее подготовленным нарративам (например, апелляция к опыту или институциональным процессам). Управление темпоральностью наиболее характерно для Дж. Буша (мл.) (30%) и Дж. Байдена (32%), что позволяет им ретроспективно приписывать оппоненту негативные диспозиции и проспективно закреплять за собой позитивные. Наконец, мета-атрибуция (тактики превентивного конструирования каузальности и рефрейминга мотивации интервьюера) наиболее выражена у Д. Трампа (22%) и Дж. Буша (мл.) (20%), что связано с их конфронтационным стилем и стремлением атаковать легитимность источника обвинения.

3. Идеологическая маркированность атрибуционных стратегий.

На основе анализа корпуса установлена корреляция между типом атрибуции и идеологической позицией говорящего:

Таблица 3. Идеологическое распределение атрибуционных типов

Президент	Идеологический дискурс	Преобладающий тип атрибуции	%
Д. Трамп	Правопопулистский / неоконсервативный	Диспозиционная (дискредитация оппонента)	87%
Дж. Буш (мл.)	Неоконсервативный	Диспозиционная + ситуативная	55% / 45%
Дж. Байден	Умеренный / социал-демократический	Ситуативная (снятие ответственности)	64%
Б. Обама	Умеренный / институциональный	Ситуативная (фрейминг) + ответ-мост	58%

Таблица 3 подтверждает гипотезу об идеологической маркированности атрибуционных стратегий. У Д. Трампа (правопопулистский дискурс) диспозиционная атрибуция достигает 87% – это самый высокий показатель в корпусе, что объясняется его риторикой персональной ответственности врагов. Дж. Буш (мл). (неоконсервативный дискурс) демонстрирует сбалансированное распределение (55% диспозиционной, 45% ситуативной), причём диспозиционная атрибуция направлена преимущественно на легитимацию собственных решений через притяжательные конструкции. Напротив, демократы тяготеют к ситуативной атрибуции: Дж. Байден (умеренный / социал-демократический дискурс) использует её в 64% случаев, объясняя экономические и внешнеполитические трудности внешними факторами. Б. Обама (институциональный дискурс) также отдаёт предпочтение ситуативной атрибуции (58%), но в форме фрейминга и ответ-моста, что позволяет ему представлять сложные политические процессы как объективную неизбежность, а себя – как рационального менеджера. Таким образом, правые дискурсы в корпусе склонны к персонализации ответственности, левые – к контекстуализации проблем.

4. Лексико-семантический анализ (ключевые маркеры).

Таблица 4. Частотность ключевых лексико-семантических маркеров

Маркер	Д. Трамп	Дж. Буш (мл.)	Дж. Байден	Б. Обама
Негативная оценочная лексика (<i>bad, worst, disaster</i>)	34	12	8	6
Лексика вынужденности (<i>had to, forced, necessary</i>)	5	8	18	14
Конструкты интенциональной агентности (<i>gave us, allowed, caused</i>)	28	10	6	8
Нейтральная процессуальная лексика (<i>plan, strategy, process</i>)	4	14	10	22

Таблица 4 представляет частотность ключевых лексико-семантических маркеров, выявленных в ходе анализа. Негативная оценочная лексика ожидаемо доминирует у Д. Трампа (34 употребления), что соответствует его стратегии дискредитации оппонента через создание семантического поля катастрофы. Напротив, лексика вынужденности наиболее частотна у Дж. Байдена (18) и Б. Обамы (14), что подтверждает их использование ситуативной атрибуции для снятия ответственности. Конструкты интенциональной агентности являются маркером диспозиционной атрибуции и достигают пика у Д. Трампа (28), тогда как у демократов эти показатели значительно ниже (6–8). Наконец, нейтральная процессуальная лексика наиболее характерна для Б. Обамы (22), что отражает его институциональный стиль и стратегию фрейминга через апелляцию к рациональным процедурам. Таким образом, лексические предпочтения каждого президента прямо коррелируют с его доминирующим типом атрибуции и общей риторической стратегией.

5. Грамматический анализ (соотношение конструкций).

Таблица 5. Соотношение грамматических конструкций по президентам

Президент	Активные конструкции (агент в подлежащем)	Пассивные / безличные конструкции	Номинализации
Д. Трамп	78%	12%	10%
Дж. Буш (мл.)	58%	22%	20%
Дж. Байден	42%	38%	20%
Б. Обама	52%	28%	20%

Таблица 5 показывает соотношение грамматических конструкций в речи каждого президента. Активные конструкции с агентом в позиции подлежащего являются базовым инструментом диспозиционной атрибуции и наиболее частотны у Д. Трампа (78%), что позволяет ему закреплять за оппонентом роль активного источника негативных изменений. У Дж. Байдена активные конструкции составляют лишь 42%, что коррелирует с его предпочтением ситуа-

тивной атрибуции и снятия ответственности. Пассивные и безличные конструкции, напротив, доминируют у Дж. Байдена (38%) и в меньшей степени у Б. Обамы (28%), что позволяет им представлять события как самопроизвольные процессы, устраняя или ослабляя агента. Номинализации распределены относительно равномерно (10–20%), однако у демократов они встречаются чаще, так как позволяют переводить конкретные действия в абстрактные, безличные категории. Полученные данные подтверждают, что выбор грамматической конструкции является не стилистической случайностью, а осознанным риторическим инструментом, обслуживающим ту или иную атрибуционную стратегию.

Проведённый количественный анализ 420 атрибуционных фрагментов, выделенных из интервью четырёх президентов США, позволяет сделать следующие обобщения, согласующиеся с результатами качественного исследования:

1. В общем корпусе доминирует диспозиционная атрибуция (60% против 40% ситуативной), при этом стратегия дискредитации оппонента является наиболее частотной (42%). Это подтверждает агональный характер политического интервью как жанра, где борьба за каузальность ведётся прежде всего через приписывание оппоненту негативных внутренних качеств.

2. Выявлены устойчивые индивидуальные различия между президентами:

а) Д. Трамп – ярко выраженная диспозиционная атрибуция (87% в его речи);

б) Дж. Буш (мл.) – промежуточное положение (55% диспозиционной атрибуции);

в) Дж. Байден – преобладание ситуативной атрибуции (64%);

г) Б. Обама – также тяготение к ситуативной атрибуции (58%).

Эти различия прослеживаются и на уровне тактик (Таблица 2), и на лексико-семантическом и грамматическом уровнях (Таблицы 4, 5).

3. Зафиксирована корреляция между идеологической позицией говорящего и типом атрибуции. Правые (республиканские) дискурсы в анализируемом корпусе склонны к персонализации ответственности, левые (демократические) – к контекстуализации проблем, а неоконсервативный дискурс Дж. Буша (мл.) занимает срединную позицию.

4. Лексико-семантические и грамматические маркеры демонстрируют согласованную вариативность: негативная оценочная лексика и активные конструкции с агентом в позиции подлежащего характерны для Д. Трампа, тогда как лексика вынужденности и пассивные/безличные конструкции – для Дж. Байдена и Б. Обамы.

Таким образом, количественные данные, полученные на материале репрезентативной выборки из 420 атрибуционных фрагментов, не противоречат качественным выводам и позволяют наглядно представить распределение атрибуционных стратегий, тактик и языковых маркеров в дискурсе каждого из четырёх президентов. Представленные таблицы могут служить эмпирической основой для дальнейших сопоставительных исследований.

Выводы по Главе 2

Во второй главе настоящего исследования был проведён комплексный лингвистический анализ диспозиционной и ситуативной атрибуции в политических интервью современных американских президентов (Д. Трампа, Дж. Буша (мл.), Дж. Байдена, Б. Обамы). Анализ осуществлялся в рамках сквозной аргументативной рамки и взаимосвязанных аспектов – лексико-семантического, грамматического и интерактивного, – что позволило выявить системные закономерности функционирования атрибуционных конструкторов в жанре политического интервью.

1. Аргументативный анализ показал, что как диспозиционная, так и ситуативная атрибуция локализуются на уровне аргументативного Основания (W), где происходит когнитивный «скачок» от наблюдения к приписыванию

причин. Диспозиционная атрибуция в рамках стратегий дискредитации оппонента и присвоения успеха закрепляет причинность за внутренними качествами актора (компетентностью, решительностью, злым умыслом). Ситуативная атрибуция в рамках стратегий снятия ответственности и фрейминга выносит причинность за пределы деятеля, апеллируя к внешним обстоятельствам (экономическим кризисам, действиям третьих сторон, историческому наследию). В обоих типах атрибуции аргументативные конструкты трансформируют тактические высказывания в макротезисы, конструирующие политическую реальность.

2. Лексико-семантический аспект выявил специфические лексические паттерны для каждого типа атрибуции. Диспозиционная атрибуция характеризуется нагнетанием негативной оценочной лексики, созданием семантического поля катастрофы и использованием конструктов интенциональной агентности. Ситуативная атрибуция, напротив, опирается на нейтральную и процессуальную лексику для объективации проблемного поля, драматизацию внешнего контекста через негативно маркированные оценки и перенос агентности на абстрактные силы или других акторов.

3. Грамматический аспект продемонстрировал, что диспозиционная атрибуция закрепляется через активные транзитивные конструкции с агентом в позиции подлежащего, притяжательные конструкции и модальные структуры воли и необходимости. Ситуативная атрибуция реализуется через пассивизацию, номинализацию, безличные предложения, конструкции с формальным подлежащим и причинно-следственные связки, которые представляют действия как вынужденную реакцию на внешние обстоятельства.

4. Интерактивный аспект раскрыл динамику атрибуционных стратегий в условиях диалогического давления. Журналист использует тактики атрибуционного преследования, контр-атрибуции через цитирование и стратегического использования гипотетических сценариев для навязывания политику ответственности. Политик, в свою очередь, применяет тактики ответ-мост, пере-

направления вины и управления темпоральностью для реализации макростратегий. Конструкты мета-атрибуции (превентивное конструирование каузальности, рефрейминг мотивации интервьюера) выводят спор о каузальности на рефлексивный уровень, атакуя легитимность источника обвинения.

5. Сравнительный анализ двух типов атрибуции выявил их асимметричное распределение в политическом дискурсе. Диспозиционная атрибуция преимущественно обслуживает стратегии дискредитации оппонента (приписывание ему негативных качеств) и присвоения успеха (закрепление позитивных результатов за собой). Ситуативная атрибуция обслуживает стратегии снятия ответственности (объяснение неудач внешними обстоятельствами) и фрейминга (задание интерпретативной рамки объективной неизбежности). При этом в реальном дискурсе наблюдается гибридизация атрибуционных стратегий, когда политик может одновременно использовать диспозиционную атрибуцию для оппонента и ситуативную – для себя.

6. Индивидуальные особенности президентов проявились в выборе предпочтительных атрибуционных тактик. Д. Трамп активно использует перенаправление вины и рефрейминг мотивации интервьюера. Дж. Буш (мл.) демонстрирует управление темпоральностью и контр-атрибуцию через цитирование. Дж. Байден тяготеет к ответ-мосту и превентивному конструированию каузальности, а также к контрастному противопоставлению фреймов «успеха» и «кризиса». Б. Обама отличается структурированной конвергентной аргументацией, где несколько тезисов сходятся для поддержки единого макротезиса о легитимности и обоснованности политики, а также использованием стратегий распределения агентности между союзниками.

7. Количественный анализ корпуса (420 атрибуционных фрагментов) подтвердил выявленные качественные закономерности. В общем распределении диспозиционная атрибуция составляет 60% (252 фрагмента), ситуативная – 40% (168 фрагментов). Стратегия дискредитации оппонента является наиболее частотной (42%), что свидетельствует об агональной природе жанра. Установлены значимые индивидуальные различия: Д. Трамп демонстрирует 87%

диспозиционной атрибуции, тогда как Дж. Байден – 64% ситуативной, а Б. Обама – 58% ситуативной. Дж. Буш (мл.) занимает промежуточное положение (55% диспозиционной атрибуции). Лексико-семантические и грамматические маркеры обнаруживают устойчивую корреляцию с типом атрибуции и политической позицией говорящего: негативная оценочная лексика и активные конструкции доминируют у Д. Трампа (78% активных конструкций), тогда как лексика вынужденности и пассивные конструкции – у Дж. Байдена (38%) и Б. Обамы (28%); у Дж. Буша (мл.) эти показатели сбалансированы (58% активных, 22% пассивных).

Количественные данные, представленные в таблицах 4 и 5, отражают преимущественно лексико-семантические и грамматические маркеры. Лексико-грамматические маркеры (предикативы вынужденности, конструкции с модальным значением долженствования и др.), выделенные в теоретической модели (параграф 1.4), были проанализированы на качественном уровне в подразделах 2.1.2, 2.2.2 и в аргументативном анализе (2.1.1, 2.2.1), что позволило выявить их роль в реализации атрибуционных стратегий, однако их количественная репрезентация не была предметом отдельного статистического подсчёта в силу их меньшей частотности и контекстуальной обусловленности.

Таким образом, проведённое исследование подтвердило, что атрибуция в политическом интервью представляет собой не спонтанный когнитивный процесс, а системный дискурсивный конструкт.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование, опирающееся на теоретические положения первой главы и эмпирический анализ второй главы, позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих теоретическое и прикладное значение. Эмпирическую базу работы составили стенограммы политических интервью, общим объёмом около 66 000 словоупотреблений. Методом сплошной выборки было выделено и проанализировано 420 атрибуционных конструкторов, что обеспечило репрезентативность материала и достоверность результатов.

В теоретическом плане в первой главе осуществлён переход от психологической трактовки атрибуции к её пониманию как дискурсивной практики и аргументативного ресурса. Установлено, что классическая дихотомия диспозиционной и ситуативной атрибуции трансформируется в политическом дискурсе в систему четырёх макростратегий: присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга. Лингвистический поворот в изучении атрибуции позволил переосмыслить её социальные функции – легитимацию власти, управление кризисным восприятием и конструирование коллективной идентичности – как достигаемые с помощью специфических языковых средств.

Политический дискурс охарактеризован как институциональное поле перманентной борьбы за контроль над каузальными нарративами, функционирующее в условиях высоких ставок, массовой опосредованной коммуникации и идеологической детерминации. Центральной ареной реализации атрибуционных стратегий определён жанр политического интервью, обладающий гибридной природой и сочетающий информационный обмен с конфронтационным противостоянием. Анализ жанровых особенностей выявил асимметрию ролей участников и позволил систематизировать их интерактивные тактики: со стороны журналиста – атрибуционное преследование, контр-атрибуцию через цитирование и стратегическое использование гипотетических сценариев;

со стороны политика – ответ-мост, перенаправление вины и управление темпоральностью атрибуции.

Атрибуция в политической коммуникации охарактеризована как фундаментальный аргументативный феномен. Установлено, что каузальные утверждения выполняют функцию обоснования, обеспечивая содержательное наполнение Основания (Warrant) в структуре аргумента, то есть предоставляя конкретное объяснение для логического перехода от Данных к Тезису. Показано, что аргументативная функция атрибуции реализуется через интеграцию лексико-семантических, грамматических и интерактивных средств, а эффективность политической аргументации напрямую зависит от способности говорящего конструировать убедительные каузальные нарративы.

Разработана комплексная лингвистическая модель анализа атрибуционных конструкторов в политическом интервью. Методологическим каркасом модели выступает аргументативная функция атрибуции, трактуемая в логике модели С. Тулмина: атрибуционные конструкторы обеспечивают содержательное наполнение Основания (Warrant), связывающего Данные с Тезисом. Данная аргументативная рамка операционализируется через три взаимосвязанных аналитических аспекта: лексико-семантический (обеспечивающий идентификацию семантических полей каузации, агентности и оценочных номинаций); грамматический (направленный на анализ пассивизации, номинализации, активных конструкций, притяжательных конструкций, модальных глаголов и других синтаксических средств кодирования агентности); интерактивный (фокусирующийся на анализе диалогического взаимодействия на уровне тактик, реализующих макростратегии в условиях жанра политического интервью). Вершиной модели выступает трёхуровневая иерархия атрибуционных практик: жанрово-коммуникативный уровень (интерактивные рамки Категории и Апологии), риторико-стратегический уровень (макростратегии присвоения успеха, снятия ответственности, дискредитации оппонента и фрейминга) и тактический уровень (дискурсивные тактики, реализующие стратегии в условиях диалогического давления).

Эмпирический анализ, проведённый во второй главе, подтвердил валидность предложенной модели и позволил выявить системные закономерности функционирования диспозиционной и ситуативной атрибуции в политических интервью американских президентов.

Установлено, что диспозиционная атрибуция (приписывание причин внутренним качествам актора) в целом доминирует в корпусе, составляя 60% (252 фрагмента) от всех выявленных конструкторов, тогда как ситуативная атрибуция (приписывание причин внешним обстоятельствам) составляет 40% (168 фрагментов). Стратегия дискредитации оппонента является наиболее частотной (42%), что свидетельствует об агональной природе жанра.

Диспозиционная атрибуция обслуживает стратегии дискредитации оппонента и присвоения успеха. На лексико-семантическом уровне она маркируется нагнетанием негативной оценочной лексики, созданием семантического поля катастрофы и использованием конструкторов интенциональной агентности. На грамматическом уровне она закрепляется через активные транзитивные конструкции с агентом в позиции подлежащего, притяжательные конструкции, модальные структуры воли и необходимости, перформативные конструкции с отрицанием, придаточные определительные с будущим временем, анафорические цепочки, а также – в определённых контекстах – номинализация и пассивизация, меняющие свою функциональную нагрузку.

Ситуативная атрибуция обслуживает стратегии снятия ответственности и фрейминга. На лексико-семантическом уровне она опирается на нейтральную и процессуальную лексику для объективации проблемного поля, драматизацию внешнего контекста через негативно маркированные оценки и перенос агентности на абстрактные силы или других акторов. На грамматическом уровне она реализуется через пассивизацию, номинализацию, безличные предложения, конструкции с формальным подлежащим, условные и причинно-следственные связки, которые представляют действия как вынужденную реакцию на внешние обстоятельства.

Интерактивный анализ выявил асимметрию тактических средств журналиста и политика. Журналист использует тактики атрибуционного преследования, контр-атрибуции через цитирование и стратегического использования гипотетических сценариев. Политик применяет тактики ответ-мост, перенаправления вины и управления темпоральностью. Конструкты мета-атрибуции (превентивное конструирование каузальности, рефрейминг мотивации интервьюера) выводят спор о каузальности на рефлексивный уровень, атакуя легитимность источника обвинения.

Выявлена устойчивая корреляция между политической позицией президента и преобладающим типом атрибуции. Д. Трамп (республиканец, правопопулистский дискурс) в 87% случаев использовал диспозиционную атрибуцию, преимущественно для дискредитации оппонента. Дж. Байден (демократ, умеренный дискурс) в 64% случаев прибегал к ситуативной атрибуции, объясняя экономические и внешнеполитические трудности внешними факторами. Б. Обама (демократ, институциональный дискурс) также отдавал предпочтение ситуативной атрибуции (58%), используя её для рационального фрейминга сложных процессов. Дж. Буш (мл.) (республиканец, неоконсервативный дискурс) занял промежуточное положение (55% диспозиционной атрибуции). Таким образом, правые дискурсы в анализируемом корпусе тяготеют к персонализации ответственности, тогда как левые – к контекстуализации проблем.

Практическая значимость работы заключается в создании инструментария для медиа-аналитиков, политических технологов и специалистов по политической коммуникации. По лексическим и грамматическим маркерам возможно выявление атрибуционных стратегий в публичной речи. Знание доминирующего атрибуционного стиля политика позволяет прогнозировать его риторические действия в ответ на внешний политический или экономический шок. Предложенные тактики (ответ-мост, перенаправление вины, управление темпоральностью, превентивное конструирование каузальности, рефрейминг мотивации интервьюера) могут быть формализованы и включены в учебные

курсы по политической риторике, антикризисной коммуникации и публичным выступлениям.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с тремя основными направлениями. Во-первых, это сопоставительный анализ атрибуционных стратегий в разных типах политической культуры (например, в авторитарных vs. демократических режимах) или в разных языках (русскоязычный vs. англоязычный политический дискурс), что позволит выявить культурно-специфичные и универсальные паттерны каузального объяснения. Во-вторых, это диахронический анализ эволюции атрибуционных стратегий под влиянием цифровой трансформации медиасреды – в условиях гибридной медиасистемы, фрагментации нарративов атрибуционные конструкты могут претерпевать существенные изменения. В-третьих, это экспериментальное исследование перелучивного эффекта атрибуционных конструктов: как разные типы каузального объяснения (диспозиционное vs. ситуативное) влияют на уровень доверия электората, готовность поддержать политика и оценку его компетентности.

Таким образом, феномен атрибуции в политическом интервью представляет собой не спонтанный когнитивный процесс и не случайный риторический приём, а высокоинституционализированный дискурсивный конструкт, аргументативная функция которого материализуется через лексико-семантические, грамматические и интерактивные структуры. Владение стратегиями переключения между диспозиционным и ситуативным объяснением, а также умение противостоять атрибуционному давлению интервьюера является ключевой компетенцией современного политика, обеспечивающей его символическое выживание в условиях публичной конкуренции и враждебной медиасреды. Предложенная в диссертации комплексная лингвистическая модель может служить эффективным инструментом деконструкции политической риторики, выявления скрытых механизмов управления общественным мнением и разработки стратегий эффективной антикризисной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 150 с.
4. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
5. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 378 с.
7. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации: (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: // Ин-т рус. яз. АН СССР. – М., 1990. – 378 с.
8. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.
9. Баребина Н. С. Введение в теорию аргументации: учебное пособие для специальностей «Лингвистика», «Перевод и переводоведение» // Н. С. Баребина; под науч. ред. Г.М. Костюшкиной; Иркутск – Байкальский гос. ун-т. Изд-во БГУ, 2018. – 136 с.
10. Бассин Ф.В. К современному пониманию психологической защиты // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – С. 360–367.
11. Бассин Ф.В. Проблема «бессознательного» (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). – М.: Медицина, 1968. – 468 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

13. Берулава Г.А. Методологические основы психологии. – М.: Изд-во Московского психолого-социальн. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 248 с.
14. Берулава Г.А. Психология естественнонаучного мышления. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – 180 с.
15. Беседина Е.В. Аргументативный дискурс когнитивно сложных и когнитивно простых личностей: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2011. – 154 с.
16. Бжалава И.Т. Психология установки и кибернетика. – М.: Наука, 1965. – 248 с.
17. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 88 с.
18. Брутян Г.А. Очерк теории аргументации. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1984. – 300 с.
19. ван дер Харт О., Нейенхёус Э. Р. С., Стил К. Призраки прошлого: структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы // пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2013. – 496 с.
20. ван Еемерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях // Современная философия науки: хрестоматия. – М.: Наука, 1994. – С. 210–230.
21. Васильев Л. Г. Лингвистические аспекты понимания: дис. ... д-ра филол. наук: // Калуга – Калужский гос. ун-т 1999. – 251 с.
22. Васильев Л.Г. Аргументация как компонент смысловой структуры высказывания // Вестник Московского ун-та. – Серия 9. Филология. – 1994. – № 6. – С. 58–64.
23. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Калуга, 1999. – 42 с.
24. Васильев Л.Г., Назарчук А.И. Аргументация как форма речевого общения // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 2 (18). – С. 68–79.

25. Васильянова И.М. Особенности аргументации в судебном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2007. – 206 с.
26. Великодворская М.В. Дискурсивные тактики уклонения от ответа в политическом интервью (на материале русского и английского языков) // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 42–48.
27. Водак Р. Политический дискурс: перспективы критического лингвистического анализа // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный подход. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. – С. 56–82.
28. Волков А. А. Теория риторической аргументации // А. А. Волков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 398 с.
29. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 280 с.
30. Воронцова Т. А. Теория речевой коммуникации: учеб.-метод. пособие // Т. А. Воронцова. – Ижевск, 2009. – 55 с.
31. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
32. Гулевич О.А., Безменова И.К. Атрибуция: общее представление, направления исследований, ошибки: реферативный обзор: учебное пособие для вузов. – М.: Российское психологическое общество, 1998. – 112 с.
33. Дементьев В. В. Теория речевых жанров // В. В. Дементьев. – М.: 2010. – 600 с.
34. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. – С. 116–133.
35. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: интерпретирующий подход к аргументации // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327–337.

36. Зайцева В.Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля «абстрактная / конкретная концептуализация»: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2012. – 220 с.
37. Иванова Ю.А. Стратегии и тактики речевого поведения в конфликтных ситуациях политического интервью // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). – Ч. 4. – С. 115–118.
38. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 9-е. – М.: УРСС, 2024. – 320 с.
39. Калашникова Л.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2007. – 192 с.
40. Карасик В. И. Общие проблемы теории речевых жанров // Жанры речи. – 2020. – № 2 (26). – С. 90–99.
41. Кашкин В.Б. Языковое конструирование реальности в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2007. – № 4 (24). – С. 44–49.
42. Киселева В.В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006. – 199 с.
43. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
44. Коваль Н.А. Установка и межличностные отношения: дис. ... канд. психол. наук. – Тбилиси, 1982. – 180 с.
45. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
46. Мартьянов Д.С., Прохоров А.В. Социальные сети как пространство конкуренции атрибуционных нарративов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 3. – С. 142–160.
47. Мищук О.Н. Речевое воздействие и самопрезентация: на материале публичных выступлений: дис. ... канд. филол. наук. – Тула: Тульский гос. ун-т, 2013. – 204 с.

48. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. – 170 с.
49. Надирашвили Ш.А. Психологическая природа установки. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – 230 с.
50. Некрасова К.И. Когнитивно-стилевые составляющие аргументативного дискурса у носителей стиля ‘конкретная / абстрактная концептуализация’: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2025. – 298 с.
51. Норакидзе В.Г. Методы исследования характера. – Тбилиси: Мецниереба, 1975. – 240 с.
52. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
53. Переверзев Е.В. Гипотетические конструкции в политическом дискурсе: функции и прагматический потенциал // Политическая лингвистика. – 2018. – № 3 (69). – С. 31–37.
54. Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения // Иностранные языки в высшей школе. – 1981. – Вып. 16. – С. 35–42.
55. Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1958. – 260 с.
56. Прангишвили А.С. Психологические очерки. – Тбилиси: Мецниереба, 1975. – 380 с.
57. Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. – М.: Добросвет, 1997. – 288 с.
58. Ручкина Е.М. Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте (на материале педагогического дискурса): дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. – 185 с.
59. Салтыкова Е.А. Функционирование иносказательных фразеологических единиц в аргументативном дискурсе (на материале русского, английского, французского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. ун-т, 2011. – 191 с.

60. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 439 с.
61. Семененко Л.П. Аспекты диалогической речи в монологе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 178 с.
62. Степанова А.А. Стратегии аргументации в англоязычном политическом дискурсе: когнитивно-дискурсивный подход: дис. ... канд. филол. наук. – Калуга, 2022. – 215 с.
63. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учебное издание // И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
64. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: КГУ, 1983. – С. 3–12.
65. Сухих С.А. Дискурсивные практики: лингвопрагматический аспект. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 192 с.
66. Сухих С.А. Структура коммуникантов в общении // Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998. – С. 105–112.
67. Третьякова Т.П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование: сб. ст. // под ред. С. И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 299–320.
68. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – С. 134–240.
69. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1949. – 210 с.
70. Фанян Н.Ю. Аргументация как прагмалингвистическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. – 354 с.
71. Хенкеманс Ф. Проблемы объяснения и понимания в дискурсивной психологии // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 124–145.

72. Чарквиани Д.А. Влияние установки на эмоциональные процессы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тбилиси, 1971. – 24 с.
73. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 166 с.
74. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие // А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
75. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
76. Шейгал Е.И. Тезаурус политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2004. – № 1 (12). – С. 25–30.
77. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография // Е. В. Шелестюк. – 2-е изд., испр, и доп. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 344 с.
78. Шихирев П.Н. Исследование социальной установки в США // Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 132–141.
79. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в США. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
80. Шомова С.А. Медиатизация политики в цифровую эпоху: новые вызовы и трансформации // Полития. – 2020. – № 3 (98). – С. 87–103.
81. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 89–105.
82. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – Самара: Самарский университет, 1995. – 328 с.
83. Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
84. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983. – 160 p.
85. Antaki C. Explaining and Arguing: The Social Organization of Accounts. – London: Sage, 1994. – 224 p.

86. Ashmore R.D., Jussim L., Wilder D. Social Identity, Intergroup Conflict, and Conflict Reduction. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 288 p.
87. Austin J.L. How to Do Things with Words. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 168 p.
88. Bavelas J.B., Black A., Chovil N., Mullett J. Truths, Lies, and Equivocations: The Effects of Conflicting Goals on Discourse // Journal of Language and Social Psychology. – 1990. – Vol. 9. – No. 1–2. – P. 135–161.
89. Benoit W.L. Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies. – Albany: State University of New York Press, 1995. – 198 p.
90. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – Garden City, NY: Doubleday, 1966. – 219 p.
91. Billig M. Arguing and Thinking: A Rhetorical Approach to Social Psychology. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 336 p.
92. Blair J.A. The Limits of the Dialogue Model of Argument // Argumentation. – 1998. – Vol. 12. – No. 2. – P. 157–168.
93. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. – Cambridge: Polity Press, 1991. – 302 p.
94. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
95. Bull P. The Microanalysis of Political Communication: Claptrap and Ambiguity. – London: Routledge, 2003. – 256 p.
96. Bull P., Fetzer A. Who Are We and Who Are You? The Strategic Use of Forms of Address in Political Interviews // Text & Talk. – 2006. – Vol. 26. – No. 1. – P. 3–37.
97. Burke K. A Grammar of Motives. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 530 p.
98. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 256 p.

99. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. – 2nd ed. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – 370 p.
100. Chilton P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. – London: Routledge, 2004. – 240 p.
101. Clayman S., Heritage J. *The News Interview: Journalists and Public Figures on the Air*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 372 p.
102. Crable R.E. *Argumentation as a Concept: Implications for Communication Research // Philosophy & Rhetoric*. – 1976. – Vol. 9. – No. 2. – P. 105–116.
103. Van Dijk T.A. *Discourse as Structure and Process*. – London: Sage, 1997. – 356 p.
104. Van Dijk T.A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. – London: Sage, 1998. – 384 p.
105. Van Dijk T.A. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 280 p.
106. Ducrot O. *Le Dire et le Dit*. – Paris: Minuit, 1984. – 240 p.
107. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. – Urbana: University of Illinois Press, 1977. – 240 p.
108. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. – 2nd ed. – Urbana: University of Illinois Press, 1985. – 240 p.
109. Edelman M. *Constructing the Political Spectacle*. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 150 p.
110. Edelman M. *The Politics of Misinformation*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 140 p.
111. Edwards D., Potter J. *Discursive Psychology*. – London: Sage, 1992. – 200 p.
112. Eemeren F.H. van. *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the Pragma-Dialectical Theory of Argumentation*. – Amsterdam: John Benjamins, 2006. – 320 p.
113. Eemeren F.H. van. *Argumentation Theory: A Pragma-Dialectical Perspective // Argumentation*. – 2018. – Vol. 32. – No. 4. – P. 467–480.

114. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
115. Eemeren F.H. van, Houtlosser P. Strategic Maneuvering: Maintaining a Delicate Balance // Dialectic and Rhetoric. – Dordrecht: Kluwer, 2003. – P. 131–159.
116. Ekman P., Friesen W.V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // Semiotica. – 1969. – Vol. 1. – No. 1. – P. 49–98.
117. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – Vol. 43. – No. 4. – P. 51–58.
118. Entman R.M. Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 240 p.
119. Esser F., Strömbäck J. Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – 272 p.
120. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
121. Fillmore C.J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–88.
122. Freeley A.J. Argumentation and Debate: Critical Thinking for Reasoned Decision Making. – 5th ed. – Belmont, CA: Wadsworth, 1981. – 432 p.
123. Freeman J.B. Acceptable Premises: An Epistemic Approach to an Informal Logic Problem. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 416 p.
124. Gergen K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // American Psychologist. – 1985. – Vol. 40. – No. 3. – P. 266–275.
125. Givón T. English Grammar: A Function-Based Introduction. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – 540 p.
126. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. – Garden City, NY: Doubleday, 1959. – 259 p.

127. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. – New York: Basic Books, 1971. – 396 p.
128. Govier T. A Practical Study of Argument. – 2nd ed. – Belmont, CA: Wadsworth, 1988. – 394 p.
129. Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41–58.
130. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – 2nd ed. – London: Edward Arnold, 1994. – 434 p.
131. Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. Construing Experience through Meaning: A Language-Based Approach to Cognition. – London: Cassell, 1999. – 657 p.
132. Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M. An Introduction to Functional Grammar. – 4th ed. – London: Routledge, 2014. – 808 p.
133. Harris S. Evasive Action: How Politicians Respond to Questions in Political Interviews // Broadcast Talk. – London: Sage, 1991. – P. 76–99.
134. Hart C. Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives. – London: Bloomsbury, 2014. – 256 p.
135. Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 256 p.
136. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. – New York: Wiley, 1958. – 322 p.
137. Hewstone M. Causal Attribution: From Cognitive Processes to Collective Beliefs. – Oxford: Blackwell, 1989. – 224 p.
138. Hewstone M. The ‘Ultimate Attribution Error’? A Review of the Literature on Intergroup Causal Attribution // European Journal of Social Psychology. – 1990. – Vol. 20. – No. 4. – P. 311–335.
139. Hood C. The Blame Game: Spin, Bureaucracy, and Self-Preservation in Government. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 240 p.

140. Jones E.E., Davis K.E. From Acts to Dispositions: The Attribution Process in Person Perception // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 1965. – Vol. 2. – P. 219–266.
141. Johnson R.H., Blair J.A. *Logical Self-Defense*. – New York: McGraw-Hill, 1994. – 320 p.
142. Kelley H.H. Attribution Theory in Social Psychology // *Nebraska Symposium on Motivation*. – 1967. – Vol. 15. – P. 192–238.
143. Kelley H.H. The Processes of Causal Attribution // *American Psychologist*. – 1973. – Vol. 28. – No. 2. – P. 107–128.
144. Lakoff G. *Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate*. – White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2004. – 124 p.
145. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. – London: Longman, 1983. – 250 p.
146. Leech G.N. Language and Pragmatics // *Sprache und Pragmatik*. – 1989. – No. 13. – P. 3–15.
147. Lo Cascio V. *Grammatica dell'argomentare: Strategie e strutture*. – Firenze: La Nuova Italia, 1991. – 320 p.
148. Malle B.F. *How the Mind Explains Behavior: Folk Explanations, Meaning, and Social Interaction*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2004. – 328 p.
149. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // *Psychological Review*. – 1991. – Vol. 98. – No. 2. – P. 224–253.
150. Morris M.W., Peng K. Culture and Cause: American and Chinese Attributions for Social and Physical Events // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1994. – Vol. 67. – No. 6. – P. 949–971.
151. Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. – New York: Penguin Press, 2011. – 294 p.
152. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. *Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique*. – Paris: Presses Universitaires de France, 1958. – 734 p.

153. Potter J., Edwards D. Discursive Psychology // The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology. – London: Sage, 2017. – P. 273–291.
154. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. – London: Sage, 1987. – 216 p.
155. Reicher S., Hopkins N. Psychology and the End of History: A Critique and a Proposal for the Psychology of Social Categorization // Political Psychology. – 2001. – Vol. 22. – No. 2. – P. 383–407.
156. Ross L. The Intuitive Psychologist and His Shortcomings: Distortions in the Attribution Process // Advances in Experimental Social Psychology. – 1977. – Vol. 10. – P. 173–220.
157. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
158. Searle J.R. A Taxonomy of Illocutionary Acts // Language, Mind, and Knowledge. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. – P. 344–369.
159. Snyder M., Higgins R.L., Stucky R.J. Excuses: Masquerades in Search of Grace. – New York: Wiley, 1983. – 290 p.
160. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 328 p.
161. Tetlock P.E. Social Functionalist Frameworks for Judgment and Choice: Intuitive Politicians, Theologians, and Prosecutors // Psychological Review. – 2002. – Vol. 109. – No. 3. – P. 451–471.
162. Tetlock P.E., Belkin A. Counterfactual Thought Experiments in World Politics: Logical, Methodological, and Psychological Perspectives. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 360 p.
163. Toulmin S.E. The Uses of Argument. – Cambridge: Cambridge University Press, 1958. – 264 p.
164. van Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 184 p.
165. Walton D.N. Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1996. – 224 p.

166. Ware B.L., Linkugel W.A. They Spoke in Defense of Themselves: On the Generic Criticism of Apologia // *Quarterly Journal of Speech*. – 1973. – Vol. 59. – No. 3. – P. 273–283.
167. Weary G., Stanley M.A., Harvey J.H. Attribution. – New York: Springer-Verlag, 1989. – 254 p.
168. Weaver R.K. The Politics of Blame Avoidance // *Journal of Public Policy*. – 1986. – Vol. 6. – No. 4. – P. 371–398.
169. Weiner B. An Attributional Theory of Achievement Motivation and Emotion // *Psychological Review*. – 1985. – Vol. 92. – No. 4. – P. 548–573.
170. Weiner B. An Attributional Theory of Motivation and Emotion. – New York: Springer-Verlag, 1986. – 304 p.
171. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, Japanese. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 328 p.
172. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. – Oxford: Blackwell, 1953. – 232 p.
173. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 252 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Transcript: Full Text of Donald Trump's interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/politics/trump-administration/read-full-transcript-president-donald-trump-interviewed-meet-press-modelna203514> (дата обращения: 04.06.2025).
2. Transcript: Exclusive Bush Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-exclusive-bush-interview/> (дата обращения: 12.09.2024).

3. Transcript: Full Text of Brokaw's Bush Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2003/04/25/international/worldspecial/full-text-of-brokaws-interview-with-bush.html> (дата обращения: 22.12.2024).
4. Transcript: Interview With Bush [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-bush-interview/> (дата обращения: 17.01.2024).
5. Transcript: Full Biden Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/10/19/us/politics/transcript-biden-speech-israel-ukraine.html> (дата обращения: 26.03.2025).
6. Transcript: Full Text of Obama's Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/president-barack-obamas-full-interview-nbcs-chuck-todd-n197616> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Transcript: Text of Obama's Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/interview-with-president-obama-the-full-transcript/> (дата обращения: 10.10.2025).
8. Transcript: Text of Obama's Interview [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.npr.org/2014/12/29/372485968/transcript-president-obamas-full-npr-interview> (дата обращения: 09.08.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Политическое интервью Д. Трампа от 4 мая 2025.

KRISTEN WELKER: President Trump, welcome back to Meet the Press.

PRES. DONALD TRUMP:

Thank you very much.

KRISTEN WELKER:

Thank you so much for being here to mark your first 100 days in office. It has been an incredibly busy 100 days. You've signed more than 140 executive orders. You've been focused on the border, the economy, foreign policy. What is your biggest goal in the next 100 days?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I think we're going to see a lot of results. We've already seen them. On the border, we have the best border in the history of our country. It was 99.999, and nobody ever thought that was possible. In fact, Biden, if you remember, said he has to get legislation. And I said, "No, you just need a new president." And I guess I was right. We have the best border we've ever had. We're doing great on illegal immigration. We are being hit hard by judges that I think they're trying to take away the power of the presidency. I was elected in a massive landslide and a big, you know, big vote. We won the swing states. We won the popular vote. We won the district votes by tremendous numbers. We won everything. And one of the reasons – one of the primary reasons I was elected was to get people out of our country that were allowed. We have prisoners. We have murderers. We have terrorists in our country. We have people from mental institutions that are seriously insane. They all came in through Biden's open border policy. And I was elected to get them out and to seal the border, but to get them out. And we'll have judges, they're activist judges. They're saying, "Well, you know, you don't have the right to take out murderers and – and people that you don't even want to talk about." These are really some really bad criminal people. And they're here illegally. So, you know they talk about – your next question will be due process. But they talk about due process, but do you get due process when you're here illegally?

KRISTEN WELKER:

We're going to talk about all of that. We are going to talk about deportation. But I want to start on the economy, sir, which obviously – obviously the biggest issue for voters. We got new numbers today, better than expected job numbers.

PRES. DONALD TRUMP:

Much better.

KRISTEN WELKER:

At the same time, the economy shrank in the first quarter. You've been arguing all week that this is President Biden's economy. Is this now your economy, sir?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I think certain aspects of it are. Costs are. I was able to get down the costs. But even that, it takes a while to get them down, but we got them down good. We lost 5 to 6 billion dollars a day with Biden. Five to 6 billion. And I've got that down to a great number right now in a very – in a record time. You know, we're talking about 100 days. But just think of what that is. Five billion dollars a day we're losing on trade. And we were very tough with China, as you know. We put 145% tariff on. Nobody's ever heard of such a thing. And we've essentially cut off trade relationships by putting that much of a tariff on. And that's okay. We've gone cold turkey. That means that we're not losing. You know, we lost a trillion dollars to China. A trillion dollars. That means we're not losing a trillion dollars when we go cold turkey because we're not doing business with them right now. And they want to make a deal. They want to make a deal very badly. We'll see how that all turns out, but it's got to be a fair deal. But think of it. We were losing a trillion dollars. And that was a big part of the 5 million dollars a day.

KRISTEN WELKER:

And I want to talk about China, but just staying on this idea of the economy. On the eve of your inauguration, the stock market spiked. You called it the “Trump Effect.” Are you –

PRES. DONALD TRUMP:

It spiked because I was elected president. It didn’t spike because of anybody else. It spiked because they see what I’m going to do. They know what I’m going to do with the tariffs and everything else. And I think it’s actually working out better than we anticipated. Did you see oil prices? Did you see gasoline is now below, in many cases, in many states, below 2 dollars a gallon? \$1.98, \$1.99, \$1.97?

KRISTEN WELKER:

Well, my question, sir, is you – when the stock market spiked, you said this is the “Trump effect.” When the numbers weren’t so good earlier this week, you said it’s the Biden effect. Are you only taking ownership of the good numbers and not the bad numbers?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I think he did a lot of very bad things. And despite some of the bad things, we’re overcoming them. But he was bad on the border. He was bad on the economy. We had the worst inflation in the history of our country. Look, Biden gave us the worst inflation in the history of our country. People – it didn’t matter what they made because they were losing their shirt because of costs. Now take a look at what happened. Oil is down. Gasoline is down. Groceries are down. Eggs. You were the one that asked me. You asked me about eggs. It was the first week. I didn’t even know anything about what you – we were talking about. Egg prices were so high, you couldn’t buy eggs. They didn’t have any eggs. And they said, “Easter is going to be a disaster.” Well, we had Easter at the White House, and we had thousands of eggs. And they were down 87%.

KRISTEN WELKER:

Yeah. A lot of that, of course, spike was because of bird flu. But when does it become –

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I don’t know –

KRISTEN WELKER:

– the Trump economy?

PRES. DONALD TRUMP:

– what it was. Why do you say that?

KRISTEN WELKER:

Well, tell me. When –

PRES. DONALD TRUMP:

We had the same bird flu as he had.

KRISTEN WELKER:

When does it become the Trump economy?

PRES. DONALD TRUMP:

It partially is right now. And I really mean this. I think the good parts are the Trump economy and the bad parts are the Biden economy because he’s done a terrible job. He did a terrible job on everything, from his autopen – which I’m sure he knew nothing about, some of the things he was supposedly signing – to immigration. You look at what happened with immigration, how bad it was. Think of it. We have murderers, 11,888 murderers, many of them murdered more than one person. Think of that. And they’re in our country. Now, we’ve gotten a lot of them out, and we know who many of them are. And we’re on the hunt. But why would anybody do that? Why would anybody – who could do such a thing where they’d allow hundreds of thousands, and even millions of people into our country – or criminals and murderers at the highest level. Who would do this?

KRISTEN WELKER:

But, sir, you acknowledge when you announced your tariffs, for example, the stock market dropped. It’s been volatile. It has –

PRES. DONALD TRUMP:

Well –

KRISTEN WELKER:

– since gone up.

PRES. DONALD TRUMP:

– it is, but now it's –

KRISTEN WELKER:

Do you take responsibility –

PRES. DONALD TRUMP:

Look at today. I take responsibility.

KRISTEN WELKER:

– for that? Yeah. Do you take responsibility when it drops?

PRES. DONALD TRUMP:

Ultimately, I take responsibility for everything. But I've only just been here for a little more than three months. But the stock market, look at what's happened in the last short period of time. Didn't it have nine or ten days in a row, or 11 days, where it's gone up? And the tariffs have just started kicking in. And we're doing really well. Psychologically, I mean, the fake news was giving me such press on the tariffs. The tariffs are going to make us rich. We're going to be a very rich country.

KRISTEN WELKER:

So let's talk about the tariffs. And I want to ask you about something you said this week. Got a lot of attention. You were at your Cabinet meeting. You said, quote – I'm going to quote what you said – “Maybe the children will have two dolls instead of 30 dolls. And maybe the two dolls will cost a couple of bucks more than they would normally.” Are you saying that your tariffs will cause some prices to go up?

PRES. DONALD TRUMP:

No. I think tariffs are going to be great for us because it's going to make us rich.

KRISTEN WELKER:

But you said some dolls are going to cost more.

PRES. DONALD TRUMP:

Sure.

KRISTEN WELKER:

Isn't that an acknowledgment –

PRES. DONALD TRUMP:

I don't think –

KRISTEN WELKER:

– that some prices –

PRES. DONALD TRUMP:

– children –

KRISTEN WELKER:

– will go up?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't think that a beautiful baby girl needs – that's 11 years old – needs to have 30 dolls. I think they can have three dolls or four dolls because what we were doing with China was just unbelievable. We had a trade deficit of hundreds of billions of dollars with China.

KRISTEN WELKER:

When you say, “They could have three dolls instead of 30 dolls,” are you saying you're –

PRES. DONALD TRUMP:

I'm saying they don't need to have 30 dolls –

KRISTEN WELKER:

– that Americans could see empty store shelves?

PRES. DONALD TRUMP:

No. No, I'm not saying that. I'm just saying they don't need to have 30 dolls. They can have three. They don't need to have 250 pencils. They can have five.

KRISTEN WELKER:

But you're basically saying there could be some supply shortages –

PRES. DONALD TRUMP:

I'm basically saying –

KRISTEN WELKER:

– because of the tariffs.

PRES. DONALD TRUMP:

– we don't have to waste money on a trade deficit with China for things we don't need, for junk that we don't need.

KRISTEN WELKER:

Well, prices are already going up on some popular items –

PRES. DONALD TRUMP:

Wait, whoa, whoa, whoa.

KRISTEN WELKER:

– from tires to strollers –

PRES. DONALD TRUMP:

Whoa, whoa. This is such a dishonest interview already.

KRISTEN WELKER:

No, no.

PRES. DONALD TRUMP:

Prices are down on groceries. Prices are down for oil. Prices are down for all energy. Prices are down at tremendous numbers for gasoline. And let me tell you, when you have – the big thing, what he did, he spent like a stupid person, which he was. But he spent like a very stupid person. And that was bad for inflation. But what really killed us with inflation was the price of energy. It went up to \$3.90, even \$4. And in California, \$5 and \$6. Right? Okay. I have it down to \$1.98 in many states right now. When you go that much lower on energy – which is ahead of my prediction because I really thought I could get it down into the \$2.50s – we have it down at \$1.98 in numerous places. But when you say costs are going up, even mortgage rates are going down. You know, we have mortgage rates –

KRISTEN WELKER:

But let me give you some examples. These are – I mean, these are actual examples. So you're saying the prices that are going down. Some prices are going up. Tires, strollers, some clothing in the wake of your tariffs –

PRES. DONALD TRUMP:

Excuse me. That's peanuts compared to –

KRISTEN WELKER:

Well –

PRES. DONALD TRUMP:

– energy. Energy is 60% of the cost.

KRISTEN WELKER:

But, sir, you campaigned –

PRES. DONALD TRUMP:

Energy is a big –

KRISTEN WELKER:

– on a promise to bring prices down on day one.

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I don't know, when you say strollers are going up, what kind of a thing? I'm saying that gasoline is going down. Gasoline is thousands of times more important than a stroller or some place?

KRISTEN WELKER:

But what do you say to Americans who say they voted for you because they want and they need relief right now?

PRES. DONALD TRUMP:
And they're getting it.

KRISTEN WELKER:
Right now? What about those –

PRES. DONALD TRUMP:
Even mortgage rates. It was just announced –

KRISTEN WELKER:
– different items I just mentioned?

PRES. DONALD TRUMP:
– mortgage rates are going down, despite the fact that we have a stubborn Fed.

KRISTEN WELKER:
But you said dolls – even dolls could cost a couple bucks more.

PRES. DONALD TRUMP:
Maybe they might. But you don't need to have, as I said, 35 dolls. You can have two, three, four, and save a lot of money. We don't need to feed the beast.

KRISTEN WELKER:
I guess – you're talking about this transition cost. How long should people expect that transition to last, Mr. President?

PRES. DONALD TRUMP:
I can't tell you that. I can tell you that we're making a lot of money. We're doing great. Again, we were losing more than \$5 billion a day. \$5 billion a day. You don't talk about that. And right now, we're going to be at a point very soon where we're making money every day. Look –

KRISTEN WELKER:
How soon?

PRES. DONALD TRUMP:
– we were losing hundreds of billions of dollars with China. Now we're essentially not doing business with China. Therefore, we're saving hundreds of billions of dollars. Very simple.

KRISTEN WELKER:
You take me to my next question, which is about China. They've been making a number of public statements.

PRES. DONALD TRUMP:
Very positive statements in the last 24 hours.

KRISTEN WELKER:
Well, and most recently, they said before talks could happen, the U.S. would need to remove unilateral tariffs. Would you consider dropping the tariffs to get China to the negotiating table?

PRES. DONALD TRUMP:
No. They – first of all, you're giving me a statement that was said a week ago. You're not giving the statement that was said today.

KRISTEN WELKER:
I have May 2nd, Chinese Commerce Ministry.

PRES. DONALD TRUMP:
Do you know what they say today?

KRISTEN WELKER:
“If the U.S. wants to negotiate, it should show sincerity –”

PRES. DONALD TRUMP:
“We're looking forward –”

KRISTEN WELKER:
“ – by preparing to take actions in correcting its mistakes and canceling the unilateral tariffs.”

PRES. DONALD TRUMP:
No, no, no. They made – first of all, they made numerous statements.

KRISTEN WELKER:

Yes. They've made numerous statements.

PRES. DONALD TRUMP:

You know how many people speak for China?

KRISTEN WELKER:

Yes.

PRES. DONALD TRUMP:

It's like, you have 15 different –

KRISTEN WELKER:

They've made numerous statements –

PRES. DONALD TRUMP:

I can give you a statement for any occasion.

KRISTEN WELKER:

Yes. Yes, yes.

PRES. DONALD TRUMP:

But they said today they want to talk. Look, China – and I don't like this. I'm not happy about this. China's getting killed right now. They're getting absolutely destroyed. Their factories are closing. Their unemployment is going through the roof. I'm not looking to do that to China. Now, at the same time, I'm not looking to have China make hundreds of billions of dollars and build more ships and more army tanks and more airplanes.

KRISTEN WELKER:

So you're not prepared – just to be very clear, you're not dropping the tariffs against China to get them to the negotiating table?

PRES. DONALD TRUMP:

Why would I –

KRISTEN WELKER:

Those tariffs are staying on?

PRES. DONALD TRUMP:

Why would I do that?

KRISTEN WELKER:

Would you lower them?

PRES. DONALD TRUMP:

At some point, I'm going to lower them because otherwise, you could never do business with them. And they want to do business very much. Look, their economy is really doing badly. Their economy is collapsing.

KRISTEN WELKER:

So small businesses say they are being hurt by the Chinese tariffs. And some could be forced to shut down.

PRES. DONALD TRUMP:

And many businesses are being helped.

KRISTEN WELKER:

Are you considering –

PRES. DONALD TRUMP:

Look at the automobile –

KRISTEN WELKER:

– tariff relief for small businesses?

PRES. DONALD TRUMP:

Why do you always mention that. You know, you pick up a couple of little businesses. What about the car business? They're going to make a fortune because of the tariffs. Do you know that the union, the head of the union, who was no fan of mine, Fain, Shawn Fain I guess his name is, right? He didn't endorse me. The Teamsters did. A lot of people did. A lot of unions did. But he didn't. He couldn't stand me. Now he's saying, "Wow. What Trump's done for the automobile,

I can't believe it." I assume he's going to probably now say – the next thing he can say is, "I endorse this guy. He's the greatest I've ever seen." He can't believe it's happened. He said, "We've been waiting 40 years for somebody to do what Trump is doing." So why don't you mention the big car industry instead of mentioning somebody that's doing strollers?

KRISTEN WELKER:

Well, I'm just asking you about small businesses. Are there any discussions about giving any relief to small businesses?

PRES. DONALD TRUMP:

They're not going to need it.

KRISTEN WELKER:

Okay. Are these –

PRES. DONALD TRUMP:

They're going to make so much money –

KRISTEN WELKER:

Are these tariffs –

PRES. DONALD TRUMP:

– if you build your product here. Remember, there are no tariffs if you build your product here. It's very easy. It's very simple.

KRISTEN WELKER:

Are these tariffs permanent, Mr. President?

PRES. DONALD TRUMP:

Depends on what you're talking about. One of the things that is going to bring, and has brought – so I think we probably have close to \$9 trillion of investments coming into this country. If you look at other presidents, there's never been anything like that. This is over a period of two months. You've got to give me a little break on the one month because we're three months. But, you know, let's say we had to get started. We had a lot of fake news at the beginning, so we had to beat that down. But so let's say in two months. So in just a short period of time – a matter of a couple of months – we have the largest number ever in history invested in the United States and committed. We have between, guaranteed, spoken for and people that are going to make a decision and announce it pretty soon, close to \$9 trillion. We've never had anything close. Now, that's Apple building \$500 billion worth of plants. They always built their plants in China. Now they're building their plants over here. That's the biggest computer company, the biggest chip company in the world. You know, the chip company from Taiwan, which is the biggest in the world, is committed for \$500 billion. Another one's committed for \$300 billion. We have companies, nobody's ever seen anything like it. Let me tell you the other thing, very importantly – automobile companies. Plant, after plant, after plant: Toyota, Honda, Ford, General Motors, Stellantis, I mean, nobody's ever seen anything like it. And I don't like this, but it happens to be. They're stopping work in Mexico, and they're stopping work in Canada, and they're all moving here.

KRISTEN WELKER:

This is important though. You're not taking the possibility that these tariffs could be permanent off the table – some of them?

PRES. DONALD TRUMP:

No, I wouldn't do that because if somebody thought they were going to come off the table, why would they build in the United States?

KRISTEN WELKER:

Let me ask you about –

PRES. DONALD TRUMP:

You understand that, right?

KRISTEN WELKER:

Yeah. No, I mean, that's why I'm asking because there's a lot of, I think, uncertainty for CEOs, for business owners. They want to know are these tariffs –

PRES. DONALD TRUMP:

See, I don't think there is uncertainty.

KRISTEN WELKER:

– permanent?

PRES. DONALD TRUMP:

I think there's only uncertainty in the fake news. I don't think there's uncertainty. I mean, I've been very rigid, very strong on it. But I will say I have – I'm flexible. Like, with respect to parts made outside of the country, I gave the automobile companies a little extra time. You know, you're talking about 15%, and then 10% of the parts made – put in a car. I gave them a little extra time without penalizing them. And I did that only to help, you know, companies. We're looking to help companies. We want them to thrive and to hire a lot of people and that's what's happening.

KRISTEN WELKER:

Let me ask you about some of what Wall Street has said. Some people on Wall Street have expressed concerns that the possibility of a recession is increasing. And I want to know what you think about that. Are you comfortable with the country potentially dipping into a recession for a period of time if you are able to achieve your long term goals?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, you know, you say some people on Wall Street say, well, I'll tell you something else. Some people on Wall Street say that we're going to have the greatest economy in history. Why don't you talk about them? Because some people on Wall Street say this is the greatest –

KRISTEN WELKER:

Well, that's what I'm getting at –

PRES. DONALD TRUMP:

– thing that ever happened.

KRISTEN WELKER:

That's what I'm getting at though. It's –

PRES. DONALD TRUMP:

There are many people –

KRISTEN WELKER:

– the same question.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah. There are many people on Wall Street that say, "This is going to be the greatest windfall ever happen."

KRISTEN WELKER:

And that's my question –

PRES. DONALD TRUMP:

Remember this –

KRISTEN WELKER:

– the long term.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

Is it okay in the short term to have a recession?

PRES. DONALD TRUMP:

Remember this. Look, yeah. Everything's okay. What we are – I said, this is a transition period. I think we're going to do fantastically. One of your colleagues on another fake news station, ABC, said, "Do you guarantee 100% that a certain person is going to do a fantastic job as, let's say, Secretary of Defense?" Okay? Because that was the question. I said, "What kind of a question is that? Do I guarantee 100%? Nobody guarantees 100%." But I will say this. I think we're going to have an economy the likes of which we've never had before. You know, my four years were phenomenal, as you know. The stock market. In fact, even though we had to go through the Covid thing, that horrible situation with Covid, we did numbers – and when I gave it over, when I handed it over, the election was rigged, and I handed it – and because of that, we have a lot of problems,

by the way. But when I handed it over, what happened? The market was higher than it was previous to just previous to Covid coming in. Nobody could believe it. The stock market, I'm talking about.

KRISTEN WELKER:

I don't want to look back, but you did take your case to court about that.

PRES. DONALD TRUMP:

No, you got to look back.

KRISTEN WELKER:

You took your case to court about your allegations against the election. Let me ask you, sir

PRES. DONALD TRUMP:

Ah, no no no. There's no question about it. The election was rigged. The facts are in. And it's still being litigated. Let's go.

KRISTEN WELKER:

You did take your case to court more than 60 times –

PRES. DONALD TRUMP:

No, no, sure.

KRISTEN WELKER:

– and didn't win those cases.

PRES. DONALD TRUMP:

Sure. And I won a lot of court cases –

KRISTEN WELKER:

Just to button that up though, sir, just to button that up –

PRES. DONALD TRUMP:

What are you talking about? The election of –

KRISTEN WELKER:

How worried are you –

PRES. DONALD TRUMP:

Are we talking about the election of 2020?

KRISTEN WELKER:

No, let's talk about the here and now. Let's talk about here and now –

PRES. DONALD TRUMP:

The election of 2020?

KRISTEN WELKER:

Let's not talk about – let's talk about here and now. Are you worried about a recession?

PRES. DONALD TRUMP:

No.

KRISTEN WELKER:

Okay.

PRES. DONALD TRUMP:

No. No. I think we're going to have the greatest economic –

KRISTEN WELKER:

I mean, are you worried it could happen? Do you think it could happen?

PRES. DONALD TRUMP:

Anything can happen. But I think we're going to have the greatest economy in the history of our country. I think we're going to have the greatest economic boom in history.

KRISTEN WELKER:

Let me ask you about this call to Amazon founder Jeff Bezos this week in response to a report that Amazon was going to display tariff costs next to product prices. Are you going to punish CEOs who increase their prices because of tariffs?

PRES. DONALD TRUMP:

I think what's – what is a great misnomer is the word "tariff" in many cases, it's not – to me, I don't view it as a tax. I view it as an incentive for people to come into the United States and build plants, factories, offices, a lot of things. I think it's an incentive. But the thing that's not

known is, if you look back and see, oftentimes, like China or Vietnam or other countries, not just China, because China's an abuser, but there are other abusers. Many of them are friends, the so-called – I say friend and foe, and friend is oftentimes worse than foe. But what people don't understand is, and this is a lot, the country eats the tariff. The company eats the tariff. And it's not passed along at all.

KRISTEN WELKER:

Well, some CEOs –

PRES. DONALD TRUMP:

I don't view it as a tax.

KRISTEN WELKER:

– are saying they're going to have to pass it on. So how do you deal with those CEOs?

PRES. DONALD TRUMP:

It may. It may. But the company –

KRISTEN WELKER:

How do you deal with those CEOs?

PRES. DONALD TRUMP:

China is eating the tariffs right now.

KRISTEN WELKER:

What do you say to those CEOs who are saying, "We might have to pass this on to the consumer?"

PRES. DONALD TRUMP:

Well, they say that because maybe it's to their advantage to say it. Maybe they don't –

KRISTEN WELKER:

Will you punish them?

PRES. DONALD TRUMP:

No, because you know what? I want them to build plants in the United States. That way, they don't have any tariffs. See, tariffs will – and not only will, look at what's happened. In two months, we're close to \$9 trillion of investment. We've never been anywhere near that.

KRISTEN WELKER:

What did you say to Jeff Bezos?

PRES. DONALD TRUMP:

He's just a very nice guy. We have a relationship. I asked him about it. He said, "Well, I don't want to do that," and he took it off immediately.

KRISTEN WELKER:

So he changed course. And will you take that same tactic with other CEOs if you feel like

PRES. DONALD TRUMP:

Sure. I'll always call people if I disagree with them.

KRISTEN WELKER:

You'll –

PRES. DONALD TRUMP:

If I think that somebody's doing something that's incorrect, wrong, or maybe hurtful to the country, I'll call. Absolu – wouldn't you want me to call? Biden wouldn't call because he didn't know what was happening, but I do.

KRISTEN WELKER:

Takes me to my next question. Today's strong jobs report likely means – not clear, but likely means – the Fed is less likely to lower interest rates soon.

PRES. DONALD TRUMP:

Well, he should lower them. And at some point, he will. He'd rather not because he's not a fan of mine. You know, he just doesn't like me because I think he's a total stiff. And, you know, it's just one of those things. He should lower them. And I wish the people that are on that board would get him to lower because we are at a perfect time. It's already late. But he should lower interest rates.

KRISTEN WELKER:

Do you rule out removing Fed Chair Jerome Powell?

PRES. DONALD TRUMP:

I'm not – you know, I get to change him very quickly anyway. You know, it's in a very short period of time.

KRISTEN WELKER:

In 2026. You're not going to remove – you don't have plans to remove him before 2026 when his time's up?

PRES. DONALD TRUMP:

No, no, no. That was a total – why would I do that? I get to replace the person in another short period of time.

KRISTEN WELKER:

Okay. This week, you reshuffled your national security team.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

You moved National Security Advisor Mike Waltz to U.N. ambassador. Just to remind our viewers, Waltz, of course, started that unsecure text chain where sensitive information was shared. Mr. President, was that move a punishment?

PRES. DONALD TRUMP:

No. I just think he'll do a nice job in the new position. Marco's doing an outstanding job. Now, Marco won't keep – Marco's very busy doing other things, so he's not going to keep it long term. We're going to put somebody else in. But I think Mike was a – as you know, he's a fine guy. And I think he'll do a very good job – knows the countries, knows leadership. And I think he'll do a very good at the United Nations. And in the meantime, Marco's really doing something special. And it's going to work out very well.

KRISTEN WELKER:

We're hearing some potential names. Stephen Miller's name, one of your long-time, most loyal aides. His name has been talked about as a potential national security advisor. Is he someone you're looking at?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I'd love to have Stephen there, but that would be a downgrade. Stephen is very – Stephen is much higher on the totem pole than that, in my opinion.

KRISTEN WELKER:

Can you tell us who the front-runner is right now?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I have a lot of people that want it. I will tell you, I have everybody calling. Everybody wants to be a part of this administration. So at some point we'll – you know, probably do that. You know, there's a theory. Henry Kissinger did both. There's a theory that you don't need two people. But I think I have some really great people that could do a good job.

KRISTEN WELKER:

So Secretary Rubio could continue to have both jobs indefinitely?

PRES. DONALD TRUMP:

He could, yeah. He could. But I think he even would like to probably see – because it is a little bit different. But in the meantime, he'll handle it. And I think Mike, if that goes forward, you know, he still has to get approved. But I think Mike will do a very good job at the United Nations.

KRISTEN WELKER:

Defense Secretary Pete Hegseth obviously also on that unsecure text chain. He was sharing sensitive information. Are you looking for a new secretary of defense, Mr. President?

PRES. DONALD TRUMP:

No. Not even a little bit. No. Pete's going to be great. We're –

KRISTEN WELKER:

His job is safe right now?

PRES. DONALD TRUMP:

We're doing a fantastic job against the Houthis, who like blowing ships up and watching them sink in the ocean. We're hitting them very hard. No, he's doing a very good job.

KRISTEN WELKER:

His job is safe right now?

PRES. DONALD TRUMP:

Totally safe.

KRISTEN WELKER:

Okay. Let's talk about the border.. Let's talk about deportations. Border crossings are at their lowest level ever recorded. Is the border –

PRES. DONALD TRUMP:

Is that good?

KRISTEN WELKER:

Is the border now secure?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah, it's really secure.

KRISTEN WELKER:

It's absolutely secure?

PRES. DONALD TRUMP:

Isn't that good, though? When you say that, doesn't that just sound good? After being abused for years by an incompetent president that allowed people to pour through an open border, criminals from all over the world, murderers and insane people from mental institutions and insane asylums, isn't it – isn't it a beautiful thing when you say, "It's the most secure it's ever been in the history of our country." Isn't that a nice statement?

KRISTEN WELKER:

Well, I'm curious to know what it means. You declared a national emergency on the southern border.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

The order is still in place. Even though –

PRES. DONALD TRUMP:

By the way, it means exactly what you said, you know –

KRISTEN WELKER:

– you're saying the border is secure. Yes.

PRES. DONALD TRUMP:

Means we have the most secure border we've ever had.

KRISTEN WELKER:

Well, and I guess the question becomes –

PRES. DONALD TRUMP:

It's not complicated.

KRISTEN WELKER:

– when will you know that the emergency is over? Are you planning to lift it at some point? Is it necessary? Because obviously, the military's involved. Will you lift that – that emergency order, sir?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, the biggest emergency is the courts aren't allowing us to take really –

KRISTEN WELKER:

We're going to talk about that, but talk to me first about this –

PRES. DONALD TRUMP:

Well, that's to me the emergency because –

KRISTEN WELKER:

Talk to me first about this, the emergency –

PRES. DONALD TRUMP:

The border now is not the emergency. The border is – it's all part of the same thing though. The big emergency right now is that we have thousands of people that we want to take out, and we have some judges that want everybody to go to court –

KRISTEN WELKER:

Some of them you appointed, sir, including three on the Supreme Court.

PRES. DONALD TRUMP:

That's all right. I mean, they change. I mean, it's unbelievable. It's unbelievable how that happens, but they do change.

KRISTEN WELKER:

Just to button this up, though, are you planning to lift that emergency order any time soon now that the border's secure? You say the border's secure.

PRES. DONALD TRUMP:

No, no, no. We have an emergency. We have a massive emergency overall. It's an overall emergency on immigration. And the – if the courts don't allow us to take people out, if we had to have a court case every single – think of it. Every single person, we have millions of people. If you have millions of court cases, figure two weeks a court case, it would be 300 years.

KRISTEN WELKER:

So let's talk about this, because obviously, you've had a back and forth with the Supreme Court. In a 9-0 decision, the Supreme Court directed your administration to facilitate the return, you've talked about this in the past, of Kilmar Abrego Garcia, from a prison in El Salvador, whose deportation your administration called an "administrative error." You said in a recent interview you could bring him back but you won't. Are you defying the Supreme Court, sir?

PRES. DONALD TRUMP:

No. I'm relying on the attorney general of the United States, Pam Bondi, who's very capable, doing a great job. Because I'm not involved in the legality or the illegality. I have lawyers to do that and that's why I have a great DOJ. We have a great one. We had a very corrupt one before. Now we have a great one. And they're not viewing the decision the way you said it. They don't view it that way at all. They think it's a totally different decision.

KRISTEN WELKER:

Well, you say you have the power to bring him back, though. Your attorney general says, quote, "That's up to El Salvador." Just to put a fine point on this, do you have the power to bring Abrego Garcia back as the Supreme Court has ordered?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I have the power to ask for him to come back if I'm instructed by the attorney general that it's legal to do so. But the decision as to whether or not he should come back will be the head of El Salvador. He's a very capable man.

KRISTEN WELKER:

Well, you know, and your attorney general has said the issue is with that word "facilitate." Will you seek clarification from the Supreme Court? Do you need to go back to the Supreme Court?

PRES. DONALD TRUMP:

We may do that. I was asking about that. We may do that. There are some people that say, "Bring him back, put him in trial, and you get him out right away." Because you take – you see what happened just this morning, tapes came out, horrible tapes from his wife. You don't get much worse than that. You don't get, I mean, he seems certainly like a very dangerous, very bad person. But even the wife who was so afraid, she was afraid to talk, and all of a sudden tapes got released this morning that were devastating to him.

KRISTEN WELKER:

And this is the point, sir, about due process. The Constitution says every person, citizens and non-citizens, deserve due process. Why not push to have him come back, present all of that evidence in court, let a judge decide?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I'll leave that to the lawyers, and I'll leave that to the attorney general of the United States, because –

KRISTEN WELKER:

But do you agree –

PRES. DONALD TRUMP:

– they're in it. You have to understand. I'm dealing with Russia and Ukraine. I'm dealing with China –

KRISTEN WELKER:

And we're going to talk about that.

PRES. DONALD TRUMP:

I'm dealing with Iran. I'm dealing with Rwanda and the Congo who are fighting and we're trying to get that one straightened out. And I think we have done that, did a great job. Nobody even talks about it, but I think we're close to doing that. They're looking like they're going to maybe make a peace deal, which was – would be good. But I'm dealing with a lot of different things. I don't know much about this gentleman other than I hear he's an absolute not good person. And I have very capable legal people, John Sauer, as you know, and all top people. And I have to rely on that to interpret whatever is said by the Supreme Court. Now with that being said, I have tremendous respect for the Supreme Court. Look, three of the people are people I appointed.

KRISTEN WELKER:

Right.

PRES. DONALD TRUMP:

And I have great respect for the Supreme Court. And I would expect that the attorney general will be doing the right thing.

KRISTEN WELKER:

Your secretary of state says everyone who's here, citizens and non-citizens, deserve due process. Do you agree, Mr. President?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't know. I'm not, I'm not a lawyer. I don't know.

KRISTEN WELKER:

Well, the Fifth Amendment says as much.

PRES. DONALD TRUMP:

I don't know. It seems – it might say that, but if you're talking about that, then we'd have to have a million or 2 million or 3 million trials. We have thousands of people that are some murderers and some drug dealers and some of the worst people on Earth.

KRISTEN WELKER:

But is –

PRES. DONALD TRUMP:

Some of the worst, most dangerous people on Earth. And I was elected to get them the hell out of here and the courts are holding me from doing it.

KRISTEN WELKER:

But even given those numbers that you're talking about, don't you need to uphold the Constitution of the United States as president?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't know. I have to respond by saying, again, I have brilliant lawyers that work for me, and they are going to obviously follow what the Supreme Court said. What you said is not what I heard the Supreme Court said. They have a different interpretation.

KRISTEN WELKER:

Is anyone in your administration right now in contact with El Salvador about returning Abrego Garcia to the United States?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't know. You'd have to ask the attorney general that question.

KRISTEN WELKER:

Okay. At least two Americans have been mistakenly detained and released by your administration, immigration authorities. Mr. President, should lawful residents of this country start carrying paperwork with them when they leave their homes to be able to prove that they're –

PRES. DONALD TRUMP:

I don't think that'll be necessary, but what you're not saying is that many people have been killed, maimed, badly hurt by illegal immigrants that came over that are from prisons and from jails and from mental institutions. And they're hurting our people. And if we don't get them out, we're not going to have a country for long.

KRISTEN WELKER:

There –

PRES. DONALD TRUMP:

We need honest media, and we need walls. We need to have borders. And, by the way, I built a lot of walls, and if we didn't do that, we wouldn't be able to have those – you know, we would not be able to have the kind of numbers if I wasn't successful in building hundreds of miles of wall.

KRISTEN WELKER:

Very quickly, sir. The last time you and I spoke in December, you said that you would consider working on getting Dreamers legal status. Dreamers, of course, those who are brought here illegally as children. Where do those efforts stand –

PRES. DONALD TRUMP:

Many, many years ago –

KRISTEN WELKER:

Is that a priority for you?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, it's not a priority for the Democrats because every time we talk about it, they don't want to talk about it because I guess they like it as a political issue. But they're not good at political issues because they still want to have men play in women's sports.

KRISTEN WELKER:

Well, Republicans do control Congress right now, Mr. President. Are you going to make

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah, but the Democrats don't –

KRISTEN WELKER:

– Dreamers a priority?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, for that, you would need to have support from Democrats, and we have no support from the Democrats.

KRISTEN WELKER:

Have you had any discussions about Dreamers?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah, we've had discussions. We would do something. I'd love to put a beautiful immigration for everybody. But the Democrats don't want to approve anything. All they want to do is knock out a tax bill. We're trying to get approved right now the biggest tax cut in the history of our country, and if it doesn't get approved, it's a 68% tax increase, and that's what the Democrats want. They want a 68% tax increase. It's rather incredible.

KRISTEN WELKER:

And I do want to talk to you about your legislation, but let's talk about DOGE very quickly. DOGE has fired and then rehired thousands of federal workers, including FAA employees in charge of aviation safety, specialists working on nuclear weapon safety. What do you say to those who believe Elon Musk's chain saw approach has jeopardized the safety and security of Americans?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, he found \$160 billion worth of fraud, waste and abuse. I mean, I think he's done an amazing job. I think his people have done an incredible job. They're brilliant people. They know the computer. I actually asked him, "What's their big trait?" He said, "They're unbelievable at computers." In other words, you can't fake them out. Because these people were in many cases crooks, but it was fraud, waste and abuse. They found – your question should be asked a different way. "Were certain things found?" Yes. "How much?" \$160 billion. Think of what \$160 billion is. If you found 160 –

KRISTEN WELKER:

He said he'd find \$2 trillion.

PRES. DONALD TRUMP:

Well, we're not finished yet. We're not finished yet.

KRISTEN WELKER:

Do you think the work continues even though he's leaving?

PRES. DONALD TRUMP:

Oh yes, of course, sure. He's leaving behind some very brilliant people. They were on television last night. They're super high IQ people. I like high IQ people. The Democrats don't have many of them.

KRISTEN WELKER:

Let me ask you about some news that broke. You are threatening to rescind Harvard's tax-exempt status.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

And yet, directing the IRS to investigate and rescind a university's tax-exempt status is contrary to what's in the federal law. The law says you can't do this. Do you think you're following the law?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I tell you, I'm going to just follow what the lawyers say. They say that we're allowed to do that, and I'm all for it. But everything I say is subject to the laws being 100% adhered to.

KRISTEN WELKER:

Are you willing to take this to court if it becomes a court fight?

PRES. DONALD TRUMP:

Sure, why not?

KRISTEN WELKER:

You're going to take it that far?

PRES. DONALD TRUMP:

We've won a lot of cases.

KRISTEN WELKER:

All right, let's talk about some of the other actions you've taken over the past 100 days. Last month, you directed your attorney general, Pam Bondi, to review two people who you perceive to be your political adversaries. And yet, you told me in December that you would not direct the Justice Department to investigate your political foes. What changed?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, no. I just look at people – and I'm not directing anybody. They looked at these two people. They might have known it or they might have heard it from two years ago. One person

said, “He knew me so well,” he was I think on CNN or MSDNC, but they’re both failing networks, you’re happy to know. Even though one of them I guess is related to you in one form or another, although, they’re trying to cut them loose as fast as possible. But the – it was well-known that this one person, it was almost like he was my brother. I don’t even know who he is. Maybe he was there. Maybe he was in the Oval Office a few times as a surrogate for somebody in some form of government, along with 25 other people that sat in the back of the room or stood in the back of the room. I have no idea who this guy is. And he’s out there and then he did a book called “Anonymous.” Did a book called “Anonymous.” I think that’s really subversion. I think it’s spying, it’s something. It’s something really bad.

KRISTEN WELKER:

Well, you passed an executive order calling for your attorney general to investigate that.

PRES. DONALD TRUMP:

And I think he’s been looked at for a long time. And the other one said that the election was so wonderful. Well, it turned out it wasn’t a wonderful election. It was a corrupt election.

KRISTEN WELKER:

Let me ask it this way, sir, because when we talked in December, I asked you, what is your message to people who didn’t vote for you? Let me remind you of what you said. You said, “I love you, and we’re going to all work together.” How does pursuing your political foes help to unify the country?

PRES. DONALD TRUMP:

Did I really say, “I love you?”

KRISTEN WELKER:

You really did. That’s a direct quote.

PRES. DONALD TRUMP:

I’m sure you’re right, but I’d like to see that.

KRISTEN WELKER:

I promise I’ll show it to you. I’ll show you the tape.

PRES. DONALD TRUMP:

Look –

KRISTEN WELKER:

How does that help to unify the country?

PRES. DONALD TRUMP:

I want to treat people fairly, whether they voted for me or not. I want to have a unified country. It’s very hard because the media’s so fake, including, like, even the way you ask questions. Every question is asked in a negative vein. “There’s a toy company that took a toddler’s you know whatever.” But you don’t talk about the fact that gasoline is down at numbers that nobody believes possible. You know why they’re down, by the way? Drill baby, drill. We’re drilling like crazy right now.

KRISTEN WELKER:

We try to make sure every question is fair, Mr. President.

PRES. DONALD TRUMP:

Well, look. Every question you ask says a very negative slant.

KRISTEN WELKER:

No, no, no. But I’m just curious, are you –

PRES. DONALD TRUMP:

And I’m fine for responding to you. I don’t think you’re very difficult at all to respond to, to be honest with you. But you know what? You should ask some positive things, like, “Sir, it’s amazing what you’ve done with gasoline.” Because you know what? Gasoline’s big business. A stroller is not big business.

KRISTEN WELKER:

But to this question, Mr. President, you said you wanted to unify the country. Does going after political foes undercut that goal?

PRES. DONALD TRUMP:

No, not at all. No, we want honest people.

KRISTEN WELKER:

Okay.

PRES. DONALD TRUMP:

I think you have to do that. And we want honest people in this country.

KRISTEN WELKER:

Let me ask you big picture. People who have lived in countries like the Philippines, Hungary, Russia, they look at some of your actions – going after civil service, going after universities, law firms, the media – they say it's out of an authoritarian playbook. What do you say to those who believe you are taking the country down an authoritarian path?

Recommended

politics

Indictments against Comey and James dismissed; Pentagon launches investigation into Sen. Mark Kelly

Congress

GOP Sen. Jim Justice agrees to pay \$5 million in back taxes after DOJ lawsuit

PRES. DONALD TRUMP:

Well, there you go again. Why don't you ask it a different way? Many people want to come into our country. Many people love Trump. I won the election. They didn't win the election. I got a lot more votes than they did. I won the popular vote. I won all seven swing states by a lot. A lot of people were surprised. They said, "I think he could win four, maybe five." No, I won all seven, and I won by a lot. And I won. Actually, I think there was a lot of hanky panky going on but it was too big to rig. That's the good news. It's too big to rig. But let me just say, so when you make these statements about, "People say this –," well, they had their chance at the election and they lost big. So you should ask the question differently –

KRISTEN WELKER:

What do you say to –

PRES. DONALD TRUMP:

You should say, "What about the people that want to be in this country? What about the people that love this country?"

KRISTEN WELKER:

Okay. But what do you say to – I'm asking it on behalf of those people to give you a chance to respond to them. What do you say to those people, sir?

PRES. DONALD TRUMP:

Those people are going to be very happy. They're going to have to see some results. And I think we had a great 100 days. There are a lot of people that say it was unprecedented. It was an absolutely unprecedented 100 days. And I hope that they're going to be right.

KRISTEN WELKER:

Do you see dissent as an essential part of democracy?

PRES. DONALD TRUMP:

It's a part of democracy. It is. You're always going to have dissent –

KRISTEN WELKER:

Is it an important part of democracy?

PRES. DONALD TRUMP:

You're always going to have – Kristen, you're always going to have dissent. There's nothing you're going to do about that. Am I going to get 100% unified? It would be a strange place. I can't even imagine it where 100%. Look. You have people that are good people. They're very smart people. And they honestly believe we should have open borders and the entire world should

be allowed to pour into our country. I think it's a 95/5 issue, but they believe it. They're not even bad people. Some of them are bad. You have people that honestly believe that men should be allowed to play in women's sports. Some of these people I really, actually I don't know any. I haven't been able to find any, but they exist. They say it's an 80/20 issue. I don't believe that. I think it's a 97 to three issue.

KRISTEN WELKER:

Do you think people should have the right to criticize you without fear of reprisal?

PRES. DONALD TRUMP:

Absolutely. Yeah, I do. That I do.

KRISTEN WELKER:

And how do you square that –

PRES. DONALD TRUMP:

And I think that happens.

KRISTEN WELKER:

How do you square that with the fact that you have passed these executive orders asking the attorney general to look into some of the people who've criticized you, who've been harshest against you?

PRES. DONALD TRUMP:

I have been investigated more than any person in the history of the United States of America. I've been investigated more than the late great, as they say at my rallies, Alphonse Capone. Alphonse Capone was a nasty man. He was a – the highest level gangster. And I have been investigated more than Al Capone, more than anybody. These people are evil people. And I won. And I'll tell you what. All I want to happen is for the Department of Justice and the FBI. Pam is great and Kash is great. I think they're two great people. But they're their own people. They want to do a fantastic job. And all I want to do and all I want to ask for is that they be allowed to do their job. I'm not telling them to do anything. And I believe I have the right to do it. I'm, in theory, the top law enforcement officer as the president. We went over this once before, and it turned out I was right. But I'm not looking to use that. We have two great people, and we have many, many incredible people under them. And I just want them to do their job and do it well.

KRISTEN WELKER:

Let me ask you about something I don't think you've been asked much about, which is you've branded your own cryptocurrency. The coin's value actually surged recently after you announced that top holders would be invited to have dinner –

PRES. DONALD TRUMP:

I don't even know that. What did it surge to –

KRISTEN WELKER:

– that people wanted to – what did it surge to?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah. What's it worth? You might as well tell me, because I have no idea.

KRISTEN WELKER:

Well, it surged, I will find it, hold on one second, 5.2 or 58%, so 58%.

PRES. DONALD TRUMP:

To what number?

KRISTEN WELKER:

That's not bad, 14.32.

PRES. DONALD TRUMP:

What, billion?

KRISTEN WELKER:

For – no, dollars per cryptocurrency.

PRES. DONALD TRUMP:

Billion dollars?

KRISTEN WELKER:

No.

PRES. DONALD TRUMP:

What's the number? I mean, what is the amount?

KRISTEN WELKER:

The meme coin's value hit a peak of 75.35 on January 19.

PRES. DONALD TRUMP

Well, that doesn't mean anything.

KRISTEN WELKER:

And that's before your inauguration, and then it surged.

PRES. DONALD TRUMP:

Look. I'm in favor of crypto.

KRISTEN WELKER:

Okay. But let me just ask you –

PRES. DONALD TRUMP:

You know what I'm in favor of it –

KRISTEN WELKER:

– what do you say to those who argue that when they hear that, they worry you're profiting from the presidency?

PRES. DONALD TRUMP:

I'm not profiting from anything. All I'm doing is, I started this long before the election. I want crypto. I think crypto's important because if we don't do it, China's going to. And it's new, it's very popular, it's very hot. If you look at the market, when the market went down, that stayed much stronger than other aspects of the market. But I want crypto because a lot of people, you know millions of people want it. I don't know if you know that Biden went after it violently, and then before the election, he changed his tune entirely. His head of the SEC, everybody changed their tune. You know why? Because there were hundreds of millions of people that are participating in crypto, and they wanted to get their votes. But it didn't work–

KRISTEN WELKER:

So you're not profiting off of the cryptocurrency at all?

PRES. DONALD TRUMP:

I haven't even looked.

KRISTEN WELKER:

Has your family?

PRES. DONALD TRUMP:

But I'll tell you what. Look, if I own stock in something and I do a good job, and the stock market goes up, I guess I'm profiting. But who really profits is somebody like Nancy Pelosi, who uses inside information. She worked for \$175,000 a year, and that's at the high end. And she's worth \$150, \$200 million? Okay? You ought to look at Nancy Pelosi and you ought to look at some of these politicians that are stone cold crooks. I was very wealthy when I came in. Being president probably cost me money if you really look. In fact, I do something that no other president has done, they think maybe George Washington has done. I contribute my entire salary to the government, back to the government. And I'm doing it again.

KRISTEN WELKER:

So will you contribute anything you earn from crypto back to the government if that happens?

PRES. DONALD TRUMP:

I never thought of that. I mean, should I contribute all of my real estate that I've owned for many years if it goes up a little bit because I'm president and doing a good job? I don't think so.

KRISTEN WELKER:

Okay.

PRES. DONALD TRUMP:

But I've done something that surprisingly they say nobody else has done, no other president has done. I give, and it's a substantial salary. It's a half a million dollars a year or \$550,000 a year, four years, couple of million dollars. I gave it to the government last time. I never got a story saying I gave it. Nobody cared if I gave it. I guarantee if I didn't give it, there'd be a big story. But no other president, they say with the possible exception of George Washington, and they haven't been able to find those records. And we've had wealthy presidents before, but no other president has contributed his salary. And they told me before this that you will probably be asking me whether or not I'm going to contribute my salary again. But you haven't asked that.

KRISTEN WELKER:

Are you going to?

PRES. DONALD TRUMP:

Yes.

KRISTEN WELKER:

You are? Okay.

PRES. DONALD TRUMP:

Yes. I am.

KRISTEN WELKER:

Okay. Well, I appreciate — we just made news there. Let's talk about foreign policy, sir. You just signed a minerals deal with Ukraine. It's a sign, it seems, that the United States is invested in Ukraine's future. The secretary of state told me this is a very critical week. Are you any closer to reaching a peace agreement between Ukraine and Russia?

PRES. DONALD TRUMP:

I hope so.

KRISTEN WELKER:

How would you characterize it?

PRES. DONALD TRUMP:

I do believe we're closer with one party, and maybe not as close with the other. But we'll have to see. I'd like to not say which one we're closer to. But we did do a deal for the American people that was good. We were able to get rare earth, you know? The Europeans are getting paid back. They have a loan. We didn't — Biden just gave them \$350 billion. He has no idea where the money is, what happened. And at least we'll, in one form or another, get our — yeah, I don't feel so foolish. And remember this, this is Biden's war. This was a war that was never going to happen if I were president. This is a horrible, horrible war. And I get to see shots of soldiers through, you know, satellite that are so, just so, terrible. 5,000 soldiers are being, look 5,000 soldiers a week on average are dying. They're not American soldiers. But I want to solve the problem. They're Russian soldiers, and they're Ukrainian soldiers. And if I can save 5,000 souls, I just love doing it.

KRISTEN WELKER:

How long do you give both countries before you're going to walk away?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, there will be a time when I will say, "Okay, keep going. Keep being stupid and keep fighting."

KRISTEN WELKER:

When does that come? Are you close to it?

PRES. DONALD TRUMP:

Sometimes I get close to it, and then positive things happen, okay? So I hope it gets done.

KRISTEN WELKER:

Your close ally, Senator Lindsey Graham, has a sanctions bill against Russia. If you get to that point, Mr. President, where you're prepared to walk away, will you support — will you sign that sanctions bill?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, it depends on whether or not Russia is behaving toward coming to a peace. We want a peace deal. We want Russia and Ukraine to agree to a deal. We think we're fairly close, and we're going to save a lot of people from being killed. Going to save a lot of money, too. Because we're spending money like – you know, Europe is spending a third of the money that we're spending. And it's more important for Europe than it is for us. Biden had no control. He just sent money over there willy-nilly, nobody had any idea what was happening, why they were doing it, why they were sending it. And it was massive amounts of money.

KRISTEN WELKER:

So you think you're close to a deal? What will Russia have to give up? Because Ukraine, there's been discussions they will have to give up some of the land that Russia's illegally claimed.

PRES. DONALD TRUMP:

Russia will have to give up all of Ukraine. Because that's what they want.

KRISTEN WELKER:

All of Ukraine? Meaning they wouldn't keep any of the land that they have claimed?

PRES. DONALD TRUMP:

No, no. Russia would have to give up all of Ukraine. Because what Russia wants is all of Ukraine. And if I didn't get involved, they would be fighting right now for all of Ukraine. Russia doesn't want the strip that they have now; Russia wants all of Ukraine. And if it weren't me, they would keep going. Do you know that the European Union leaders have asked me to call Putin so many times? Because he doesn't return their phone call.

KRISTEN WELKER:

You, you, posted on social media he might be "tapping" you along.

PRES. DONALD TRUMP:

Might be.

KRISTEN WELKER:

Did you misread him–

PRES. DONALD TRUMP:

But you might be tapping me along, too, when you tell me how nice an interview this is going to be. So you know, I'm used to being tapped along.

KRISTEN WELKER:

Did you in any way misread Vladimir Putin?

PRES. DONALD TRUMP:

Did I what?

KRISTEN WELKER:

Misread him? Now that you're saying that.

PRES. DONALD TRUMP:

No, I'll tell you about in a month from now, or two weeks from now. I have no idea. I can tell you this, he's – his ambition was stopped to a large extent when he saw that it was me that was now leading the charge. Because he wasn't dealing with anybody in Europe, he wasn't calling them back. Do you know that I asked him, I said, "Did Biden ever call you in three years? Did Biden ever call?" He said, "He never called." You know, Biden didn't call him one time? And all these thousands of soldiers, hundreds, millions of soldiers are dying, and people, not only soldiers. People dying in the cities, and the towns, and the whole heritage of that country is being blown apart. I mean, the country's heritage is being blown apart. You know the steeples, those beautiful spires that you see, you know the most beautiful in the world? Almost 95% of them are laying in smithereens, all broken up and, so sad, laying all over the ground because they were shot. It's really a bad situation. And he didn't get one phone call from Biden. The war would've never started. And by the way, for four years it didn't start. I was there for four years, it was the apple of his eye. This was the apple of Putin's eye. There was no chance he would have gone in.

KRISTEN WELKER:

What's the red line for you? At what point do you say, "That's it, we're walking away?"

PRES. DONALD TRUMP:

Well, you'll know. I mean, there will be a time when I may say that. And if I do –

KRISTEN WELKER:

But you're not there?

PRES. DONALD TRUMP:

– there may be something. I can't – maybe it's not possible to do. There's tremendous hatred, just so you understand. Kristen, we're talking tremendous hatred between these two men and between, you know, some of the soldiers, frankly. Between the generals. They've been fighting hard for three years. I think we have a very good chance of doing it.

KRISTEN WELKER:

Very quickly, if you do walk away, would that mean that you would pull military and intelligence sharing?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't want to say that now. It's too early to say that. I don't want to get into that argument.

KRISTEN WELKER:

Okay, let's move onto Canada. You have long talked about making Canada the 51st state. There's obviously a new prime minister of Canada, Mark Carney, who you spoke to –

PRES. DONALD TRUMP:

Correct.

KRISTEN WELKER:

– after his victory. He says that you didn't talk to him in that call about making Canada a 51st state.

PRES. DONALD TRUMP:

No. He called me, he was very nice, and I congratulated him. He had a victory. It's a very close victory. You know, there's no majority or anything, so that's going to make things a little bit difficult, I think, for him to run. But he'd nevertheless had a victory. And he's a very nice man, I think.

KRISTEN WELKER:

Do you plan to talk to him about making Canada a 51st state?

PRES. DONALD TRUMP:

He wants to come and see me. He's going to come this week or next week.

KRISTEN WELKER:

So will you talk to him about making Canada a 51st state, annexing Canada?

PRES. DONALD TRUMP:

I'll always talk about that. You know why? We subsidize Canada to the tune of \$200 billion a year. We don't need their cars. In fact, we don't want their cars. We don't need their energy. We don't even want their energy. We have more than they do. We don't want their lumber. We have great lumber. All I have to do is free it up from the environmental lunatics. We don't need anything that they have. We're giving them – I asked, I asked Mr. Trudeau – who I call Governor Trudeau, not Prime Minister, Governor – I said, "Governor Trudeau, could I ask you one question? Why are we giving you \$200 billion? Why are we subsidizing Canada?" If Canada was a state it wouldn't cost us. It would be great. It would be such a great – it would be a cherished state. And, if you look at our map, if you look at the geography – I'm a real estate guy at heart. When I look down at that without that artificial line that was drawn with a ruler many years ago – was just an artificial line, goes straight across. You don't even realize. What a beautiful country it would be. It would be great. But, I don't think the American public wants me to pay \$200 billion a year to subsidize Canada. Again, remember this, we don't need their cars, we don't need their lumber, we don't need their energy. We don't need anything. We do very little business with Canada. They do all of their business practically with us. They need us. We don't need them.

KRISTEN WELKER:

You and I talked, and I asked you if you would rule out military force to take Greenland. And you said, no, you don't rule out anything. Would you rule out military force to take Canada?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I think we're not going to ever get to that point. It could happen. Something could happen with Greenland. I'll be honest, we need that for national and international security. But I think –

KRISTEN WELKER:

But not with Canada?

PRES. DONALD TRUMP:

– it's highly unlikely. I don't see it with Canada. I just don't see it, I have to be honest with you.

KRISTEN WELKER:

Okay, but you don't rule it out for Greenland?

PRES. DONALD TRUMP:

And by the way, Canada, they spend less money on military than practically any nation in the world. They pay NATO less than any nation. They think we are subsidizing, they think we are going to protect them, and really, we are. But the truth is, they don't carry their full share, and it's unfair to the United States and our taxpayers.

KRISTEN WELKER:

But you are not ruling out military force to take Greenland one day?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't rule it out. I don't say I'm going to do it, but I don't rule out anything. No, not there. We need Greenland very badly. Greenland is a very small amount of people, which we'll take care of, and we'll cherish them, and all of that. But we need that for international security. Do you know, we have Russian boats and we have Chinese boats, gun ships all over the place – aircraft carriers, gun ships – going up and down the coast of Greenland. We need that to be protected. Internationally we need it.

KRISTEN WELKER:

So you are willing to send U.S. troops to claim a sovereign territory?

PRES. DONALD TRUMP:

I didn't say that. You asked me a question, "Would you, is there a circumstance?" It could happen. I doubt it will, but it certainly could happen with respect to Greenland.

KRISTEN WELKER:

Okay. Let me ask you about Iran. Your administration has had conversations with Iran. Is the goal of these talks limiting Iran's nuclear program or total dismantlement?

PRES. DONALD TRUMP:

Total dismantlement.

KRISTEN WELKER:

That's all you'll accept?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah, that's all I'd accept. Now, there's a new theory going out there that Iran would be allowed to have civilian – meaning to make electricity and to – but I say, you know, they have so much oil, what do they need it for? But you know, I've seen it with other states, where they're looking to do something and they have a lot of oil. Iran has tremendous energy. You know I put sanctions, if you know that, I put pretty strong sanctions on two days ago, on the oil. The sad part is that if Biden didn't get involved, if we had a competent president, you would've never had the attack on Israel. October 7th would've never taken place. Hamas would've had no money. Because Iran was broke. And now in a period of four years, during the Biden administration, they became very rich. They have over \$300 million cash in the bank. And they had no money. They were ready to make a deal with me, and it's very sad. Because of this rigged election they didn't do it. Just another thing you can mark down to a bad election.

KRISTEN WELKER:

It's interesting what you're saying, though. Because Secretary Rubio has said that he would accept, or the idea is that there is an openness to accepting a peaceful, civil nuclear program.

PRES. DONALD TRUMP:

Well that's what people – I didn't say anything contradictory. I said that people are talking about that. And this is something that's really pretty new in the dialogue. And I'd have to be, you know, my inclination is to say, "What do you need that for? You have a lot of oil."

KRISTEN WELKER:

So you want total dismantlement, bottom line?

PRES. DONALD TRUMP:

I think that I would be open to hearing it, you know? Civilian energy, it's called. But you know, civilian energy often leads to military wars. And we don't wanna have them have a nuclear weapon. It's a very simple deal. I want Iran to be really successful, really great, really fantastic. The only thing they can't have is a nuclear weapon. If they want to be successful, that's okay. I want them to be so successful. And you know, the Iranian people are incredible. I just don't want them to have a nuclear weapon because the world will be destroyed.

KRISTEN WELKER:

Just to recap, we're talking about your desire to claim Canada, Greenland. What do you say to people –

PRES. DONALD TRUMP:

You forgot the Panama Canal.

KRISTEN WELKER:

Panama Canal. What do you say to people who say they voted for you because they wanted you to end foreign conflicts, not start new ones?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't see that as conflict. I think that's good for our country, those things. Look, the Panama Canal was taken over by China, effectively. Now China seems to have left. But the Panama Canal – think of this deal. We built the most expensive object we've ever built in the history of our country. That was Mount McKinley, they just took away, I just gave it back the name. But, McKinley made the money, Teddy Roosevelt spent the money. McKinley takes gets very little credit, you know but you know how he made the money? Through tariffs. He was the big tariff president. Okay, but forget that. We built the Panama Canal. It was the most expensive thing. It would be the equivalent, like, almost \$2 trillion today. We've never spent there – and it was very successful. And Jimmy Carter gave it away for \$1.

KRISTEN WELKER:

Panama insists they –

PRES. DONALD TRUMP:

This is the kind of leadership –

KRISTEN WELKER:

Panama says they do control the canal. But we have a couple more questions left, and I'm getting a little wrap.

PRES. DONALD TRUMP:

Panama said what? Panama said what?

KRISTEN WELKER:

Panama says they still control it. I know you're saying China. Panama says they still control it.

PRES. DONALD TRUMP:

You know, if you would have gone there about 5.2 months ago, every single sign on the Panama Canal, with the exception of about 15% of them, was in Chinese.

KRISTEN WELKER:

Yeah. Let me ask you, because we're nearing the end, just a couple more questions here.

PRES. DONALD TRUMP:

I'm not complaining. You keep saying to me like I'm rushing –

KRISTEN WELKER:

No, you're not. And I really appreciate it.

PRES. DONALD TRUMP:

I don't want to rush you. I don't want to make you nervous.

KRISTEN WELKER:

Thank you. The Trump organization is selling hats that say, "Trump 2028."

PRES. DONALD TRUMP

Yeah.

KRISTEN WELKER:

Are you seriously considering a third term, Mr. President, even though it's prohibited by the Constitution? Or is this about staying politically viable?

PRES. DONALD TRUMP:

I will say this. So many people want me to do it. I have never had requests so strong as that. But it's something that, to the best of my knowledge, you're not allowed to do. I don't know if that's constitutional that they're not allowing you to do it or anything else. But, there are many people selling the 2028 hat. But this is not something I'm looking to do. I'm looking to have four great years and turn it over to somebody, ideally a great Republican, a great Republican to carry it forward. But I think we're going to have four years, and I think four years is plenty of time to do something really spectacular.

KRISTEN WELKER:

The Constitution does prohibit it. Have you – some of your allies are pretty serious about this, though, Mr. President. And I've spoken to them. They say they are coming up with potential ways, obviously the biggest one would be a constitutional amendment.

PRES. DONALD TRUMP:

That's because they like the job I'm doing, and it's a compliment. It's really a great compliment.

KRISTEN WELKER:

Has anyone approached you, though, with an actual plan, a way to actually start the process of a constitutional amendment?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, there are ways of doing it. There are ways of doing it. And you know the same thing. And if you look at the vice presidential thing, and you hear different concepts and different other people say, "You can have a write-in vote." There's lots of different things. With all of that being said, I want to be a great president. I will have served – hopefully everything will go well. I feel very good. I just did a physical. I took – unlike all other presidents, I took cognitive tests and I aced it. I got 100% correct. And the doctor, one doctor said – there were numerous doctors watching. And he said, "I've never seen that before." Biden didn't take a cognitive – he couldn't have gotten the first question right. But I came out great with the physical, both physically and mentally. And I just want to serve, do a great job. I'll be an eight-year president, I'll be a two-term president. I always thought that was very important, to be honest with you. You know, if you look at President Polk, he was a one-termer and he did some great things, actually. Pretty good president. And I'm not saying you can't do that. But, there's something about being a two-term president that was very important to me.

KRISTEN WELKER:

And just to put a button on it, has anyone in an official capacity presented you with, "Sir, here are some ideas by which you could actually get a constitutional amendment?"

PRES. DONALD TRUMP:

Well, in a capacity of being a big supporter, many people have said different things –

KRISTEN WELKER:

Okay.

PRES. DONALD TRUMP:

But, I'm not looking at that.

KRISTEN WELKER:

You haven't had official meetings about it?

PRES. DONALD TRUMP:

No. And – and just so you understand, four years is a long time. I have almost four years. You know, all of these things that we’ve done, we’ve done more than any president – and even you might admit that. Nobody’s done the extent of – of the things that we’ve done. Nobody’s done this, in essentially a little bit more than three months. As they say, 100 days. I’m looking to do a great job as president, and set the country on the right track. Because if I didn’t win, this country would’ve failed. We would’ve been a failed nation.

KRISTEN WELKER:

You have built a political movement that has transformed the Republican Party –

PRES. DONALD TRUMP:

Greatest in history.

KRISTEN WELKER:

It’s transformed the country –

PRES. DONALD TRUMP:

The greatest –

KRISTEN WELKER:

– quite frankly.

PRES. DONALD TRUMP:

– political movement in history, MAGA.

KRISTEN WELKER:

When you –

PRES. DONALD TRUMP:

Make America Great Again.

KRISTEN WELKER:

When you look to the future, Mr. President, do you think the MAGA movement can survive without you as its leader?

PRES. DONALD TRUMP:

Yes, I do.

KRISTEN WELKER:

What gives you confidence?

PRES. DONALD TRUMP:

I think it’s so strong. And I think we have tremendous people. I think we have a tremendous group of people. We talked about a number of them. You look at Marco, you look at JD Vance, who’s fantastic. You look at – I could name 10, 15, 20 people right now just sitting here. No, I think we have a tremendous party. And you know what I can’t name? I can’t name one Democrat. I mean, I look at the Democrats, they’re in total disarray. They have a new person named Crockett. I watched her speak the other day. She’s definitely a low IQ person. And they said she’s the future of the party. I said, “You have to be kidding.” I don’t know what they’re going to do. And I really believe in a two-party system. I really – because it’s good to be challenged. It’s really good to have a two-party – you know, it’s good. Being challenged is okay. It keeps you sharp. I don’t know what they’re going to do. They have nobody. Bernie’s 87 years old or something. And you know, Biden is the worst thing that ever happened to old people because he was grossly incompetent. And I think maybe for artificial reasons. You know, he had operations and things. So maybe that’s an artificial – but I know people that are unbelievably sharp and they’re older than 87. But I watch Bernie Sanders. He’s a nut job, but he’s still sharp. He’s sharp as – he’s the same guy he was. He hasn’t gone down. But Biden is really – he’s the worst thing to happen to old people.

KRISTEN WELKER:

I know that you are only 100 days in, but as we sit here today, who do you see as your successor, Mr. President?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I – it’s far too early to say that. But you know, I do have a vice president, and typically – and JD’s doing a fantastic job. It –

KRISTEN WELKER:

He would be at the top of the list?

PRES. DONALD TRUMP:

It – it could very well be – I – I don't want to get involved in that. I think he's a fantastic, brilliant guy. Marco is great. There's a lot of them that are great. I – I also see tremendous unity. But certainly you would say that somebody's the VP, if that person is outstanding, I guess that person would have an advantage. But I think the other people would all stay in unbelievably high positions. But you know, it could be that he'd be challenged by somebody. We have a lot of good people in this party.

Second portion

KRISTEN WELKER:

Mr. President, thank you for having us here at Mar-a-

PRES. DONALD TRUMP:

Well, thank you.

KRISTEN WELKER:

– Lago. What does Mar-a-Lago mean to you? It's a special place.

PRES. DONALD TRUMP:

It is a special – there's no place like it. You look no matter where – it's just – there's nothing like it. And it's become really the heart of Florida in a way but certainly the heart of Palm Beach, which is an important place. And I just don't think there's anything more beautiful in this country than Mar-a-Lago as, you know, as a physical object. It's been amazing, and it's been very successful and very special.

KRISTEN WELKER:

It's the winter White House.

PRES. DONALD TRUMP:

It is. It was built, you know by –

KRISTEN WELKER:

Or it was built, essentially, for that reason.

PRES. DONALD TRUMP:

– E.F. Hutton and Marjorie Merriweather Post. They were married. He was the biggest man on Wall Street, and she was the richest woman in the world actually. And they built it together. And it just – they picked the best site. They picked the best architects. They had unlimited money, and they built it. Now it's a – it's a very special place. And Palm Beach likes me because I saved it. Most of these places were ripped down and 10 or 15 or 20 houses, mansions – beautiful mansions also but much smaller – they were built on those sites. And I was able to save this, which is very important.

KRISTEN WELKER:

Well, and I know that you were just in Michigan.

PRES. DONALD TRUMP:

Right.

KRISTEN WELKER:

You were just talking to folks in Michigan to mark 100 days.

PRES. DONALD TRUMP:

Right.

KRISTEN WELKER:

Do you anticipate doing more travel across the country? And what do you do to stay in touch with the workers who elected you, sir?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, I just went to a great place, University of Alabama, last night. This was some unbelievable evening. And I gave the commencement address, and it's, like, different. Everybody was so awake, so lively, so – so attractive. And I'm not talking just physically attractive, just there was such an energy in the room. And it was really nice. You know, I won Alabama by many, many, many points. And they asked me to do it. And they put all of their – they had nine different, you

know, business and law and this and that, all those different things. They put them all – journalism by the way – they put them all together, and we were in the big – that big arena. And it was tremendous energy. And – and that’s a little bit, you know, to your question, yeah, I think I get out quite a bit. I went to Michigan. I went –

KRISTEN WELKER:

You think you’ll do more in these second 100 days?

PRES. DONALD TRUMP:

I think I will. But we’re talking about the great, big, beautiful bill, you know, that we’re trying to get passed. It’ll be the biggest tax cuts in the history of our country, and hopefully it’ll get done. And the Democrats are fighting us. And if it doesn’t get done, it’s going to be a 68% tax increase. So that’s going to be the Democrats. But I think we’re going to have it done. I think the Republicans are going to vote for it. And it’ll be the most consequential bill I think in the history of our country.

KRISTEN WELKER:

Leader Thune says he wants to get it done by July 4th.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

Do you think that’s possible?

PRES. DONALD TRUMP:

I think it is, and I think he’s doing a fantastic job. And Mike Johnson, Speaker, is doing a fantastic job, and they’re both getting together well. There’s great unity in the Republican Party. The Republican Party’s a much different party than it was.

KRISTEN WELKER:

What happens if it comes to your desk, has the tax cuts, but also cuts to Medicaid? Would you veto that?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, we’re not doing that. No, we’re not –

KRISTEN WELKER:

Would you veto that?

PRES. DONALD TRUMP:

I would if they were cutting it, but they’re not cutting it. They’re looking at fraud, waste and abuse. And nobody minds that. If illegal immigrants are in the mix, if people that aren’t supposed to be there, people that are non-citizens are in the mix, nobody minds that. Waste, fraud and abuse. But we’re not cutting Medicaid, we’re not cutting Medicare, and we’re not cutting Social Security.

KRISTEN WELKER:

You also unveiled a budget.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

Deep cuts in some social services. What do you say to folks who may look at these cuts and say, “It’s going to impact education. It could impact people who rely on services for the poor?”

PRES. DONALD TRUMP:

Well, from what I understand – and first of all, the budget is a very preliminary instrument

KRISTEN WELKER:

Yes.

PRES. DONALD TRUMP:

– and I think that when it’s all said and done you’re going to see a wonderful budget for everybody, really everybody. I would actually say the middle class probably goes to the fore, and it’s about time. But we took care of the middle class during my – during the original Trump tax cuts we really took care of the middle class. The people with the least amount of money actually

were the biggest – and this isn't just the middle class. The least amount of money, the poorest people, proportionately gained the most. And that's what we're looking to do here.

KRISTEN WELKER:

So you're not concerned about it impacting education and other services?

PRES. DONALD TRUMP:

No. It depends what education. If you're talking about Harvard, which has a –

KRISTEN WELKER:

No, no, I'm talking about education –

PRES. DONALD TRUMP:

– \$53 billion in the bank because of a lot of things that they've been able to do and that the government help them with. That's different. But, no, not education. We're bringing education back to the states.

KRISTEN WELKER:

Let me talk to you about TikTok –

PRES. DONALD TRUMP:

You know, that's a big thing because education coming back to the states is a very big thing. We're going to bring it back. The United States does not do well with education. We're number 37, 38, 39 and 40 out of 40. And we're going to bring it back to the states and we're going to go to among the top ten I believe.

KRISTEN WELKER:

Let me ask you about TikTok, sir. Would you extend that deadline if there's still no deal? You already –

PRES. DONALD TRUMP:

I would.

KRISTEN WELKER:

– put one extension – you would?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah, I would.

KRISTEN WELKER:

So, you're going to – you want to see a deal?

PRES. DONALD TRUMP:

I'd like to see it done. I have a little sweet spot in my heart because, as you know, I won young people by 36 points. That's a lot. No Republican ever won young people, and I won it by 36 points, and I focused on TikTok. So perhaps I shouldn't say this, but I have a little warm spot in my heart for TikTok. TikTok is – it's very interesting, but it'll be protected. It'll be very strongly protected. But if it needs an extension, I would be willing to give it an extension, might not need it.

KRISTEN WELKER:

But where are discussions? Is it close to a deal?

PRES. DONALD TRUMP:

Well we're not –

KRISTEN WELKER:

Is someone close to –

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah. Yeah, we –

KRISTEN WELKER:

– purchasing it?

PRES. DONALD TRUMP:

– actually have a deal. We have a group of purchasers, very substantial people. They're going to pay a lot of money. It's a good thing for us. It's a good thing for China. It's going to be, I think, very good. But because of the fact that I've essentially cut off China right now with the tariffs that are so high that they're not going to be able to do much business with the United States.

But if we make a deal with China I'm sure that'll be a subject, and it'll be a very easy subject to solve.

KRISTEN WELKER:

We're talking about your agenda, your budget bill, your tax bill, and you think about the next big test, which is the midterms. How do you see your role in the midterms?

PRES. DONALD TRUMP:

I'm going to be very active. I've raised a lot of money for congressmen and senators that I think are good – really good people. We have some great Republican congressmen and women and senators that love this country, and they're not lunatics like some of these Democrats. What they're doing to the country is incredible. It's insane. There's something wrong with them. They suffer a major case of Trump Derangement Syndrome. I mean, it doesn't – nothing matters to them other than that. Yeah, I'm going to be much involved. The interesting thing is – and nobody can explain why – but when somebody wins the presidency they seem to lose Congress. They seem to lose the House and the Senate or –

KRISTEN WELKER:

How concerned are you about that?

PRES. DONALD TRUMP:

I don't know why it would be. I think we should do better. But if you look it's pretty consistent that whoever wins the presidency ends up losing the House, losing the Senate. I think we're going to turn that around. I think we're going to turn it around easy. It should be the opposite. If we do a good job, let's say as president if I do a good job, it should be the opposite. So hopefully we'll dispel that.

KRISTEN WELKER:

Well, it looks like you're also looking at the history books.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

How concerned are you about losing one or both chambers?

PRES. DONALD TRUMP:

It's a long way away. It's a long way. You know, we're in here for a little more than three months. We have a long way to go. I've raised a lot of money. We're having a fundraiser at Mar-a-Lago tonight for exactly that purpose. We want to win the House in bigger numbers. But, you know, we had a one majority three months ago. Now we have seven because we won a few races. I guess you know that. But we won a few races. But we're up seven now, and we're up – we have 53 senators. And I think we're going to be in very good position. I expect to win by a bigger margin than we have now.

KRISTEN WELKER:

If you do lose one chamber, are there areas where you think you could find common ground with Democrats?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, there should be, but they seem to be stone cold. Look –

KRISTEN WELKER:

Is there anything –

PRES. DONALD TRUMP:

– the one –

KRISTEN WELKER:

– in your mind though?

PRES. DONALD TRUMP:

– thing I will say about the Democrats, they stick together. They have horrible policy. Men in women's sports, transgender for everyone, open borders. The craziest policies I've ever seen. But regardless of how crazy they are, they stick together. And I respect that. I think it's a great thing. And I think the Republicans are starting to do that also.

KRISTEN WELKER:

So looking forward, sir, one of the big features of your first administration was the first lady. She had her “Be Best” campaign.

PRES. DONALD TRUMP:

Right.

KRISTEN WELKER:

Will people start to see more of her? Will she come back –

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah –

KRISTEN WELKER:

– with her “Be Best” campaign, for example? Can you give us a little –

PRES. DONALD TRUMP:

Sure.

KRISTEN WELKER:

– bit of a preview of what we can see?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, as an example, she did a book and she was number one bestseller for a long time, for many, many weeks. The people love her. She’s a very private person, which I respect a lot. She doesn’t have to be out. I know people where they have wives in politics and the wife wants to be in front of the husband all day long, waving to everybody. She’s got great confidence in herself and she doesn’t need that. But when she goes out. We were out, as you know, last weekend. It was an amazing, amazing day. The people love her. They really respect her, and they love her. Yeah, she’ll be very much involved.

KRISTEN WELKER:

And that’s part of why I’m asking you. I mean, can people expect to see her revive her “Be Best” campaign? Can you give –

PRES. DONALD TRUMP:

Well, she is –

KRISTEN WELKER:

– us a little preview?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, it’s still a campaign that’s very important to her, and it’s sort of a cute name, “Be Best.” I said, “That’s a strange name,” but it’s really beautiful and it sort of, you know, means something now that I didn’t understand, lot of people didn’t understand. And she’s done a great job. She’s raised a lot of money. She cares a lot about people, really cares a lot about people –

KRISTEN WELKER:

When you and I talked in December we talked about the fact that in this second administration your family is not there.

PRES. DONALD TRUMP:

Well, that was –

KRISTEN WELKER:

And they were really some of your closest advisors –

PRES. DONALD TRUMP:

Sure. Sure.

KRISTEN WELKER:

What is it like to be there and are they still, I would imagine, your closest advisors?

PRES. DONALD TRUMP:

They’re with me all the way. But I think they were treated very unfairly. Ivanka worked so hard on getting jobs for people. You know, I wanted to make her the head of – the ambassador to the United Nations. There would be nobody that would be better than her. She said, “Dad, I don’t want to do that. I just want to get” – you know, she worked on getting people jobs. It sounds good in one way, but it doesn’t sound as exciting as other jobs. And she just wanted to do that. And she

got hundreds of thousands of jobs for people. It made her so happy. She's a good person. The way they went after Don and Eric, I said, "Just relax," because I thought it was unfair. They went after these kids, and they're really good. And they're no longer kids, but they're always going to be my kids.

KRISTEN WELKER:

Yeah.

PRES. DONALD TRUMP:

They were treated so unfairly.

KRISTEN WELKER:

Barron's in college now. How is he liking college?

PRES. DONALD TRUMP:

Right.

KRISTEN WELKER:

How's he doing?

PRES. DONALD TRUMP:

He's a great student. He's doing very well, goes to a great school. But he's doing really well.

KRISTEN WELKER:

And is there any challenge being in college, having your dad as president of the United States?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, you'll have to ask him someday that, but we try and make it as normal as possible. There's nothing normal about it. But he's a very great guy and wonderful kid.

KRISTEN WELKER:

Your birthday's coming up.

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

And there are reports that you're looking into the possibility of a military –

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah –

KRISTEN WELKER:

– parade.

PRES. DONALD TRUMP:

Not for my birthday.

KRISTEN WELKER:

When can you tell – when would it be? What can you tell me?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, my birthday happens to be on Flag Day. So –

KRISTEN WELKER:

Well, there you go –

PRES. DONALD TRUMP:

– I think they're talking about Flag Day. But I view it for Flag Day, not necessarily my birthday. Somebody put it together. But no, I think we're going to do something on June 14th maybe or somewhere around there. But I think June 14th, it's a very important day. It's Flag Day, plus we're going to have different days. You know, if you look at Russia, they celebrate Victory Day.

KRISTEN WELKER:

Yeah.

PRES. DONALD TRUMP:

If you look at France, I was talking to Prime Minister Macron and he says, "Yes, there's Victory Day, Victory Day." And I say, "Victory Day for what?" "World War II." I said, "Well,

we had more to do with winning World War II than any other nation. Why don't we have a Victory Day?" So we're going to have a Victory Day for World War I and for World War II.

KRISTEN WELKER:

And will it be a military parade? What can people expect?

PRES. DONALD TRUMP:

And you have breaking news because nobody knows this. We're going to have Victory Day for World War I and for World War II. Well, it's going to start off by saying, "It's Victory Day," because, you know, when other nations, some of which weren't even very successful in the war, they have Victory Days and the United States doesn't. And we're the one that won those wars with the help of others, with the help of others. But we're going to have a Victory Day for I and II.

KRISTEN WELKER:

But one day, right? Both on one day?

PRES. DONALD TRUMP:

Maybe not because –

KRISTEN WELKER:

Oh, really? More than one day?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, they took place on very different days, you know. They're about six months apart. So I think you can have two days. This doesn't mean we're going to go and not work and have a national holiday and all of that because we don't have many of those days left. You know, eventually our country will become all national holidays. But we're going to acknowledge by having days for World War I victory and World War II victory –

KRISTEN WELKER:

And just paint a picture for me. What will those parades look like? Will it be military parades?

PRES. DONALD TRUMP:

You mean, like, on Flag Day?

KRISTEN WELKER:

Yes.

PRES. DONALD TRUMP:

We're going to have a big, beautiful parade.

KRISTEN WELKER:

A military parade?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah, sure.

KRISTEN WELKER:

Okay.

PRES. DONALD TRUMP:

We're going to celebrate our military. We have the greatest military in the world –

KRISTEN WELKER:

What's the price tag? Do you know?

PRES. DONALD TRUMP:

Peanuts compared to the value of doing it. We have the greatest missiles in the world. We have the greatest submarines in the world. We have the greatest army tanks in the world. We have the greatest weapons in the world. And we're going to celebrate it.

KRISTEN WELKER:

And, sir, finally, you've talked about the fact that you're putting some of your own touches on the White House –

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah.

KRISTEN WELKER:

Anything that you can share about what you may be planning for the White House?

PRES. DONALD TRUMP:

Sure.

KRISTEN WELKER:

What's going to look different? I know you are thinking about making the Rose Garden look a little bit different. Anything you can share?

PRES. DONALD TRUMP:

Well, the problem with the Rose Garden is the grass is always soaking wet and you can't use it for news conferences. You're supposed to have news conferences, meetings, all this in the Rose Garden. So we're going to put a beautiful stone surface down so that people – for instance, we had something the other day and it actually didn't rain for three or four days and the women were still getting stuck in the grass. And we want to put it to work. So we're going to do something in terms of a hard surface. It'll look beautiful, you know –

KRISTEN WELKER:

And where will it be specifically?

PRES. DONALD TRUMP:

Where the grass is, where there's –

KRISTEN WELKER:

Where the grass is –

PRES. DONALD TRUMP:

– grass is. There's grass in the middle. The roses stay. Everything stays just the way it was, including the limestone paths and everything else. But we had the prime minister of India here and they had a lot of press, and the women were walking out with their shoes full of mud. So we can't have that. The other thing – and you see what I've done to the Oval Office and that continues, 24-carat gold. It's beautiful. And we have really gotten – because I know that people can be fresh and nasty, you know, but we've been getting rave reviews. It was not taken care of the way it should. Now, I have an advantage. I was a really good real estate developer so I know how to get things done. I know how to build it. You'll see it in a minute when you look at the ballroom, which I built at Mar-a-Lago.

KRISTEN WELKER:

Could anything –

PRES. DONALD TRUMP:

But the other thing, and the big thing, is going to be for 50 years they've wanted to build a ballroom at the White House. And they've tried, but the presidents were not real estate people. They had no clue. All you have to do is look at President Obama and look at his museum or library, whatever they call it, in Chicago. It's a catastrophe. It's way over-budget. Maybe it comes to an end. I don't know what's going on. But it's a disaster because – and it's not his fault. He's not a real estate person. He doesn't know how to build. I do really well. And what we're going to do, you're going to see the most beautiful ballroom in the world right now when you take a look.

KRISTEN WELKER:

Is –

PRES. DONALD TRUMP:

But we are going to make and build a ballroom, which they've wanted for probably a hundred years at the White House. And it'll be a world-class, beautiful ballroom, and they'll use the meeting rooms already existing. And we're going to get that started over the next few months, and it's going to be beautiful. And it'll be done properly, and I will fund it.

KRISTEN WELKER:

Will you bring – you will fund it?

PRES. DONALD TRUMP:

Yeah. Yeah, I'm not going to ask the government for money. I'll fund it, and I'm sure we'll have some donations to it. But it's not an inexpensive thing. It'll cost a lot of money.

KRISTEN WELKER:

Where will it be?

PRES. DONALD TRUMP:

It'll be near the – I guess you would say the East Wing, near the East Wing, a little complicated to explain without a drawing. But we have three or four different concepts, and we're working with great architects, with great planners. And it will be something really beautiful, top of the line.

KRISTEN WELKER:

Finally, sir –

PRES. DONALD TRUMP:

You know, when they have a party for, like, when the head of China comes in –

KRISTEN WELKER:

Yeah.

PRES. DONALD TRUMP:

– or the head of anybody, you know, head of anything, they have a party where they have a tent 200 yards away, where people have to walk in the rain to get to a tent. And that's not for us. That's not for the United States of America.

KRISTEN WELKER:

I know you – you're only 100 days into this second term, but have you thought about what you want your legacy to be?

PRES. DONALD TRUMP:

I want my legacy to be very much as the name of MAGA and what it represents. It's called "Make America Great Again." We were a great country for a period of time, and the last four years have been a disaster for the reputation of this country and for the fact of the country. It's been a disaster. We're going to make America great again. That's all I want to do. I want to make it greater than ever before.

KRISTEN WELKER:

Thank you, Mr. President.

PRES. DONALD TRUMP:

Thank you very much.

KRISTEN WELKER:

Appreciate it.

Политическое интервью Дж. Буша (мл.) от 27 января 2006.

SCHIEFFER: Mr. President, there is certainly no shortage of questions to ask you today, and I guess I had better start with this thunderbolt from the Middle East that happened yesterday. We had a democratic election that the United States and others in the West encouraged, and, of all things, the party that has sworn to destroy Israel wins the majority of the seats in the Palestinian parliament. You said yesterday that unless they renounce violence, we can't deal with them.

PRESIDENT BUSH: Um-hmm.

SCHIEFFER: What if they don't renounce violence?

PRESIDENT BUSH: I – I said two things. One, they've got to get rid of that arm of their party which is armed and violent, and secondly, they have got to get rid of that part of their platform that says they want to destroy Israel. And if they don't, we won't deal with them.

SCHIEFFER: Well, what –

PRESIDENT BUSH: Aid packages won't go forward. Well, that's their decision to make. It's – first of all, the government is beginning to form. They're trying to work through all the – as you said, it was a lightning bowler, and it was – caught everybody's surprise, I suspect, including – I know that the Fatah was caught by surprise, maybe Hamas, and they have yet to work out how they are going to form their government. But we won't be providing help to a government that wants to destroy our ally and friend. I don't see how you can be a partner in peace if you – if you

don't renounce violent aims. The –the other thing that's interesting about the elections, though, that I found fascinating is that it reminded me that the elections are window panes into the actual condition of society.

SCHIEFFER: Um-hmm.

PRESIDENT BUSH: In other words, a lot of us were assuming that maybe life was this way or that way, and all of a sudden the people showed up to vote and said we want something different, we want good, honest government; we want people to listen to our needs; we want people to provide services so our families can, you know, be –grow up and be prosperous.

SCHIEFFER: Let me just ask you this question. You say you can't deal with them, but would it be beneficial to try to talk to them, to talk to them about moderating their stance, or is there just simply nothing to talk about?

PRESIDENT BUSH: Well –well, in essence I am talking to them now.

SCHIEFFER: Okay.

PRESIDENT BUSH: I'm confident they're listening to what you've asked me and what I'm answering.

SCHIEFFER: Um-hmm.

PRESIDENT BUSH: And that is for them to, you know, have support from the United States and the United States Congress, and from this administration they must renounce their policies, stated policy that they want to destroy Israel.

SCHIEFFER: While we're in the neighborhood, let's talk about somebody close by there: Iran.

PRESIDENT BUSH: Yeah.

SCHIEFFER: Can the United States allow Iran to have a nuclear weapon?

PRESIDENT BUSH: The Free World cannot allow Iran to have a nuclear weapon, not just the United States, but those of us who value freedom, and that is why our strategy is to present and –and –and hold together a united front to say to the Iranians your designs to have a nuclear weapon or your desire to have the capability of making a nuclear weapon is unacceptable. It's very important that we speak to two groups: One is the government, and also the people. And in speaking to the people, my message is this: You know, we're not going to tell you how to live your life, but we would like you to be free. We would like you to be able to express yourselves in the –in the market –in the –in the open –in open, so without fear of reprisal. We want you to be able to vote and elect. And –but to the government, our message is, is that if you want to be a part of the family of nations, give up your nuclear weapons ambitions. Now, one of the things we have done is they have said they want to be able to have a civilian nuclear capacity, we want to be able to have our own nuclear power plant, and we've said we understand that. But because you're a nontransparent government, because you've openly stated your desire to destroy one of our allies, that you should be able to have a plant, but the –the –the uranium for running that plant will come from Russia, and Russia will provide the –provide the fuel, you will burn the fuel, and Russia will collect the fuel under IAEA safeguards.

SCHIEFFER: Well, let me ask you: If they continue to insist that they're going to do it in their country, Senator Clinton, for example, who seems closer to your policy on Iraq than to some in her own party, is already saying sanctions now. Do you think sanctions would work against Iran?

PRESIDENT BUSH: Well, first of all, we have already sanctioned Iran. The United States Government has got sanctions in place on Iran. I think probably what she is referring to is whether or not we should refer Iran to the United Nations Security Council. I have said that is certainly a very –a real possibility, and that once we are in the Security Council, of course, that's one of the options, but we are going to work with our friends and allies to make sure that when we get in the Security Council, we will have an effective response.

SCHIEFFER: But as some would say, that you put sanctions on Iran, it will drive the price of oil sky high and that will hurt everybody's economy.

PRESIDENT BUSH: Well, that's certainly one of the considerations that –that we will take into account as we work with the Perm Five, other members of the Perm Five on the United Nations Security Council.

SCHIEFFER: Let me –let me ask you, everyone in the government says the nuke –the military option can never be taken off the table. Have you actually reviewed plans, if it came to exercising the military option?

PRESIDENT BUSH: I think it's best I just leave it that all options should be on the table, and the last option is the military option. We have got to work hard to exhaust all diplomacy and that's what you're –that's what the country is seeing happen.

SCHIEFFER: But is that possible? Some people say with our forces stretched thin in Iraq already, we might not be able to launch an attack on anybody.

PRESIDENT BUSH: Well, I –I –I would disagree with that. I think we've got plenty of capability, but I –it –it –it –the first option, of course, is to –is to solve this problem diplomatically, and that's where we are working to do.

SCHIEFFER: Let's talk about Iraq. You say we're going to stay there until we get the job done, but last summer it seems to me, Mr. President, that public support for the war began to erode.

PRESIDENT BUSH: Um-hmm.

SCHIEFFER: Why do you think that happened?

PRESIDENT BUSH: I think –I think that people saw death on the TV screens without a sense that we are making progress. That's why I started giving these speeches. You –you might remember that –obviously you remember Katrina hit.

SCHIEFFER: Yeah.

PRESIDENT BUSH: And it made it a little difficult to go out and talk about the way forward in Iraq, but after my foreign trips to the Far East and –and to Argentina, I came back and started a series of dialogues with the American people. My job is not only Commander-In-Chief but educator-in-chief. And I needed to say to the people, you bet it's tough. And the enemy has – and the enemy is using their own weapon effectively, which is the destruction of innocent life.

SCHIEFFER: Well, do you think –you brought up Katrina –do you think the fact that the government kind of got off to a slow start, at the least, in dealing with Katrina that people lost confidence in the Federal Government and that might have had something to do with the loss of confidence in what was going on in Iraq?

PRESIDENT BUSH: That's an interesting question. I don't know. I haven't analyzed that. No question we could have done a better job on Katrina and no question that the pictures coming out of New Orleans were, you know, affected our conscience and hit our conscience and affected –affected things. I mean, people were wondering, this great country of ours, how come we couldn't have responded better, and that's why we're taking a look at lessons learned so it won't happen again. But I –you know, it's hard for me to connect response to Katrina to –to people's concerns about our troops overseas. The other thing is, is that I think –back to Iraq: I think a lot of people are wondering whether or not we had a plan to win. People –a lot of people –some people say we shouldn't have been there in the first place, and I understand that. Some people said, you did the right thing going in there, but I'm not so sure you've got the desire or the plan to win, and that's what I've been trying to articulate, is we do have a plan to win, and we are winning. And –and –and progress on the –the ground is beginning to back me up. I mean, the political process has been amazing when you think about it. These elections are truly outstanding.

SCHIEFFER: Yeah, well –

PRESIDENT BUSH: And –

SCHIEFFER: Go ahead.

PRESIDENT BUSH: Well, I was going to say and now the challenge, and the American people, you know, are watching very carefully, as to whether or not a unity government wouldn't be formed, the government that is able to govern under this constitution which guarantees and protects minority rights. The other thing is, you know, our troop levels are going down from about

168,000 to less than 138,000, and part of that is because our commanders on the government are confident –confident the Iraqis are going to be able to take more and more of the fight.

SCHIEFFER: Well, let's talk about that a little bit. Now, some Democrats have called for a timetable for withdrawal. You have said that that's not a good thing to do because you're just giving the enemy the message, well, hang around until next date, we'll be out of there. But can you give the American people, Mr. President, some sort of a time frame, for example, where do you think we're going to be three months from now there, and what will troop levels be, say, come the fall?

PRESIDENT BUSH: You see, I –I can understand you wanting to ask that question and the American people, some wanting to –want me to give the answer to that. I can't give the answer to that because I'm not the –the decider. What I can assure the American people of is that we've got a strategy to victory. We got a plan to see that the Iraqis take the fight. More and more Iraqis are taking the fight, and I'm going to listen to our commanders.

SCHIEFFER: Um-hmm.

PRESIDENT BUSH: One of the interesting lessons from the Vietnam era was it seemed like to me that politicians all were making the decisions and not the commanders on the ground a lot of times, and I –I have vowed that the American people, and I will follow through on that –that if General Casey and the generals there in Iraq that will be making the decisions as to the troop levels.

SCHIEFFER: Well, do you –

PRESIDENT BUSH: I –I hope –I would hope to say that we have fewer troops there over the course of the year.

SCHIEFFER: Well, do you think that it may be possible that there will be a large number of American troops there when your successor, whoever that is, takes office in 2009?

PRESIDENT BUSH: I –I can't –I –I really don't want to make that prediction. It would –it –it –I –I am going to make my decisions for the next three years based upon what our commanders recommend. I do want to assure the American people, one, I would like to get troops home, and secondly –but I don't want to get them home without winning, and the definition of winning is a country that can govern itself, sustain itself, and defend itself, and a country which will not become a safe haven for the terrorists. And I want to remind your viewers, Bob, that the terrorists have made it abundantly clear they want to drive us out of Iraq so they can have a safe haven from which to operate –that would be Mr. Zarqawi –and –and that's why it's very important for us not only to train the Iraqis, but to stay on the hunt for these people.

SCHIEFFER: Let's talk a little bit about this whole idea of eavesdropping without court orders. You said very strongly, and the strongest language I've heard you use yesterday, that you believe it is not only legal, you believe it is absolutely necessary in the War on Terrorism. The –the question I have, Mr. President, is: Do you believe that there is anything that a president cannot do, if he considers it necessary, in an emergency like this?

PRESIDENT BUSH: That's a –that's a great question. You know, one of the –yeah, I don't think a president can tort –get –can order torture, for example. I don't think a president can order the assassination of a leader of another country with which we're not at war. Yes, there are clear red lines, and –it –you –you –you just asked a very interesting constitutional question. The extent to which a president, during war, can exercise authorities in order to protect the American people, and that's really what the debate is about. I –I made the decision to listen to phone calls of Al Qaeda or suspected Al Qaeda from outside the country coming in or inside the country going out because the people, our operators, told me that this is one of the best ways to protect the American people. And it wasn't an easy decision to make, but as I thought through the decision-making process, I asked a couple of questions: One, do I have the authority to do it? In other words, implicit in your question is, will I just act without determining if I have authority. And so, in other words, I got –I –I was convinced by the legal department of the –of this –of this White House and the Justice Department that I did have the authority, and we looked at it very carefully. And secondly, I wanted to make sure that civil liberties were guarded. In other words, that by unleashing this

program there wasn't checks and balances on –inside the NSA so that they would circumvent my order, which was listening for phone calls outside the country and in vice versa; in other words, not listening to the phone calls within the country. It is important that this program go on. I understand the debate, and I understand the need to make sure people discuss and debate whether or not I have got the authority to do it, but as I told the American people –and I can't tell you how strongly I feel about this –if somebody is talking to Al Qaeda inside the United States, we need to know why, and that's what this program is aimed to do.

SCHIEFFER: Let me ask you this, Mr. President because I just have never quite understood this, and maybe you could clear this up. As I understand the law, you had the right to wiretap or eavesdrop on anyone and have three days to tell the court about it. How does that slow you down?

PRESIDENT BUSH: I asked the same question to the people designing the program. I said, how come we can't use the procedures which you just described, and they said it won't work. It doesn't fit in with what Mike Hayden described as "hot pursuit." I have looked at this program from all angles, and my dilemma and my problem is I can't explain to you how it works in order to justify your question without telling the enemy what we are doing. And this debate is an interesting debate. I'm troubled by it only because the enemy listens, and they see what we are doing, and these are smart people, and they will adjust. And one of the interesting questions, Bob, about this whole debate is whether or not people think we are at war or people think this is kind of an isolated group of people that may or may not hit us, and I'm –perhaps it was because I was a sitting president when 9/11 occurred. Perhaps because I remember my words going to Congress just saying I'm not going to ever forget what took place, and I will use all the power and my authority within the Constitution to protect the American people, but I view this situation we're in as war, and therefore I must protect the American people with the tools available to me.

SCHIEFFER: Let's talk a little bit about domestic issues. It's my understanding you are going to have some things to say about healthcare in your State of the Union speech and health savings accounts that I understand you are going to propose be made more attractive through tax breaks, but I want to ask about a law that's already on the books, and that's this prescription drug benefit for seniors.

PRESIDENT BUSH: Right.

SCHIEFFER: Everywhere I go, I find people who don't know what it means. Seniors are going to the drug store. They don't know what their plan is. They're all mixed up. Everybody is just having a real problem of getting their drugs. Do you think that's because of mismanagement, or is this law just so complicated that it can't be administered?

PRESIDENT BUSH: I think –in all due respect, I think everybody having problems getting their drugs is not exactly what's taking place. Millions have signed up to a new, reformed Medicare. Let's take a step back for a second.

SCHIEFFER: Sure.

PRESIDENT BUSH: Medicare wasn't working the way I thought it should. Lyndon Johnson, our fellow Texan, signed the bill. It hadn't been modernized for prescription drugs. I called upon Congress to modernize it, to make a prescription drug benefit available as a part of Medicare. I also said, let's give seniors more choices. Let's say we trust the consumer. Let the consumer make some choices. And so what you are seeing is two things: One, that seniors had been given options from which to choose, and I fully recognize that for many seniors the idea of making a choice is something they are just not interested in. You know, an older person just kind of liked the status quo, and so the idea of having to make choice or given options is one that I knew would be unsettling, and that's why we unleashed community groups and different groups –doctors' groups, nurses' groups –to explain to seniors if they want a different option they could choose it. What you are referring to, I think, is the issue of dual eligibles. I had talked to my little brother –Jeb, about this issue. There is about a million, I think he said 600,000 people on Medicare. About a hundred thousand of those are what they call –or hundred thousand of the million six are having some issue with their dual eligibility, whether it be Medicare, Medicare, who is going to pay for it. We are working through the glitches. I think what you are really seeing is a new law in effect for three

weeks that affects a lot of people, and we are ironing out the glitches that –I shouldn't say that will inevitably will arise, but has arisen as a result of this new reform. It's a good deal for seniors. When it all settles out, seniors are going to realize that this Congress and this president have worked to modernize Medicare to make work better for them.

SCHIEFFER: Let's talk about energy independence. We remain, any way you cut it, dependent on foreign oil. I know you want to open up the Arctic wildlife preserve for drilling, but aren't we going to have to do more than that? And I just want to bring up one thing. Tom Friedman, the columnist in the New York Times, had a column today, and he said putting on a huge gas tax is the only way to really get Detroit's attention and get them to making other kinds of cars, and he said the only way to cause people to change their ways. He says you have to change the culture. What's your reaction to that?

PRESIDENT BUSH: First of all, I'm against a huge gas tax. Secondly, I agree with Mr. Friedman that we have got to become independent from foreign sources of oil. In other words, we have got to wean ourselves off hydrocarbons, oil. And the best way, in my judgment, to do it is to promote and actively advance new technologies so that we can drive –have different driving habits. For example, there is –I'm a little hesitant because I don't want to tell you what's in the State of the Union, let me put it to you that way.

SCHIEFFER: You are going to talk about that?

PRESIDENT BUSH: Big time, because I agree with Mr. Friedman, and I agree with Americans who understand being hooked on foreign oil as an economic problem and a national security problem. I couldn't agree more with him. For example, I'm convinced with more research we'll be able to develop additional ways to make ethanol. There is about 4.6 million cars in America now that are flex-fuel cars. They could either use regular gasoline or fuel derived from corn. I'd like, for example, to not only advance that technology of deriving fuel from corn, but also deriving fuel from waste materials, and I'm convinced we could do that with a good push, a technological push. In other words, I want to see different kinds of cars on our road that don't require (sic) upon crude oil from overseas, but we have got a serious problem, and now is the time to fix it, and I'm going to address it again at the State of the Union.

SCHIEFFER: I want to ask you sort of a philosophical question, and that is, Hubert Humphrey once said that the 1964 Civil Rights Act was America's most successful foreign policy initiative because it told people who we were and what we stand for. And I just wonder, when we see some of these horror stories about torture and things that have happened in some of these prisons like Abu Graib, do you worry that maybe we are losing the moral high ground in some way?

PRESIDENT BUSH: There is no question that Abu Graib pictures not only –we were disgraced, and it –it –it –I know it caused a lot of people that want to like us to question whether they should, and equally important it gave the enemy an incredible propaganda tool. No question. That's why it was important for us to investigate, to expose, and to hold people to account so people see there was a consequence for the behavior.

The –you know, Hubert Humphrey was right. The actions we take in our own country or elsewhere help define America to others, and that's why it's important for us to constantly remind people that are –we have got a wonderful heart and we are a compassionate nation. Our HIV/AIDS initiative on Africa is saving lives, our malaria –our anti-malaria initiative on Africa is savings lives. We feed more of the hungry in the world. I mean, we are doing marvelous things, and it's while we address and deal with issues like Abu Graib, at the same time we have always constantly got to tell people, we care about them, we're not going to impose our form of American-style democracy on you, but we want you to be free, and where you hurt we want to help. And a classic example of that is what took place in Pakistan. When the United States military, upon notification that there was a need for help as a result of the earthquake, moved choppers and aid and equipment and food and tents in and saved a lot of lives, it's by far the best public relations we had in that part of the world in a long period of time. And so, you're right, we need to be consciously –conscious

about our public diplomacy not only in how we behave at home but our ability to be able to sell that which we are doing around the world.

SCHIEFFER: Let's talk a little bit about politics, how you think it's shaping up. Is it too early to say who you think the people are going to be that are going to be running for the job you hold right now?

PRESIDENT BUSH: I think so, I do.

SCHIEFFER: Looks like Senator Clinton is running pretty hard right now for the democratic nomination.

PRESIDENT BUSH: She's formidable. The –I think back to our conversation, earlier conversation in the colonnade, my focus is 2006, and I told the press conference yesterday, and will continue to assure members of Congress, that I continue to be engaged.

SCHIEFFER: You are going to get out and campaign?

PRESIDENT BUSH: You bet. I like campaigning. I have got something to campaign on. It's the domestic policy agenda that I think the American people –

SCHIEFFER: Who would you say –I take your point. Who would you say at this point you think the leading republican candidates for president would be?

PRESIDENT BUSH: It's hard to tell. The minute I start speculating, you'd make all kinds of news with it, and it would interject me in the race which –I tried to figure out how to play this coming down the pike, for a political observer like yourself and a political participant like me, this is an unusual year because this is the first time there hasn't been a kind of natural successor in the party. Two wide open primaries with no sitting vice president running in either primary, so this is –I can't remember a time when it's been this open.

SCHIEFFER: No, not in my memory. Have you had time or you don't have much time in your job, and I know that, to think about what you are going to do after you're president?

PRESIDENT BUSH: Beginning to think it through a little bit. The first –the touchstone is going to be a Bush library or complex or where it's going to be. It's going to be in Texas. I don't know exactly where yet. We are beginning the process of listening to some of these institutes of higher education and their ideas. I would like to leave behind a legacy or a think-tank, a place for people to talk about freedom and liberty, and the de Tocqueville model –what de Tocqueville saw in America. I would like for there to be a place where young scholars to come and write and think and articulate and opine and teach, but I really haven't beyond that. Of course, it's a nice place to go to, which is the ranch.

SCHIEFFER: Has the presidency changed you, Mr. President?

PRESIDENT BUSH: I hope not. Well, I guess that's not the right thing to say. I know it hadn't changed my values and hadn't changed my priorities. Of course it's changed me because it's –it's –you know, I made a lot of decisions, Bob, and when you think hard and plan and make decisions, it has got to change you. 9/11 changed me. Yeah, it's changed me to –you know, I hope I'm a better person for it. I will tell you, if given a chance to do it again, I would have said "you bet." I highly recommend this job. It's been a fantastic experience. I like making decisions. I like listening to smart people. I'm surrounded by a lot of them. I like the give and take in the political front, and I truly believe we are making a difference in the world, in our country.

SCHIEFFER: What has been the worst part?

PRESIDENT BUSH: I think what you mentioned earlier, which is the bitterness in Washington, D.C. I came from a –I came from a climate where, oh, Bob Bullock, who you knew well, was a crusty old democrat, he could cuss me out and then turn around and say, "Let's do something good for Texas." I came from an environment where Speaker of the House, Pete Laney, a cotton farmer from Hale Center, would sit down and say, "You know, I can't understand why you're a republican, but why don't we figure out what to do for Texas." These were buddies of mine, they were political rivals in a sense, but more importantly we put all of that behind us and focused on the good for our state. I tried to get that done here in Washington, and I obviously hadn't, but that's not going to cause me to quit trying. The classic example is in dealing with these mandatory spending entitlements, the baby-boomer generation issues like Social Security and Medicare. These big

issues require bipartisan solutions. You have got to have republicans and democrats sitting at the table to work out how to resolve this now because this problem is getting worse, and I'm going to continue to try to get that done, but that's been the biggest disappointment, is the tone in Washington. And, you know, our country is to great not to try to have us try to work together.

SCHIEFFER: What has been the impact on your family?

PRESIDENT BUSH: We are as close to them now as we have ever been. Laura and I have got a great relationship. There is nothing like some outside pressure to bring you closer together. Secondly, I'm incredibly proud of her. She's a partner in this job in many ways. The First Lady has got a big responsibility in an administration. She could help define an administration. People look at Laura, and they could learn something about me, and when they look at her and learn something about me, they have to say, "He's a pretty smart old guy to pick Laura as a wife." She is – I have got a 45-second commute home, so we spend a lot of time with each other. And our girls I'm a little hesitant to talk about them because they don't want me to bring them out in the public arena, but they're doing just great. So, I would say this has been very a positive experience on our family.

SCHIEFFER: Thank you very much, Mr. President.

PRESIDENT BUSH: Thank you.

Политическое интервью Дж. Буша (мл.) от 25 апреля 2003.

Q Mr. President, there's no tougher decision any President makes than to commit the nation to war. Let's talk about that first night, when you surprised us all by launching the preemptive strike against the residence of Saddam Hussein.

THE PRESIDENT: Well, they started in the Situation Room, and we had Tommy Franks on the screen with a Commander – I think out of Saudi Arabia and Kuwait City and out of – and a CENTCOM commander out of Tampa Bay, along with their British and Australian counterparts.

And then we had the national security team aligned on the table there. I went around to each of the commanders and said, are you happy with the strategy, do you have what it takes to win the war? They all answered affirmatively.

I then gave the instructions to Secretary of Defense Rumsfeld that Operation Iraqi Freedom would commence at a time of Tommy Franks' choosing. Told Tommy, you know, for the sake of peace and security and the freedom of the Iraqi people that he's got the orders to proceed. I asked God for blessing on him and the troops. He saluted, I saluted back and left the room.

It was a – it was an emotional moment for me because I had obviously made up my mind that if we needed to, we would use troops to get rid of weapons of mass destruction to free the Iraqi people. But the actual moment of making that decision was a heavy moment. I then went outside and walked around the grounds, just to get a little air and collect my thoughts.

I thought I was pretty well through with the day, until 3:40 p.m. that afternoon, when I got a call from Secretary Rumsfeld that said, Mr. President, the plans have changed. He said, I would like to change the plans, I need your permission to change the plans. Can I come over? He didn't say, the plans had changed, but I knew what he told me on the phone, it would mean the plans would have changed. And that is, we had a shot at Saddam Hussein they thought.

So I assembled the national security team of the Vice President, Colin Powell, Rumsfeld, Myers, CIA Tenet, Condi Rice, Andy Card and some other CIA agents there – some guys I hadn't seen before came in the Oval. And the reason why they were there is they had a source on the ground that was convinced that not only would Saddam Hussein be in the complex, but Uday and Qusay, his two sons, would be there as well. And they explained why this was the case. And basically they were asking permission from me to launch an air strike.

I was hesitant at first, to be frank with you, because I was worried that the first pictures coming out of Iraq would be a wounded grandchild of Saddam Hussein – but Saddam Hussein, who was not there at the time we started making the decision, would never show up – that the first images of the American attack would be death to young children.

And this is an interesting moment, because as time went on during the day, or that evening, the intelligence got richer and richer. In other words, the guy on the ground was calling in to the CENTCOM headquarters, who was immediately calling in to the White House more and more information. For example, he discovered that there was a bunker a hundred feet away from one of the houses – a bunker that had so much concrete and was likely to house Saddam when he arrived, and his kids, his boys.

Editors' Picks

How 'Everybody Loves Raymond' Brought My Mother and Me Closer

How a 'Stranger Things' Star Spends an Off Day

A Secret Defined Her Life. She Had No Idea.

And as the intelligence got richer, I got more confident with the notion that Saddam would, in fact, be there. And at 7:15 p.m. that evening, I gave the order for Tommy to proceed with an attack on the farms, but changed – they had an ordnance package of 30 cruise missiles. But because of the bunker they had to change the timing of the attack so that the stealth bomber went in first, unloaded his ordnance and then the TLAMs, or the cruise missiles would follow in behind.

Which means they had to reprogram all these missiles. And they didn't have much time to do it because the flight time of the missiles from their particular launch sites was about two hours.

This other thing that bothered me during the decision-making was that the stealth would go in unescorted – there would have been no air suppression on enemy defenses prior to him going in, in order to keep the element of surprise alive. So the day changed, and it was a dramatic several hours because we really changed the battle plan.

Q Did you watch that on television, when the bombs began to land?

THE PRESIDENT: Yes, I did. I did. Actually, they began to hit and then I went in and shortly thereafter addressed the nation – so I was getting make-up and talking about the – you know, figuring out the words in the speech. I did. And it was about 9:30 p.m., as I recall, and then I spoke to the country about 10:15 p.m.

But what was interesting, Tom, I don't think many people know this, is that the game plan was to move Special Ops forces early, at noon that day. And we would have explained to the country, as kind of creating the conditions for the battlefield, so that when our troops moved significantly their conditions would be ripe for success.

At Friday, at noon, I was going to address the nation about the air campaign, and the ground campaign would follow shortly thereafter. Turns out that because we conducted the air raid, I had to speak that night to the country. And then Tommy said he was going to move the ground force movement up early to secure oil fields and to move as quickly as possible into Iraq – which really says that he had the ability and the authority and the flexibility necessary to change a war plan to meet the needs on the ground.

Q That human intelligence that we had on the ground, did you hear back from him, I presume?

THE PRESIDENT: We did.

Q And did he –

THE PRESIDENT: He felt like we got Saddam.

Q He did?

THE PRESIDENT: He felt like that, yes. And we're trying, of course, to verify. And before there's any declaration, of course, there will be a lot of evidence.

Q Did you see that famous television video of Saddam the next day, in the glasses, reading out from the notepad and so on?

THE PRESIDENT: Well, yes. I was amused by that, almost as amused by that as I was his PR man – it was one of the classics – probably helping NBC Saturday Night Live out mightily, but through his – it was just unbelievable what he was saying.

But, you know, the people that wonder if Saddam Hussein is dead or not, there's some evidence that says, suggests he might be. We would never make that declaration until we were

more certain. But the person that helped direct the attacks believes that Saddam, at the very minimum, was severely wounded.

Q That night?

THE PRESIDENT: That night, yes. And it explains – again, there will be a lot of speculation until the truth is known, but it explains why, for example, one reason why dams weren't blown up or oil fields weren't destroyed – even though we found them to be wired with – potentially to be blown up.

Q Now, the air campaign is underway and troops are moving across the border –

THE PRESIDENT: That would be a day and a half later.

Q A day and a half later.

THE PRESIDENT: But troops were moving across the border earlier.

Q "Shock and awe" was the phrase that was heard so much before it all began. It didn't have exactly the effect I think that a lot of people expected, because the resistance down south was from the militia, at least, were tougher than a lot of people anticipated.

THE PRESIDENT: Yes, I think it's true. I think that's an accurate look back. Shock and awe said to many people that all we've got to do is unleash some might and people will crumble. And it turns out the fighters were a lot fiercer than we thought. Because, for example, we didn't come north from Turkey, Saddam Hussein was able to move a lot of special Republican Guard units and fighters from north to south. So the resistance for our troops moving south and north was significant resistance. On the other hand, our troops handled it, handled that resistance quite well.

Q Did that give you a pause for a while?

THE PRESIDENT: Well, first of all, I had confidence in the plan, because I've got confidence in my national security team. Remember, my advisors are people such as Dick Cheney, who had been through the war before as the Secretary of Defense; Colin Powell, who's not only an Army general, but also had been through a war before; Don Rumsfeld, who's a very successful man in the private sector, but also has got great judgment when it comes to the military; Tommy Franks, I really trust Tommy, we speak the same language – after all, Tommy went to Midland Lee High School, graduated in 1963, one year ahead of Laura; Condi. I get good, solid advice from people who analyzed this war plan, analyzed the strategy, looked over it in depth, had looked at it for quite a bit of time and convinced me that it would lead to victory.

So I've never doubted the plan. Obviously, I was concerned when we lost life, or concerned that day when some of our prisoners, the people were captured. But I had confidence in the plan because I had confidence in the team.

Q Let me ask you about that day that the prisoners were captured. Everything played out on television. There's been probably no more televised event in the history of mankind. Suddenly you look on the screen and from Iraqi television there are five American prisoners of war, including a woman who was a cook, Shoshana Johnson.

THE PRESIDENT: Well, I believe that was a Sunday. And it was a tough day. It was a tough day for America, it was a tough day for the Commander-in-Chief, who committed these young soldiers into battle in the first place. Which made their release even more joyous. But war is – it's tough.

Q Did you make some calls?

THE PRESIDENT: No, I didn't. I've written a lot of letters, but I didn't call any parents then. I prayed for them, but I didn't call.

Q Did you talk to Laura about it? THE PRESIDENT: I did. I talked to Laura a lot during this period of time. She's been a steady source of strength and inspiration and love. You know, any time there's war and a lot of action, a lot of movement of troops and equipment, people are – there's going to be death. And it's the hardest aspect of this job, frankly, is to know that those lives were lost because of orders I gave.

On the other hand, I firmly believe, and history will prove, that decisions that I made and the actions that our country took will make the world more peaceful, help secure the United States.

And, as importantly, give the Iraqi people freedom, let them be free – free from the clutches of one of the most barbaric regimes in the history of mankind.

Q The flip side of all that was the rescue of Jessica Lynch.

THE PRESIDENT: It was.

Q Did you get advanced notice that that operation was going down?

THE PRESIDENT: I did. I did. Secretary Rumsfeld told me not to get my hopes up, but there was going to be a very sensitive operation into a hospital where he thought that there would be an American POW. And that's all he said. He was very circumspect, as he should be, to a lot of people, because he didn't want any information to get out that might have jeopardized the operation. But he gave me a heads-up. And then when we heard that she had been rescued, it was a joyous moment.

Q Let me ask you about some of the larger policy questions. Before we went to war against Iraq, one of the reasons that you justified this war was that he posed a real threat to the United States. If he couldn't defend his own country – and we have not yet been able to find the weapons of mass destruction, which were not even launched in defense of Iraq – was that overstated?

THE PRESIDENT: No, not at all. As a matter of fact, I think time and investigation will prove a couple of points. One, that he did have terrorist connections. And, secondly, that he had a weapons of mass destruction program – we know he had a weapons of mass destruction program. We now know he's not going to use them. So we've accomplished one objective, and that is that Saddam Hussein will not hurt the United States or friends or our allies with weapons of mass destruction.

Secondly, we are learning more as we interrogate or have discussions with Iraqi scientists and people within the Iraqi structure, that perhaps he destroyed some, perhaps he dispersed some. We also know there are hundreds and hundreds of sites available for hiding the weapons, which he did effectively for 10 years from the – over 10 years from the United Nations. And that we've only looked at about 90 of those sites so far. I mean, literally hundreds of sites.

And so we will find them. But it's going to take time to find them. And the best way to find them is to continue to collect information from the humans, Iraqis who were involved with hiding them.

Q As you know, there's still a lot of skepticism around the world about American motives in Iraq.

THE PRESIDENT: Right.

Q Why not fold in some of the U.N. inspectors to this effort, not turn it over to them, but make them a part of it? Would that help with the credibility, do you think?

THE PRESIDENT: I think there's going to be skepticism until people find out there was, in fact, a weapons of mass destruction program. One thing there can't be skepticism about is the fact that this guy was torturous and brutal on the Iraqi people. I mean, he brutalized them, he tortured them, he destroyed them, he cut out their tongues when they dissented. And now the people are beginning to see what freedom means within Iraq. Look at the Shia marches, or the Shia pilgrimages that are taking place.

The world will see that the United States is interested in peace, is interested in security and interested in freedom.

Q But it is important to find the weapons of mass destruction, or the evidence that he had a massive program underway, isn't it?

THE PRESIDENT: Yes. I think we will. I'm pretty confident we will.

Q Your old family friend, Brent Scowcroft, who has some differences with the policies here, says one of the things that he's worried about is that there's no tradition of democracy there, that people will just seize power wherever they can. It seems to a lot of people that that is playing out in the south, especially where the Shia are saying, look, we're going to run things here, we'd like to have an Islamic government. Isn't that a serious concern?

THE PRESIDENT: Well, first of all, we just started. The country isn't secure yet. I mean, the first things that we're worried about is making sure that the militia units of the old Fedayeen

Saddam aren't out killing people. So our troops are working with coalition forces to make the country more secure.

Secondly, we're worried about making sure there are – there's the presence of a police force in these different cities to maintain order. We are just beginning to move our teams in place to help the Iraqi bureaucracies get up and running.

I was pleased to see that the Doctors Without Borders organization said that they went into Iraq and found no grave humanitarian crisis. In other words, the food is getting to the people, medicines are getting to the people. They did say there is a shortage of personnel, professionally – not a shortage of medicine, but a shortage of professionals necessary to deliver the aid, and we'll help the Iraqi people address that problem.

My point to you is that we have an orderly process to bring stability and food and health to the Iraqi people, so life can begin to return to normal. And then I'm confident that a government will emerge. I dismiss the critics who say that democracy can't flourish in Iraq. It may not look like America. You know, Thomas Jefferson may not emerge. But, nevertheless, I do believe there can be a representative government and all factions can be represented.

Q But if it becomes an Islamic government – with a 60 percent Shiite majority, it could very well become that – would that be acceptable to you?

THE PRESIDENT: What I would like to see is a government where church and state are separated. And I believe there's enough people within Iraq that would like that kind of – there may be a nationalist government, a government that really honors the Iraqi history and the Iraqi traditions and Iraq, itself. But it must be a government that is going to, you know, represents all the people. And I believe that can happen.

Q Were you surprised by the degree of looting that occurred almost instantly?

THE PRESIDENT: No, I wasn't surprised at all.

Q You were not? Why?

THE PRESIDENT: I mean, these were people that hated the regime under which they lived.

Q But they went after hospitals and museums and –

THE PRESIDENT: I don't like that part. And that was the – you know, the hospitals and museum were the absolute worst part. The good news is, is that the hospitals are now up and running, they've got enough medical supplies to take care of the people that need help. That museum was a terrible incident. I couldn't agree more with people who say we're sorry that happened. We are, by the way, helping find treasure, restore treasure and we'll provide all the expertise and help they need to get that museum up and running again.

But I wasn't surprised. It was vengeance, because it's like uncorking a bottle of frustration. These are people whose relatives were beaten, tortured, shocked, killed because they spoke out, because they disagreed with Saddam Hussein. And history is going to show how brutal this man and his sons and his regime really, really was. And, therefore, it did not surprise me when people took vengeance on police stations, or took, you know, went out into government buildings and destroyed them.

I'm also pleased by the fact that that level of – those riots, or whatever you want to call them, released some steam, and now life is returning to normal. Things have settled down inside the country.

Q There's still a lot of nationalism, though. I mean, it's a very strong strain there and, in fact, some people are taking control of their neighborhoods, or whole sectors of Baghdad –

THE PRESIDENT: Yes, like the guy, the self-proclaimed mayor.

Q Right.

THE PRESIDENT: This is all – a reasonable government will evolve. We just started. It wasn't but two weeks ago yesterday that the statue fell down. There have been 20-plus years of tyranny. And it's hard to believe that in 20 days democracy will emerge. But the point we're making is, is that the foundation for democracy is now being laid. And the – and by the way, there's nothing wrong with nationalism within Iraq. People say the United States should leave, and we want to leave – as soon as we've accomplished our mission.

Q How long will that take?

THE PRESIDENT: Somebody asked me the other day, how long is it going to take to get rid of Saddam Hussein's regime? My answer is, as long as necessary.

Q But it may take as long as two years –

THE PRESIDENT: It could. It could. Or less, who knows? But the point I'm making is, is that we are there to promote security, to make sure life returns back to normal. And to help the Iraqi people establish a government, because we believe that democracy can work within Iraq. And nationalism, by the way, you know, means it's more likely that a government will evolve that is focused on Iraq, its traditions and its history, as opposed to focusing on a particular religion.

Q Is Iran trying to take root in southern Iraq, in your judgment?

THE PRESIDENT: Well, you know, you hear a lot of reports about the vacuums being filled by Iranian agents. We certainly hope that Iraq – Iran will allow Iraq to develop into a stable and peaceful society. We have sent the word to the Iranians that that's what we expect. I talk to Tony Blair and Jose Maria Aznar on a regular basis – talked to them yesterday, and this subject came up. And both of them have got contacts with the Iranian government and they will send the same message, similar to what we did to Syria: that we expect there to be cooperation and –

Q And if there is not, is Iran next?

THE PRESIDENT: No, we just expect them to cooperate, and we will work with the world to encourage them to cooperate. We have no military plans. Just like I said about Syria. I mean, listen, the world, a lot of the – frankly, the left wing critics of our policy have said, you know, these people are so militaristic they're getting ready to invade Syria. That was the line of the day. We made it clear to the Syrians we expect them to cooperate.

Q And are they responding?

THE PRESIDENT: Yes, I think they are. They're doing a better job. The borders look like they're tighter. As we find people that have escaped into Syria, we're giving the Syrian government the names of the people. And they appear to want to be helpful.

Q Let me ask you about the future of some other relationships that we have, with the United Nations, for example. There are two people who admire you very much and are powerful pundits in Washington. George Will and Bill Kristol have said of the U.N., George Will saying: if it's not the end as we know it, it should be. And Bill Kristol has said: the U.N. I used to think was just useless, now I think is harmful.

THE PRESIDENT: Well, I would hope that the U.N. would be useful. I would hope that the U.N. would be an effective body at helping deal with the new threats of the 21st century, dealing with terror and terrorist states and proliferation of weapons.

And I can understand why some are frustrated with the United Nations, because the United Nations looked like it was not willing to join in the cause of freedom. And it was frustrating to Americans that it looked like the United Nations might hold up U.S. foreign policy that was being conducted in the name of peace and security.

On the other hand, I was the person that went to the United Nations in the first place. It was my decision to go give the speech on September 12, 2002, that called the United Nations to account. The United Nations will have a useful role in the reconstruction of Iraq, for example, because a lot of nations won't be able give reconstruction money without a U.N. conduit.

And there is a role in this case for the United Nations. I hope as threats emerge the United Nations will be more responsive to those threats.

Q Are you going to invite French President Chirac to the ranch in Crawford?

THE PRESIDENT: Well, my first guest will be John Howard – well, first guest from this moment forward will be John Howard, and he's coming –

Q The Prime Minister of Australia?

THE PRESIDENT: The Prime Minister of Australia, he's a great friend and a wonderful ally, will be coming a week from Friday.

Q Well, what about President Chirac, though?

THE PRESIDENT: You really – you're really not going to get any comment. I doubt he'll be coming to the ranch any time soon. On the other hand, you know, there are some strains in the relationship, obviously, because of – it appeared to some in our administration and our country that the French position was anti-American. And my concern about the French position is it would weaken – the position they took could weaken the NATO alliance. NATO is a very important alliance; it's something that we've not only worked to modernize, I've worked to expand NATO. And it's very important that Europe not become fractured, to the point where the United States won't have relations with a united Europe whole, free and at peace.

And, hopefully, the past tensions will subside and the French won't be using their position within Europe to create alliances against the United States, or Britain or Spain or any of the new countries that are the new democracies in Europe.

Q We've talked about this before. Now that the war in Iraq is effectively over, have you thought about a Bush doctrine that is a comprehensive structure of some kind, on a global basis, for dealing with weapons of mass destruction and the need, even, of preemptive strikes against rogue nations?

THE PRESIDENT: Well, the Bush doctrine is actually being defined by action, as opposed to by words. Although, I think if you compile a lot of the speeches I've given, you could come up with the Bush doctrine.

The way I view the post-Saddam Iraq opportunities are these, one, that we can deal more effectively with weapons of mass destruction, that we made it clear that people who harbor weapons of mass destruction will be dealt with. Hopefully, most of it can be done diplomatically. And you'll see us – see me, as well as members of my administration, begin to push for new international protocols that will make international organizations more effective at stopping the spread of weapons of mass destruction.

I also believe that reform in the Middle East, as well as Middle East peace, is an initiative that we will continue to – that I will push, and push – particularly in the Middle East peace process, I will work hard to achieve the two-state solution. And we have a good opportunity to do so.

There are other parts of the Bush doctrine, if you want to call it that, that are equally important. One, the AIDS initiative in Africa is an incredibly important initiative and I intend to call upon Europe, particularly the wealthier nations in Europe, to join us in providing the medicines, the anti-retroviral drugs and the strategies necessary to start saving lives, more lives on the continent of Africa.

There's a lot of things where we can work together, is my point, to overcome any differences that might have existed on the Iraq policy.

Q Before the war began, we were told by any number of people in your administration that a lot of the leaders of the Middle East were privately saying: we hope that you get rid of Saddam Hussein. Once the war was over, they did not go public with praise for the United States – Saudi Arabia, Egypt, Jordan, our best friends in that region. While on the Arab street, there continue to be very strong criticism to what we were doing.

THE PRESIDENT: Yes, I can understand that. I mean, these guys – first of all, the thing that was important with those countries is they provided us help when we asked for help. We needed basing help in certain countries, and they provided it. That was one of the reasons why we were successful against Saddam Hussein. We asked, and they delivered.

Part of the frustrations that exist in the Middle East – and I recognize this – is the fact that there is no movement toward peace with the Palestinians. Part of the frustration in the Middle East is also the fact that some of these governments need to enact reforms, and that's why both reform and working on the Middle East for peace will be priorities of mine.

Q Is the Middle East peace process going to accelerate greatly now that Arafat has accepted a Prime Minister? And has Arafat been removed effectively from the equation?

THE PRESIDENT: I think it will accelerate, and, hopefully, greatly. I'm not so sure what that exactly means, but it will certainly accelerate from where we are today.

The selection of Abu Mazen as the Prime Minister is very positive, primarily because Abu Mazen has stated publicly that he is against terror and will use whatever powers he has to fight off the terrorist activities that have really prevented peace from moving forward.

In my June 24th speech I laid out –

Q Will you have him to the White House without Arafat, for example?

THE PRESIDENT: I will one of these days, yes.

Q Without Arafat?

THE PRESIDENT: Yes, absolutely. Listen, I always felt – first of all, I looked at the history of Mr. Arafat. Now, I saw what he did to President Clinton. There was no need to spend capital, unless you had an interlocutor who could deliver the Palestinian people toward peace. And I believe Abu Mazen is a man dedicated to peace, and I look forward to working with him for the two-state solution. My view is, is that the only way for there to be peace and for the survival of Israel and for the hope of the Palestinian people is for two states living side by side in peace. And I've laid out a plan to achieve that, a plan that calls upon actions by the Israelis, by the Palestinians, as well as by the Arab nations surrounding that troubled part of the world.

Q There used to be an American doctrine about when we go to war it's overwhelming force. Now it's speed and flexibility, based on Iraq, and instant communication – not only behind the scenes, but everybody gets to look in on the battlefield.

THE PRESIDENT: Well, the instant communications part was one of the reasons why I was comfortable in giving Tommy Franks and the commanders in the field the go-ahead to take the shot at Saddam Hussein on the first day. Because there in the Oval Office we were getting near instant feedback from eyes on the ground what he was seeing, what he felt the conditions were like. It was an amazing moment to think that a person risking his life, viewing the farms, watching the entries, seeing, observing what was taking place inside one of Saddam's most guarded facilities, was able to pick up a device, call CENTCOM, and CENTCOM would call us in near real-time.

And the ability to communicate has changed the nature of warfare. It allows for more interoperability; more ability for the Navy and the Air Force and the Special Ops and the Army and the Marines to work side by side in a coordinated basis. Which makes it easier to fight a war with flexibility and speed and precision. So the doctrine really has changed.

As well, it's an amazing concept when you think about real-time TV focusing on war. And by the way, I express – Laura and I express our deepest sympathies to David Bloom's wife and his family. I knew him well during the campaign, he was a great journalist and really a good fellow, loved his family a lot but, you know, to think that David was there –

Q Rocketing across the desert.

THE PRESIDENT – rocketing across the desert. It's an amazing feeling.

Q I don't want you to give up sources and methods, but the guy who called in the first time – still with us?

THE PRESIDENT: Yes, he is. He is with us. Thank God. A brave soul.

Q That's great.

11:47 P.M. EDT

* * * * *

2:45 P.M. EDT

Q Listen, now that the war in Iraq is over, the whole country is turning its attention back to the economy – and there's – on the Hill, in your own party, there's a lot of skepticism about whether or not the tax cuts can get the job done. You started at \$750 billion; you've now been talking about \$550 billion; the Senate is talking about \$350 billion. Would you take \$350 billion?

THE PRESIDENT: Well, I think it ought to be – actually, I think it ought to be more robust, and the reason why is because a lot of economists have told me that the tax cut needs to be sizeable enough to affect demand and job creation. And that's why I'm pushing what I'm pushing, and I'm not going to quit pushing until they end up voting. I believe it's the right thing.

The American people need to know that last January I put out a job plan, and the Congress has been debating it, talking about it. And it was important in January, it's important now. And I expect them to get a good jobs bill out.

Q The Congressional Budget Office, however, says, you know, they've looked at with three or four different models and it's just going to be too small in terms of the impact on the overall economy.

THE PRESIDENT: Well, I disagree with that. I would like – I would hope that they would argue the case on the floor of the Senate before (inaudible) the skeptics. One of the things they also said was it's very important to hold the line on spending – that's another thing, that we accomplished something in the budget, discretionary spending is being held to about 4 percent. On the spending side we've got restraint, we just need to make sure the package is robust enough to create new jobs so people can find work.

Q It's tough to come out here to Ohio, though. You've got a Republican governor who went in at a very high number, and now he's down to around 42 percent, in terms of approval rating; he's having to raise taxes, cut services. Wouldn't it be better to defer a little bit, get him off the hook? And these are important services that he's talking about – it's about Medicaid and –

THE PRESIDENT: No, not at all. Actually, what's important is – and this is the reason we come to Ohio, it's a place where people are looking for work. And I feel so strongly that my job package will work, I'm willing to come to a place where people need work. And so let's get this done in the Congress. And this is the perfect place to bring a message of job creation, because there are people here that – in the manufacturing sector, in particular – that are looking for work.

Q Mr. President, I've been struck by the fact that you now have the country's attention and there's been almost no discussion about the need for conservation on energy and finding renewable sources and making that the highest of the high priorities. I think the country is ready to make a sacrifice, to do something.

THE PRESIDENT: Well, actually, there's been a significant discussion about new sources of energy. I was the guy that stood in front of Congress and asked Congress to appropriate \$1.2 billion to advance the hydrogen automobile. In other words – as well as ask Congress to appropriate monies to explore the opportunities for nuclear fusion.

And I believe that instead of getting mired in this talk about command and control and lawsuits and regulations, that we ought to use our technological capabilities to leapfrog the status quo, and lead the world to a more energy efficient society.

Q But should we also assume that we can burn at the same rate that we have been? And, you know, there's just no question about it, we've been on an energy consumption binge.

THE PRESIDENT: Yes, that's right. And I think that that's why we need new technologies to help us go from one era – a hydrocarbon era – to a technologically-driven era. And I believe we can get there. We've got energy for, you know, a decade or two, without the consumer suffering badly. But now is the time to move on new technologies. This is precisely the initiative I laid out for Congress.

Q You're not going to get the Arctic Wildlife Refuge this time, though, do you think?

THE PRESIDENT: Well, it's foolish not to, in my judgment. There's a lot of natural gas up there. And the reason we need natural gas here in America is so places like California built a lot of electrical plants that run on natural gas – we've got to get it from somewhere. And I believe we can explore in the Arctic Wildlife in an environmentally sensitive way – and so do a lot of other people.

But it's become such a political issue. Washington, you know, is a town that – you know this better than me, I mean –

Q No, I don't know it better than you. You're in the cockpit. (Laughter.)

THE PRESIDENT: Well, you've been there longer than me, you're much older than I am. (Laughter.) But they take an issue and turn it into such high politics. Really, the Arctic Wildlife Refuge is a classic example of an issue that's been over-politicized, where the science never is

allowed to emerge. We can drill for natural gas, which we need to do, in an environmentally safe way.

Q Let me ask you about the war and your attitudes about it. It's well known that you're a man of very strong faith. You have political and national security responsibilities, as well. Was there a time when it was difficult to reconcile those two roles – your political and national security responsibility and your own spiritual obligation?

THE PRESIDENT: Well, listen, any time you think about committing someone into combat is an emotional moment. You can't be detached from the human life involved with war. And I genuinely feel that the decision I made will make America more secure. And I felt like the risks of doing nothing, the risk of taking no action far exceeded the risks of combat, particularly since I knew our plan was geared toward minimizing life – minimizing loss of life – not only minimizing loss of life on our side, but on the side of the innocent Iraqis.

I don't bring God into my life to be a political person; I ask God for strength and guidance; I ask God to help me be a better decision. The decision about war and peace is a decision I made based upon what I thought were the best interests of the American people. I was able to step back from religion, because I have a job to do. And I, on bended knee to the good Lord, asked Him to help me to do my job in a way that that's wise.

Q I had a difficult moment on the air when the mother of a Marine who got killed called in – and wanted to talk about her son. And said: you know, I like what the networks are doing, but all those graphics and all that fancy coverage, for those of us who are out here with children's in harm's way, it's murderous, Mr. Brokaw. And it put it all in perspective. Did you have a moment like that?

THE PRESIDENT: Oh, I think, yes, maybe about the day the prisoners, the people took the wrong turn, the kids, the cooks and the people like that from El Paso, Fort Bliss, went the wrong way. That was a tough day. And it's got to be – listen, I went down to Camp Lejeune and met with family of – who lost their lives. I met a young lieutenant's wife with a young baby. And it's tough.

The amazing thing is, of course – I shouldn't say "of course" – but the amazing thing about meeting those people is they gave me great strength. They were proud of their loved ones' sacrifice; they understood why we were there. And they were strong, really strong.

Q There was a young Marine who was killed whose father in Baltimore held up his picture and said: I want the President to see this; it's my only son and I want the President to see this picture.

He was opposed to the war. Did you see it?

THE PRESIDENT: No, I didn't see that, but I'm sure I can understand why a dad would feel that way. I would feel the same way if I were a dad about how miserable I felt if I lost my son.

Q Can you imagine being FDR and running World War II all those years? Truman, Korea? All the years that Vietnam went on and 57,000 lives were lost.

THE PRESIDENT: I know.

Q Now that you've had your own –

THE PRESIDENT: One month.

Q – one month, but your own time on the crucible, to know what the country would go through?

THE PRESIDENT: It's a very interesting question, because – yes, I know, I can't imagine what it would be like to have been through the Vietnam War as the President of the United States. I hope I would have done it differently, I hope I would have had a clearer mission and given the militaries the tools and their strategy necessary to achieve a mission, as opposed to politicizing the war the way they did. But you're right, it's a strain on the country.

On the other hand, the coverage was a little different.

Q It was.

THE PRESIDENT: The perpetual moves 24 hours a day.

Q And part of that was, by the way, that it became very emotional very quickly. One of the things that you said was that you wanted to liberate the Iraqi people so they could speak their minds. But in this country, when some people spoke their minds when it happened to be in opposition of the war, they got jumped on by a lot of folks.

THE PRESIDENT: Oh, I don't think so.

Q Well, the Dixie Chicks, for example. Would you have them come to the White House?

THE PRESIDENT: I mean, the Dixie Chicks are free to speak their mind. They can say what they want to say. And just because – they shouldn't have their feelings hurt just because some people don't want to buy their records when they speak out. You know, freedom is a two-way street. But I have – don't really care what the Dixie Chicks said. I want to do what I think is right for the American people, and if some singers or Hollywood stars feel like speaking out, that's fine. That's the great thing about America. It stands in stark contrast to Iraq, by the way.

Q What did you and Laura talk about at the end of the day? During Osama bin Laden she was counseling you on your language – (laughter) – saying –

THE PRESIDENT: It wasn't so every day. (Laughter.)

Q – Georgie, you don't have to say "wanted dead or alive."

THE PRESIDENT: Well, she counsels me on a lot of things. Most of the time it's – but who's going to listen. She understood all along why I was making decisions I was making. She understood the threat that Iraq posed. She understood that Iraq was a part of the war on terror. And she doesn't – she's like a lot of people, she was nervous about war.

Q So was your dad, by the way.

THE PRESIDENT: I'm sure he was. Nobody likes wars.

Q Did your dad talk to you every day?

THE PRESIDENT: No. I check-in with him on occasion but, now, we don't talk every day.

Q How about Barbara, what does she have to say, your mother?

THE PRESIDENT: She's as feisty as ever. She's doing well. She doesn't follow everything in the news and the opinion like Dad does; he's an every word man.

Q Do you seek his counsel? It's a little tricky. Here's your father, somebody that you revered and love, and he's been there before. But at the same time, you're now the President. How do you work that out?

THE PRESIDENT: Well, I really don't spend a lot of time hashing over policy with him. He knows that I am much better informed than he could possibly be. He gives me – our relationship is more of, and our conversations are more along the line of a dad and a son, a dad conveying to his son how much he loves him. Which is important, even at the age of 56 years old it's important.

Q Did you call him the day the statue came down of Saddam Hussein?

THE PRESIDENT: I can't remember.

Q Because that was a memorable day.

THE PRESIDENT: It was. It was.

Q Did you watch all that?

THE PRESIDENT: I watched some of it. As you know, I've got a schedule to keep; I don't have time to sit around watching TV all day long. But somebody – I think the Ashley or Blake said, the statue, they're about to get it down. They had a guy hammering on it for a while, and I watched the hammering –

Q It took a while to pull it down.

THE PRESIDENT: I watched them hammer. And then they said, they're hooking it up and they've got the crane out there. And I said, well, let me know. They said, well, it's about to come down. So I hustled and then watched it.

Q And what about the Iraqi information minister? (Laughter.)

THE PRESIDENT: He's my man, he was great. (Laughter.) Somebody accused us of hiring him and putting him there. He was a classic.

Q Al-Sahhaf.

THE PRESIDENT: Al-Sahhaf.

Q He said: we are repulsing them at the airport, this war is just about over. (Laughter.)

THE PRESIDENT: He was great. (Laughter.)

Q Did you watch him actually? (Laughter.)

THE PRESIDENT: I did watch some of his clips. You know, a lot of the stuff I get, people come in and report to me – did you hear what so-and-so said, or, did you see that? So I get a lot of things secondhand.

But in the case of the statue or Sahhaf, somebody would say, he's getting ready to speak, and I'd pop out of a meeting or turn and watch the TV.

Q And did they tell you when Saddam made those bizarre video appearances very late in the war, when he was said to be walking around the neighborhood –

THE PRESIDENT: Yes, I saw some of that. Like, Condi will come in and say – I'll pick up the phone, I've got direct link now – I'll say, well, Condi, what is this business about, what does the Agency say about this latest videotape. She'll pop in and say, you know, I talked to Tenet and Tenet says our analysts can't imagine that the guy could possibly be alive, walking around Baghdad the same day the statue came down.

You know, as I told you, we had some evidence early on that strikes from the first day may have gotten him. I say "may" because we don't have the DNA in hand to prove, and people really don't want to be in a position, Tom, where you make – broadcasting success and then all of a sudden Saddam Hussein shows up somewhere. According to this one eyewitness, he's not going to show up anywhere.

Q Final question. You still have two big issues out there on the horizon: al Qaeda and North Korea. North Korea today saying that it's reprocessed 8,000 plutonium rods and if you don't start talking to them, they're willing to sell them.

THE PRESIDENT: Yes. See, they're back to the old blackmail game. One of our goals and objectives must be to strengthen the nonproliferation regimes and get the whole world focused on proliferation of weapons of mass destruction or the materials for weapons of mass destruction, and North Korea is making my case, that we've got to come together.

And we started that process in the North Korean peninsula that is coming together. The Chinese now, for the first time, are partners at the table. I look forward to hearing what the Chinese say about being rebuffed by the North Koreans because they, too, believe that the Peninsula ought to be nuclear weapons-free. This will give us an opportunity to say to the North Koreans and the world we're not going to be threatened. ON the other hand we, the world, must come together to make sure institutions like the IAEA are effective at stopping proliferation.

It's another reason, by the way for us to also advance the missile defense systems, because the missile defense system will make it less likely that a nuclear country could blackmail us or Japan or any one of our friends.

Q And al Qaeda?

THE PRESIDENT: Yes, we're on the hunt on al Qaeda.

Q Has it diminished 50 percent, 70 percent?

THE PRESIDENT: I can't give you a number, but it's certainly diminished. And Kalid Sheik Mohammed's arrest, right before the Iraqi war, was a blow to the al Qaeda network. They're still moving around, and we're watching. And we're moving. We're cutting off money. There are some parts of Afghanistan where we think some are hiding, and we've got – we're on their trail.

The other day, for example, in the Situation Room, we had Tommy up and he gave us a briefing on Iraq. He's the CENTCOM commander, as you know, also responsible for Afghanistan, and then the general in place in Afghanistan came up. So we split the briefing between Iraq and Afghanistan. And it was an important briefing because he was telling us troop strength and troop strategies, as well as how well the country is beginning to get on its feet.

But the point I'm trying to make is, is that we are constantly moving against al Qaeda in Afghanistan as we speak, or as we conduct the Iraq theater.

Q Mr. President, thank you very much for your time today, we really appreciate it.

THE PRESIDENT: I enjoyed it.

Q Thank you. I enjoyed it a lot.

Политическое интервью Дж. Буша (мл.) от 14 января 2007.

On Jan. 12, 2007, two days after President George W. Bush told the country that he would send 21,000 more troops into Iraq, the president sat down with 60 Minutes correspondent Scott Pelley for a candid conversation. The two met in Camp David's Laurel Cabin, where, in 2001, the president and his cabinet debated plans for the invasion of Afghanistan and thus launched the war on terror.

SCOTT PELLEY: The war on terror, in a sense, began in this room, began in this cabin where your Cabinet meeting was held. Back then the whole country was with you. And now you seem to have lost them. Why do you think so?

PRESIDENT GEORGE BUSH: Not to correct you, but the war on terror began on the streets of New York when an enemy attacked us. But you're right. We came here to plan a response. And, you know, I can remember thinking that it's gonna take a monumental effort to keep the country's attention on this war because it's an interesting dilemma for the president. On the one hand, you want them to understand we're at war. On the other hand, you want people to go about their daily lives. In other words, people can't be looking over their shoulder and seeing the next terrorist attack. And America has gone ahead. Our economy's good and people are, you know, helping their neighbors. And so I'm not that the danger the country felt after September 11th has slipped. Secondly, the Iraq War hadn't gone as well as I had hoped at this point in time. I mean, in my speech to the country I said we had good successes in 2005, and I truly believe we're gonna be in a position to reduce our presence. And then the situation changed on the ground. And people are, you know, people are discouraged. They don't approve of where we are. And so I think it's where the country is.

PELLEY: Most Americans at this point in time don't believe in this war in Iraq. They want you to get us out of there.

BUSH: I would hope they'd want us to succeed before we get out there. That's the decision I had to make. You know, Scott, I thought a lot about different options. One was doing nothing, just kind of the status quo. And I didn't think that was acceptable, and I think most Americans don't think it's acceptable. Secondly, we'd get out.

PELLEY: You actually thought about that?

BUSH: Of course I have. I think about it a lot, about different options. Listen, I've sat down with a lot of members of Congress, both parties, good decent people, who've said, "Start withdrawing now." I've thought about that, and my attitude is if we were to start withdrawing now, we'd have a crisis in our hands in Iraq. And not only in Iraq, but failure in Iraq will embolden the enemy. And the enemy is al-Qaeda and extremists. Failure in Iraq would empower Iran, which poses a significant threat to world peace. Failure in Iraq would provide safe haven, and the extremists still want to attack us. In other words, there's a lot of reasons that I know we must succeed. And so I thought long and hard about would withdrawal cause victory or cause success. And the answer is I don't believe so, and neither do a lot of experts. And so then I began to think, well, if failure's not an option and we've gotta succeed, how best to do so? And that's why I came up with the plan I did.

PELLEY: You think the whole region could be in play? Iraq, Iran, Saudi Arabia, Kuwait?

BUSH: Absolutely. No question in my mind. And I know this is hard for some Americans to understand. The operative phrase that I thought made a lot of sense about this war is: if we fail in Iraq, the enemy will follow us here. And the point I make is that what happens in the Middle East matters to the homeland. And that's different than in some past engagements. Secondly, chaos in the Middle East will empower extremists who hate America. And failure in Iraq, defeat of

America, in quotes, will then embolden these extremists. They'll be able to recruit more. They'll be able to find more suiciders. They'll have resources at their availability, like energy if they were able to topple modern governments. In other words, these people have a plan. They have a vision of the world. And they intend to use murder to enact their vision. And I fully understand that. You know, some of my buddies in Texas say, "You know, let them fight it out. What business is it of ours? You got rid of Saddam. Just let them slug it out." And that's a temptation that I know a lot of people feel. But if we do not succeed in Iraq, we will leave behind a Middle East which will endanger America in the future.

PELLEY: Instability in Iraq threatens the entire region?

BUSH: If the government falls apart and there is sectarian enclaves and violence, it'll invite Iran into the Shia neighborhoods, Sunni extremists into the Sunni neighborhoods, Kurdish separatist movements. All of which would threaten moderate people, moderate governments, and all of which will end up creating conditions that could lead to attacks here in America.

PELLEY: But wasn't it your administration that created the instability in Iraq?

BUSH: Well, our administration took care of a source of instability in Iraq. Envision a world in which Saddam Hussein was rushing for a nuclear weapon to compete against Iran. My decision to remove Saddam Hussein was the correct decision in my judgment. We didn't find the weapons we thought we would find or the weapons everybody thought he had. But he was a significant source of instability.

PELLEY: It's much more unstable now, Mr. President.

BUSH: Well, no question decisions have made things unstable. But the question is can we succeed. And I believe we can. Listen, I'd like to see stability and a unified Iraq. A young democracy will provide the stability we look for. I will tell you that if we just isolate ourselves from the Middle East and hope for the best, we will not address the conditions that had led young suiciders to get on airplanes to come and attack us in the first place.

PELLEY: You mention mistakes having been made in your speech. What mistakes are you talking about?

BUSH: You know, we've been through this before. Abu Ghraib was a mistake. Using bad language like, you know, "bring them on" was a mistake. I think history is gonna look back and see a lot of ways we could have done things better. No question about it.

PELLEY: The troop levels . . .

BUSH: Could have been a mistake.

PELLEY: Could have been a mistake?

BUSH: Yeah. [General] John Abizaid, one of the planners, said in front of Congress, you know, he thought we might have needed more troops. My focus is on how to succeed. And the reason I brought up the mistakes is, one, that's the job of the commander-in-chief, and, two, I don't want people blaming our military. We got a bunch of good military people out there doing what we've asked them to do. And the temptation is gonna find scapegoats. Well, if the people want a scapegoat, they got one right here in me 'cause it's my decisions.

PELLEY: Fair to say there are not enough American troops on the ground to provide security for Iraq?

BUSH: Let's let the historians work it out. But there's not enough troops on the ground right now to provide security for Iraq, and that's why I made the decision I made.

PELLEY: Do you think you owe the Iraqi people an apology for not doing a better job?

BUSH: That we didn't do a better job or they didn't do a better job?

PELLEY: Well, that the United States did not do a better job in providing security after the invasion.

BUSH: Not at all. I am proud of the efforts we did. We liberated that country from a tyrant. I think the Iraqi people owe the American people a huge debt of gratitude, and I believe most Iraqis express that. I mean, the people understand that we've endured great sacrifice to help them. That's the problem here in America. They wonder whether or not there is a gratitude level that's significant enough in Iraq.

PELLEY: Americans wonder whether . . .

BUSH: Yeah, they wonder whether or not the Iraqis are willing to do hard work necessary to get this democratic experience to survive. That's what they want.

PELLEY: You are gambling a lot, Mr. President, on the [Iraqi] Prime Minister [Nouri] al-Maliki. Why do you think that's a gamble worth making?

BUSH: Scott, I'm actually counting on the unity government of which Maliki is the head. Prime Minister Maliki and others who I talk to in the government understand that our patience is not unlimited.

PELLEY: Let's be blunt. You're a plain speaker. Let's be blunt. What have you told Maliki he has to do?

BUSH: I told him it's time to get going. He's got to provide the troops he said he would provide inside Baghdad and we'll help him, and that's why I've called for more troops. I said: when our guys get moving along with yours, you can't get on the phone for political reasons and stop the troops from going after killers. What they'd do is, we're going after this killer, and they say, well he's, for political reasons, don't. Killer is a killer. And we expect them to go after both Shia and Sunni murderers in order to provide the security for Baghdad. We expect them to have local elections. And I expect them to do the political work necessary to help reconcile this country. But the problem is, is that the sectarian violence in Baghdad started getting out of control so they fell behind the power curve, and we need to help them get their forces in place, embed with their forces, go alongside their forces and get control of the security situation in Baghdad. And that's why I have problems with these plans to say, well, get out of Baghdad. You know, we've got people in Congress, good people, saying need to withdraw. Now's not the time to withdraw. Now's the time to help them get a hold of the situation.

PELLEY: Is Muqtada al-Sadr an enemy of the United States?

BUSH: Anybody who murders innocent people or frustrating the ambitions of the Iraqi people and the United States.

PELLEY: I was on the battlefield in Najaf when al-Sadr's people killed your United States Marines.

BUSH: Right. And we killed them, as you recall.

PELLEY: Is Muqtada al-Sadr an enemy of the United States?

BUSH: If he is ordering his people to kill Americans, he is.

PELLEY: Without al-Sadr, there's no Maliki government.

BUSH: Well, Mr. Maliki has said publicly that militia, including Jaysh al-Mahdi, will either put down their arms or will be dealt with by Iraqi and US forces. And we're gonna hold them to it.

PELLEY: You don't fear that al-Sadr's actually running the show?

BUSH: He may wanna be but, no, I don't think he is.

PELLEY: Did you see the video of Saddam Hussein's . . .

BUSH: I saw some of it.

PELLEY: . . . execution?

BUSH: Yeah.

PELLEY: What did you think when you saw that?

BUSH: I thought it was discouraging. You know, obviously could have handled this thing a lot better. And I knew it'd be, you know, one of those incidents where it would call into doubt . . . it would create further skepticism. You know, it's important that – that chapter of Iraqi history be closed. They could have handled it a lot better.

PELLEY: I wonder if there was also some sense of satisfaction. You've had this guy in your sights for a long time.

BUSH: Not really. Not really. I was satisfied when we captured him. I'm just not . . . revenge isn't necessarily something that causes me to react. In other words, I'm not a revengeful person. I'm glad he received the justice that was due.

PELLEY: I'm curious. How did you see the video?

BUSH: Internet.

PELLEY: You called it up on the internet and watched it?

BUSH: Somebody showed me parts of it. Yeah. I didn't wanna watch the whole thing.

PELLEY: Well, you keep saying "parts of it." What do you mean you didn't wanna watch the whole thing?

BUSH: I wasn't sure what to anticipate beyond the yelling and stuff like that. And I didn't . . .

PELLEY: You didn't wanna see him go through the trapdoor.

BUSH: Yeah. Yes. I didn't.

PELLEY: Do you believe that the House has the constitutional authority to prevent you from the troop build-up? Can they stop you?

BUSH: By not funding the troops I suspect is what you're referring to.

PELLEY: That would be one . . .

BUSH: I assume that's one of their options. I will fight that, of course. 'Cause I think when you got a soldier in harm's way, they deserve a full support. I can understand why somebody doesn't agree with my plan, and there's gonna be plenty of opinions I'm sure about that in Congress, but when our troops are there, they need to be supported.

PELLEY: The Democrat leadership says, "We wanna support the troops who are on the ground. We just wanna redline the extra 20,000."

BUSH: Yeah. I will resist that. That would mean that they're not willing to support a plan that I believe will work and solve the situation. Listen, we've got people criticizing this plan before it's had a chance to work. And I, therefore, think they have an extra responsibility to show us a plan that will work. In other words, they're saying, "We're not even gonna fund this thing." And they're not gonna give it a chance.

PELLEY: There's no Democrat plan.

BUSH: It doesn't look like it to me. And maybe there will be one. Now, I've listened to a lot of good folks who are Democrats who have expressed their opinions. They're just as patriotic as I am. And the interesting is, Scott, a lot of people are saying, "Well, we can't afford to fail." In other words, people understand the consequences of failure. But what's deafening is those who say "we can't afford to fail and here's the plan that will cause us not to fail." Frankly, that's not their responsibility. It's my responsibility to put forward the plan that I think will succeed. I believe if they start trying to cut off funds, they better explain to the American people and the soldiers why their plan will succeed.

PELLEY: Do you believe as commander-in-chief you have the authority to put the troops in there no matter what the Congress wants to do?

BUSH: In this situation, I do, yeah. Now, I fully understand they could try to stop me from doing it. But I made my decision, and we're going forward.

PELLEY: You know better than I do that many Americans feel that your administration has not been straight with the country, has not been honest. To those people you say what?

BUSH: On what issue?

PELLEY: Well, sir . . .

BUSH: Like the weapons of mass destruction?

PELLEY: No weapons of mass destruction.

BUSH: Yeah.

PELLEY: No credible connection between 9/11 and Iraq.

BUSH: Yeah.

PELLEY: The Office of Management and Budget said this war would cost somewhere between \$50 billion and \$60 billion and now we're over 400.

BUSH: I gotcha. I gotcha. I gotcha.

PELLEY: The perception, sir, more than any one of those points, is that the administration has not been straight with . . .

BUSH: Well, I strongly disagree with that, of course. There were a lot of people, both Republicans and Democrats, who felt there were weapons of mass destruction. Many of the leaders in the Congress spoke strongly about the fact that Saddam Hussein had weapons prior to my arrival in Washington, DC. And we're all looking at the same intelligence. So I strongly reject that this administration hasn't been straight with the American people. The minute we found out they didn't have weapons of mass destruction, I was the first to say so. Scott, all I can do is just tell the truth, tell people exactly what's on my mind, which is what I do.

PELLEY: You seem to be saying that you may have been wrong but you weren't dishonest.

BUSH: Oh, absolutely. Everybody was wrong on weapons of mass destruction. I would ask people to go back and look at the comments of many of the Democrat leadership prior to my arrival in Washington, DC, people who'd looked at the same intelligence I looked at. I'd look at the people's comments when the run-up to the war. They had looked at the same intelligence I had looked at. It was pretty well universally thought he had weapons. And there was an intelligence failure, which we're trying to address. But I was as surprised as anybody he didn't have them.

PELLEY: When was it that you first found out or it dawned on you that, indeed, there were no weapons of mass destruction? And I wonder, did you think, "What have I done?"

BUSH: I wondered what went wrong, because you can't conduct this war on terror unless you've got good intelligence. And so the first thing I did was I put a commission together to take a good, hard look at what did go

PELLEY: You had to be angry as hell.

BUSH: Yeah, I wasn't happy. I don't think there was exact moment. I mean, I think when we got in there, people anticipated that we would find the weapons of mass destruction. The different reports, the different investigations, you know, those guys that went over there on behalf of the agency, they came back and made their reports pretty well, convinced me that the intelligence was wrong.

PELLEY: What should the American people look for in this war plan? When will they know whether it's working or not?

BUSH: Well, I'll know whether or not the Iraqis will do what they said they'd do here pretty quick. In other words, they said they'll commit some troops into Baghdad, more troops into Baghdad. We'll know pretty soon.

One of the interesting things is he said he would name a general to be the military governor or military commander of Baghdad. And he's done that. He, Maliki, has done that. We'll know whether or not the rules of engagement will be altered for political purposes. And so we'll have a pretty good indication pretty early.

PELLEY: We'll know in weeks?

BUSH: I'd say months as to whether or not the will is there and whether or not they're putting in the capability they said they would do.

PELLEY: Your military officers say that Iranian agents today are killing American troops on the ground in Iraq. Is that an act of war on the part of Iran against the United States?

BUSH: I think what they're saying is, is that the Iranians are providing equipment that is killing Americans. Either way it's unacceptable. As I said in my speech the other night, we will take measures to protect ourselves. We will interrupt supplies. We will find people that if they are, in fact, in Iraq killing Americans, they'll be brought to justice.

PELLEY: Is that an act of war against the United States on the part of the Iranian government?

BUSH: I'm not a lawyer. So act of war is kind of a . . . I'm not exactly sure how you define that. Let me just say it's unacceptable.

PELLEY: What would you say right now in this interview to the Iranian president about the meddling in Iraq?

BUSH: I'd say, first of all, to him, "You've made terrible choices for your people. You've isolated your nation. You've taken a nation of proud and honorable people, and you've made your country the pariah of the world. You've threatened countries with nuclear weapons. You've said

you want a nuclear weapon. You've defied international accord. And you're slowly but surely isolating yourself." And secondly, that "it's in your interest to have a unified nation on your border. It's in your interest that there be a flourishing democracy." And thirdly, you know, "If we catch your people inside the country harming US citizens or Iraqi citizens, you know, we will deal with them."

PELLEY: I wonder if you feel like you've been ill-served by your Cabinet members, [Defense Secretary] Mr. [Donald] Rumsfeld, perhaps even Vice-President [Dick] Cheney. Wrong on WMD. Wrong on the connection between 9/11 and Iraq. And now you're in a fix. And I wonder if you look back and wonder who let you down.

BUSH: Let me correct something on this connection between Saddam Hussein and 9/11. That was never the case in this administration. You know, I always said we never had evidence that Saddam Hussein ordered the attacks on 9/11. And so I don't know who continues to say that.

PELLEY: The vice-president suggested there was a connection, not necessarily 9/11, but certainly to al-Qaeda.

BUSH: [Al Qaeda's Abu Musab] al-Zarqawi was in Iraq. But rather than debating the past, let me get back to the question.

PELLEY: Yes, sir.

BUSH: The vice-president's been a great vice-president. And Don Rumsfeld did a really find job as Secretary of Defense. Quite the contrary, I feel like this country is blessed to have those kind of people serving.

PELLEY: Vice-president involved in these war plans?

BUSH: Absolutely.

PELLEY: As much as he ever has been?

BUSH: Oh, yeah, sure. I mean, I rely upon my National Security Council, and I expect everybody to make contributions, and I expect to hear everybody's opinions. And when I make up my mind, I expect them to salute and say, "Yes, sir, Mr. President."

PELLEY: Final question. How can you escalate the war when so many people in this country seem to be against it?

BUSH: I'm gonna have to keep explaining. That's why I'm doing this interview with you. And I gotta keep explaining, one, the consequences of failure, that failure in Iraq will affect the security of the people here in the United States. And secondly, that we can succeed. And the best way to succeed at this point in time is to increase troops in Baghdad to stop the sectarian violence so that a political process, an economic process . . . so that the will of the 12 million people that voted in Iraq can be realized. Scott, sometimes you're the commander-in-chief, sometimes you're the educator-in-chief, and a lot of times you're both when it comes to war. And I've just gotta continue to take my message to the people and to explain to them this is a well-thought-out decision that is in the interests of the today's generation of Americans and tomorrow's generation of Americans. What happens in the Middle East matters to the security of this country. We learned that lesson on September the 11th. The stakes are very high, and we have got not only to stay engaged diplomatically, but we've gotta succeed in chasing down terrorists as well as helping young democracies survive. What's interesting is that you got a young democracy in Lebanon being challenged. I believe there ought to be a Palestinian democracy. It is being challenged by militants. A young democracy in Afghanistan and a young democracy in Iraq, all being challenged by radicals and extremists. And they may seem like disparate elements, but they share the same vision and same philosophy, and they have the same desire to inflict damage, particularly on the United States of America. I think it's interesting that in the midst of all the troubles, that there are people who are actively fighting a form of government which is beneficial to people, and that's democracy. We are in an ideological struggle, and it's a really classic ideological struggle, and Iraq is part of it. And it's very important for me to not only continue to explain why I believe we can be successful in Iraq but explain to people that what happens in the Middle East will affect the future of this country.

Политическое интервью Дж. Байдена от 17 июня 2022.

WASHINGTON (AP) – A transcript of an Oval Office interview Thursday with President Joe Biden by AP White House reporter Josh Boak. Where the audio recording of the interview is unclear, ellipses or a notation that the recording was unintelligible are used.

AP: I wanted to thank you for taking the time to do this.

BIDEN: Sure, happy to.

AP: And I'm really interested in how you're thinking and how you're making choices during what seems like a really unique time in American history.

BIDEN: Well, I'm making choices. It's an interesting question. I'm making choices like I always have, in the sense that circumstances change but my objective doesn't change. Does that make sense to you? For example, I have, uh, from the time I've entered public life, it's been about how to give ordinary working-class and middle-class folks a shot (inaudible) .. instead of everything being viewed as from the top down. I'm not a big, is it working (a reference to the tape recorder).

AP: Yeah, we're good.

BIDEN: I'm not a big believer in trickle-down economy, and, um, and so everything I look at from the time I took this office, but even before that when I was a senator all those years, is what's the best shot to grow the economy from the bottom up and the middle out because when that happens everybody does well. The wealthy do very, very well. And the biggest thing I think that, when I came into this job, that I have the greatest frustration with the last four years, is that, um, uh, everything was constructed and built and arranged in order for the top 1 to 3% of the population to do very well. The rest was sort of, I mean that literally, everything else seemed to be an afterthought.

AP: So, let me ask about that, right, because you've seen the polls. There's a lot of voters who are very pessimistic. When I look at the consumer sentiment survey the University of Michigan puts out, even Democrats began to get really worried about a year ago regarding the economy and we've had people that have basically been through a pandemic, shortages of basic goods, inflation, some of the political divisions you're seeing right now on the Hill with the Jan. 6 hearings, and also a war in Europe. And how do you as a president provide a sense of stability and strength ... (crosstalk)

BIDEN: Well, if you notice, until gas prices started going up, which was about the same time, the University of Michigan survey, they had a very different view. Things were much more, they were much more optimistic. We came in and we started to grow the economy in significant ways. We were able to, ah, you know, go from 2 million shots in arms to 225 million. People were having access to dealing with the pandemic. We started opening up businesses, and opening up access to go back to work, etc. But then, in my experience, the way I was raised, if you want a direct barometer of what people are going to talk about at the kitchen table and the dining room table and whether things are going well, it's the cost of food and what's the cost of, of gasoline at the pump. I mean literally at the pump.

And if you notice, you know, uh, gasoline went up a, you know, \$1.25 right off the bat, almost, when, the, Putin's war started. Um, and as I said at the time, by the way, I made it clear with helping Ukraine, and organizing NATO to help Ukraine, that this was going to cost. There was going to be a price to pay for it. It was, this is not going to be cost-free, but we had, the option of doing nothing was worse. If he in fact moved into Ukraine, took hold of Ukraine, and Belarus, where it is, and he's been a threat to NATO, all those things would have even been more dire.

AP: Why is that? Because it seems like you knew the risks on Ukraine with regard to higher gasoline prices ...

BIDEN: Sure.

AP: ... that carried political risks for you at home ...

BIDEN: Sure.

AP: ... so when, when your aides said, "Look at the situation," how did you make that choice? What would you tell someone in Latrobe, Pennsylvania?

BIDEN: I'm the president of the United States. It's not about my political survival. It's about what's best for the country. No kidding. No kidding. So what happens? What happens if the strongest power, NATO, an organizational structure we put together, walked away from Russian aggression of over 100,000 troops marching across a border to try to, to occupy and wipe out a culture of an entire people. What, then, then what happens? What happens next? What do we do next?

AP: What did you fear would happen next if you didn't do?

BIDEN: Oh, I fear what would happen next is you'd see chaos in Europe. You would see the possibility they continue to move. You already saw what they're doing in Belarus. What would happen in the surrounding countries. Watch what would happen in Poland, and, and the Czech Republic and all the members of NATO. For example, you know, the reason Putin said he was going to go in was because he didn't want them to join NATO. And, uh, he, he, he, he wanted the sort of the Finland-ization of NATO. He got the NATO-ization of Finland, instead. (laughter) No, I'm serious.

AP: Yeah.

BIDEN: And so, the idea that if the United States stood by, then what does China think about Taiwan? Then what does North Korea think about nuclear weapons beyond testing and pressure?

AP: Do you think Americans have that sense of the stakes on a daily basis?

BIDEN: No, I don't. But I don't think, look, on a daily basis, most households just trying to figure out how to put, before, even when things were going well, just figure out how to put food on the table, take care of the kids, pay for their education, just basic things. You know, look, um, one of the, I've always suggested to younger people that want to get into public life, I ask them two things: Have you figured out what's worth losing over? Have you figured out what's worth losing over? If you haven't figured that out, don't get in politics. Go into a more profitable org, enterprise. Go into business, go into commerce, don't, be engaged. But unless you know what's worth losing over, don't get engaged. Number one. Number two. The purpose of public service is to promote views that you think are best for the American people.

I made a commitment and I think I can say that I've never broken, if I make a commitment. I wasn't going to run again, this time. I mean for real. I was not going to run. I just lost my son, I was teaching at Penn, I liked it, until all those guys came, come out of the woods ...

AP: Charlottesville.

BIDEN: ... the Charlottesville folks and this other guy said "good people on both sides" when an innocent woman was killed, etc. And, I made a decision. I've been doing this too long to do anything other than to try to do what was right. I mean, I'm not, there's nothing noble about it. But it's not worth it. So, you asked me what would I say to the American people. I'd say to the American people I've done foreign policy my whole career. I'm convinced that if we let Russia roll and Putin roll, he wouldn't stop.

AP: Let me ask on another hard choice you made. When you came into office, it seems as though you made the choice to prioritize job growth. Republicans right now are saying to voters that inflation started with your COVID relief package.

BIDEN: Zero evidence of that. Zero evidence of that, number one. Number two, we've reduced the deficit by \$350 billion last year. We reduced the deficit by a trillion, 700 billion this year. We grow the economy. Today, today, we have more people employed than, in a long, long time and we gained another 8.6 million jobs. And guess what? We still have hundreds of thousands of job openings.

AP: So, so do you think that when Treasury Secretary Yellen said it might have made a marginal contribution to inflation that that was off? Did anyone apprise you (interrupted)

BIDEN: Yeah, they apprised me.

AP: of possible trade-offs?

BIDEN: Now you just said two different things. You said Republicans said I caused inflation. She said it may have a marginal impact on it. Two different things. You could argue whether it had a marginal, minor impact on inflation. I don't think it did. And most economists do not think it did. But the idea that it caused inflation is bizarre.

AP: Let me ask, stepping back, after yesterday's Fed meeting. I know that you've said: "Look, our economy is strong. We have these jobs. It's the best look we've had in decades." But then you've got serious economists who warn of a recession next year.

BIDEN: Sure.

AP: What should Americans believe?

BIDEN: They shouldn't believe a warning. They should just say: "Let's see. Let's see, which is correct." And from my perspective, you talked about a recession. First of all, it's not inevitable. Secondly, we're in a stronger position than any nation in the world to overcome this inflation. It's bad. Isn't it kind of interesting? If it's my fault, why is it the case in every other major industrial country in the world that inflation is higher? You ask yourself that? I'm not being a wise guy. Someone should ask themselves that question. Why? Why is it? If it's a consequence of our spending, we've reduced the deficit. We've increased employment, increased pay. There was a survey done uh, uh, by the, uh, I forget which one it was, which one it was now, about three months ago. You had more people had lower debt (inaudible) credit cards, more savings in their savings account, higher pay in the job they had, more satisfaction in the job they had and they were in good shape financially.

AP: I believe that was a Fed survey. You see this interesting shift, though, in the Census pulse surveys, which show people are clearly employed in a way they haven't been. They are less dependent on unemployment benefits and the government for aid, and yet more of them say they're having trouble with meeting their weekly expenses.

BIDEN: Well, two things.

AP: What's that paradox?

BIDEN: Well, I think the paradox is, part of it is, I think what, the failure of the last administration to act on COVID had a profound impact on the number of people who got COVID and the number of people who died. Now here's what I'm, I think Vivek Murthy is right and most of the international and National Psychological Association, whatever it's, people are really, really down. They're really down. Their need for mental health in America has skyrocketed because people have seen everything upset. Everything they counted on upset. But most of it's a consequence of, of, of what's happening, what happened is a consequence of the, the COVID crisis.

People lost their jobs. People are out of their jobs. And then, were they going to get back to work? Schools were closed. Think of this. I think we vastly underestimate this. If you had, and instead of your child being, how old, five?

AP: Five.

BIDEN: Five years old. If your child had been 17 years old two years ago.

AP: I'm not ready for that.

BIDEN: Well get ready, man. Boy or girl?

AP: Girl.

BIDEN: Well I'll tell you what, she's gonna, she's going to be crazy about you until about age 13. And then hang on. But all kidding aside, here's the deal. Think about what it's like for the graduating classes of the last three years. No proms. No graduation. No, no, none of the things that celebrate who we are. Think about it across the board. How isolated we've become. How separated we've become. Even practical questions like, you know, can you go out on a date? I mean (inaudible) the normal socialization, how does that take place? There's overwhelming evidence it's had a profound impact on the psyche of parents, children, across the board. And we lost a million people.

And nine for every, according to a study, of those million people, nine significant family or close friends were left alive after they're gone.

AP: So you're talking about a country that has undergone profound psychological trauma.

BIDEN: Yes.

AP: What can you as a president do to address that psychology ...

BIDEN: Be confident.

AP: ... to make people feel more optimistic. Be confident?

BIDEN: Be confident. Be confident. Because I am confident. We are better positioned than any country in the world to own the second quarter of the 21st century. That's not hyperbole. That's a fact.

AP: And do you think that's because the U.S. is stronger, or because you see countries like China hitting speedbumps?

BIDEN: Look, I've spent more time with Xi Jinping than anybody, any other world leader. Imagine – let me put it – let me ask you a rhetorical question, and, you know, I mean, obviously you don't have to answer any of the questions.

AP: I'll answer whatever you need.

BIDEN: No no. No no no. But think of this. Name me a single major company, country in the world where that world leader wouldn't trade places with my problems for his in a heartbeat. Name me one. Not a joke.

AP: Do you think that ...

BIDEN: There are none.

AP: Well so, so, I mean, do you think people wouldn't want to be in Switzerland right now?

BIDEN: No, Switzerland has their own problems right now. When I said major, I meant major power, so – but, no. I mean, you know, I just had the, the American, you know, the whole hemisphere, beautiful countries in the Caribbean and beautiful countries that are, have, that are middle-class countries that are having serious problems. Everybody's having them. In the meantime, we have a little thing called climate change going on. And it's having profound impacts. We got the tundra melting. We've got the North Pole, I mean, so people are looking and, and I think it's totally understandable that they are worried because they look around and see, "My God, everything is changing." We have more hurricanes and tornadoes and flooding. People saw what – I took my kids years ago to Yellowstone Park. They call me, "Daddy did you see what happened at Yellowstone, right?" Well, it's unthinkable. These are 1,000-year kinds of events.

AP: And yet you face a possible tradeoff in that climate change has this big impact. And yet Americans are unhappy about the cost of gasoline

BIDEN: Sure.

AP: And fossil fuels. And I'm curious, like, what does that mean for you if you have to say, we need to increase production in the short term and companies say, but we don't have the long-term incentives?

BIDEN: Well, I say in the short term, do the right thing. Instead of, you know, they've made 315 or 16 billion, 35 billion dollars, these major oil companies in the first quarter. So I think it's three, twelve, five ... I don't know how many times (inaudible). Don't buy back your own stock. Don't, don't just reward yourselves. I mean, look, here's what. A lot happened. One of the things I ran on when I was running is that I, I come from the corporate capital of the world, Delaware. More corporations incorporated in my state than all the rest of the United States combined. Not a joke. Literally.

And, you know, they try to make me, my fr –, the MAGA party, tries to make me out to be this socialist. I got elected seven times, not just six, seven times, in that state. But one of the things that's changed is the notion of what constitutes corporate responsibility. The fact that you're in a situation where you have a Fortune 500 company, you got 55 paid zero taxes, made 40 billion dollars. Those surveys also show nobody, including Republicans in suburbia, think the tax system is fair. Billionaires paying 8%. All these things that are occurring that have to be shifted. It used to be, for example, I'll give you one example. It used to, am I holding up?

(Aide tells Biden time is almost up)

BIDEN: OK.

AP: So let me ask you because you brought it up, your domestic agenda. In speeches you've said your domestic agenda is key for helping the middle class and beating inflation.

BIDEN: Yes.

AP: Do you have the votes as of today, because ...

BIDEN: Yes. I think it's changing. Well, first of all, I had the votes. If I had told you (garble) ... You're not doing (inaudible). I'm impressed by your objectivity, how you write. I'm not being, I shouldn't say that on the record because then you'll get in trouble.

AP: I'm in trouble anyway. So it's OK.

BIDEN: But all kidding aside. Usually (inaudible) the question I get asked in the beginning with the Recovery Act: Can you get this passed? How can you possibly do that? I got 1.9 trillion dollars. Saved the economy. It used to be long lines, people in nice cars like we drive. Lined up just to get a box of food in their trunk.

People getting kicked out onto the street because they couldn't pay the rent. Thousands and thousands of people. And guess what? It worked. Secondly, no, here's the important point. The second piece of this is, that it also saw to it that we were able to provide for the funding for COVID, not only, not only the shots and the shots in arms, but also all the hospital costs. We were able to reduce the cost of insurance. My point is, people would say, "How can you get that done?" If I did, if any other president just passed that act, and the infrastructure bill, they'd say, "God almighty."

Name me a president that's done anything like that before. At the same time.

(Aide tells Biden time is up.)

AP: I guess one of the reasons why I ask is you did something revolutionary on child poverty, and you know it, with the child tax credit, an idea that came in part from Newt Gingrich back in the day, Contract With America. And a lot of families had hope from that. They moved out of public housing.

BIDEN: That's right.

AP: And then last year, they learned that their incomes were effectively going down.

BIDEN: Yep.

AP: And so when you present your agenda to the public, the reason why I'm asking if you have the votes is because people really want to know.

BIDEN: Sure they want to know. And on that answer is no. Not one single Republican, not one, not one, would vote to extend it. We're 50/50 and we lost one Democrat vote. So I'm one vote short on that piece. But for example, I'm going to be able to get, God willing, the ability to pay for prescription drugs. There's more than one way to bring down the cost for working folks. Gasoline may be up to \$5 a gallon, but somebody who has a child with stage two diabetes is paying up to a thousand bucks a month for the insulin.

We can reduce it to 35 bucks a month and get it done. We have the votes to do it. We're gonna get that done. That kinda thing. I can't get it all done. That's why I need the (inaudible) vote.

One more thing. Let's look at what our Republican friends are going to have to face with the Supreme Court decision on Roe. What they're going to have to face in terms of the Supreme Court –the failure, the failure of this Republican Party to be willing to do anything to deal with the basic social concerns of the country.

And so, I think, you know, I fully understand why the average voter out there is just confused and upset and worried. And they're worried, for example, you know, can they send their kid back to, back to college? What's going to happen? Are we going to take away the ability of people to borrow? So I think there's a lot of reasons for people to want to know what comes next.

And do I have the votes? I believe I have the votes to do a number of things. One, prescription drugs. Reduce utility bills by providing for, uh, I think, we'll be able to get the ability to have a tax incentive for winterization, which would, they estimate, bring down the average bill for the family, normal home, 500 bucks a year.

I think we would be able, we're gonna get another \$57 billion for semiconductors, so we don't have the supply chain problem we had before, keeping down the cost of vehicles. I think we're going to be in a situation where, we're gonna – I know we are – where we're going to reduce a person's average internet bill by 30 bucks a month, because we have the money through the, through the uh, uh, infrastructure bill to provide internet across country.

I think we're going to be able to have a fair tax system, to have the votes, it's going to be close, to have a minimum tax on corporations of 15%, make sure we're in a situation where the people who in fact are, the idea that a billionaire is paying 8% of income and a teacher is paying 22%. I think we're going to be able to get tax increases on super wealthy. Not a lot. Not a lot. I'm a capitalist. You should be able to (inaudible). For God's sake, pay your fair share. Just pay, pay a piece of what you owe. And I think we're gonna be able to do those kinds of things.

AP: Were you surprised (crosstalk) ...

(Aide tells Biden time is up.)

BIDEN: I know I'm supposed to go. That's the last question.

AP: Were you surprised because you referenced the reason why you ran was Charlottesville. And I'm curious, have you been surprised when you say Republicans weren't going to work with you at all on some of these issues? Did that surprise you, given what you knew that compelled you to run? And how do you deal with that environment? And how does that compare to your predecessors who are on the wall?

BIDEN: Well, my predecessor on the wall didn't pass the (inaudible) his first year, number one. Number two, the reason ... you know why that predecessor is on the wall. You never saw his picture in this office before. I asked my brother to put together the office for me – decide what desk I'd have. I didn't realize the outgoing president had to be out 10 o'clock, the incoming president by 2 o'clock. And you pick what you want and you got to get it all in by then. So I (inaudible) Jon Meacham come in and he set my office up for me, and so the desk they picked, and you know everything, everything except the wallpaper. And I used to, I came in here for eight years in a row as the vice president. George Washington's photograph is over there.

And I looked and I said, "Why Franklin Roosevelt?" Not that I don't like Franklin Roosevelt, but why put that big portrait of Franklin Roosevelt? And Jon Meacham said, "Because no one ever inherited that kind of big circumstances and dire, more dire straits than he did that last time." I said, "Oh, that's encouraging."

And I said, "Why Abraham Lincoln?" And he said, "The country's never been as divided since the Civil War." I knew those two things coming in. But what I also believed was I could get some of it done.

There was a, I just was reading an article (inaudible) that article by the, uh, the guy talking about Biden and how he brought the country, brought Republicans together, Republicans and Democrats. Anyway, I'll, I'll get it to you. I'll find it. Oh, here you go. New York Times Magazine. That's factually correct. Now, there's a lot I couldn't get done.

AP: Because you're about to get the Ocean Safety Bill, which passed the House with bipartisan support.

BIDEN: Well, yeah. By the way, And when you remember, I called for that, everybody said, "Oh, no, no no." But guess what? It's gonna pass. But my generic point is that, you know, we're going to get gun safety. We're not going to get what I wanted. We're gonna get a part where everybody, we're gonna get the, uh, the uh, uh, the, the Innovation Competition Act, a hundred million bucks is going to be invested outside of Cleveland by Intel. We're going to have another 57 mil ... You know, there's forced arbitration I got rid of in sexual orientation, sexual harassment cases. Juneteenth I got passed, no one said it could be done.

I'm not saying, "Look at all I've done." But I knew that were probably, probably 15 sort of traditional, mainstream, conservative Republicans left. And I include in that – and I'm going to get myself in trouble, and I'll get him in trouble, probably – but the minority leader from Kentucky. He's a solid, mainstream guy. But you have the, ah, the folks from Texas. You have a lot of folks who are very, very MAGA. For example, Johnson, you know, and Scott, they're. Every

five years, Social Security, Medicare, Medicaid go out of existence. You've got to build them back. They, these guys mean it. I mean, why in the hell did you ever think that would happen in your lifetime, and you're a young man?

AP: I feel like I'm getting more gray hair every day, sir. (Laughter.)

BIDEN: Well, I tell you what, well at least you're keeping it. I'd settle for orange if I had more hair. But all kidding aside, I think this is a process and I think what you're going to see this election is people voting their overall concerns as well. Even people who are not pro-choice are going to find it really, really off the wall when a woman goes across a state line and she gets arrested (garble) where she's doing. Even people who are, you know, I mean, there's so many things these guys are doing that are out of the mainstream of where the public is. And I think – but it is, I knew I was stepping into a difficult moment, but – Can I say something off the record?

(Off-the-record discussion.)

AP: Thank you, sir.

Политическое интервью Джо Байдена от 16 июля 2024.

LESTER HOLT: Mr. President, thank you for sitting down with us. There's a lot to talk about. I'd like to start with the horrible events of last weekend that has shocked a lot of Americans. At a political rally your opponent, Donald Trump – shot – in the middle of greeting his – his supporters. You spoke to Mr. Trump afterward. Can you give me – a sense of that conversation?

PRESIDENT JOE BIDEN: Very cordial. I told him how concerned I was, and want to make sure I knew how he was actually doing. He sounded good. He said he was fine and he thanked me for calling him. I told him he was literally in the prayers of Jill and me, and I hope his whole family was weathering this.

LESTER HOLT: You were in – in Delaware when this happened. What was your first reaction?

PRESIDENT JOE BIDEN: My first reaction was, "My God. This is" – look, there's so much violence now and the way we talk about it. I mean, the whole notion that there is this – there's – there's no place at all for violence in politics in America. None. Zero. And – we've reached a point where it's – it's become too commonplace, not assassinations, but to talk about it.

For example, you know, the January 6th – you know, the attack on the Capitol, the – I – I – Lester, I got in this race early on in 2020 – for the 2020 race. I wasn't gonna run again because I'd lost my son. I didn't – you know? And – until I watched what happened in Charlottesville, Virginia.

Those folks coming out of the woods with torches, carrying swastikas, singing the same Nazi bile that was accompanied by this Ku Klux Klan and a young woman was killed. And – and it was a bystander. And – the president – then president was asked, "What do you think?" He said, "The very fine people on both sides." Not fine people on both sides. No excuse. Zero.

LESTER HOLT: Well, let's talk about the conversation this has started. And it's really about language, what we say out loud and the consequences of those. You called your opponent an existential threat. On a call a week ago you said, "It's time to put Trump in the bull's-eye." There's some dispute about the – the context, but I think you appreciate that words matter –

PRESIDENT JOE BIDEN: I didn't say cross-hairs. I was talking about focus on. Look, the truth of the matter was what I guess I was talking about at the time was there was very little focus on Trump's – agenda.

LESTER HOLT: Yeah, the term was "bull's-eye."

PRESIDENT JOE BIDEN: It was – it was a mistake to use the word. I didn't mean – I didn't say "cross-hairs." I meant "bull's-eye" I meant focus on him. Focus on what he's doing. Focus on – on his – on his policies. Focus on the number of lies he told in the debate.

Focus on – I mean, there's – there's a whole range of things. Look, I'm not the guy that said (CLEARS THROAT) I want to be a dictator on day one. I'm not the guy that refused to accept the outcome of the election. I'm not the guy who said that wouldn't accept the outcome of this

election automatically. You can't only love your country when you win. And so the focus was on what he's saying and, I mean, the idea.

LESTER HOLT: But have – have you s – taken a step back and done a little soul searching on things that you may have said that could incite – people who are not balanced?

PRESIDENT JOE BIDEN: Well, I – I don't think – look, how do you talk about the threat to democracy, which is real, when a president says things like he says? Do you just not say anything 'cause it may incite somebody? Look, I – I – I – I have not engaged in that rhetoric.

Now, my – my – my opponent has engaged in that rhetoric. Talks about there'd be a bloodbath if he loses. Talking about how he's gonna forgive all the – actually, I guess, suspend the sentences of all those who were arrested and sentenced to go to jail because of what happened on – in the Capitol. I'm not out there making fun of – like, re – remember the picture of Donald Trump when Nancy Pelosi's husband was hit with the hammer, going – talking about – joking about it.

LESTER HOLT: This doesn't sound like you're – you're – you're turning down the heat, though. You – you've talked about the –

PRESIDENT JOE BIDEN: Oh, no, no, no, no. Look, what I'm turning down – we have to stop the whole notion that there are certain things that are contrary to our – our democracy that we're for. The idea of saying that you – “I didn't win the election” when every court in the land – every court in the land, 120 appeals said – and including this conservative Supreme Court said we won, the idea about having – a loyalty pledge from all the folks who are in the Republican MAGA – not all Republicans, the MAGA Republicans saying that, “No, we lost the election,” inflaming the people to say – I – you – I mean –

LESTER HOLT: So – so what – what – what can you and what will you do, at – at least things you can control, to lower down the temperature, the rhetoric out there?

PRESIDENT JOE BIDEN: Continue to talk about the things that matter to the American public. It matters whether or not you accept the outcome of elections. It matters whether or not you, for example, talk about how you're gonna deal with the border instead of talking about people as being vermin and all – I mean, those things matter. That's the kind of language that is inflammatory.

LESTER HOLT: Mr. President, you've been in politics a very long time, so let – let's speak frankly. We're all adults here. Has this shooting changed the trajectory of this race?

PRESIDENT JOE BIDEN: I don't know. And you don't know either.

LESTER HOLT: I don't know, but – but –

PRESIDENT JOE BIDEN: No. No, I – I –

LESTER HOLT: Have you – it's something you've given thought to?

PRESIDENT JOE BIDEN No. I – I've thought less about the trajectory of the case than two things. 1) What his health is, that that was secure, number one. And number 2) what happens from here on in terms of the kind of coverage that the president and vice president and – and former president and new vice president get in terms of – look, I've never seen a circumstance where you ride through certain rural areas of the country and people have signs there stand – big Trump signs with – m – middle – signs saying “F Biden” and the little kid standing there putting up his middle finger.

I mean, that's the kind of stuff that is just inflammatory and a kind of viciousness. It's a very different thing than – than saying, “Look, I really disagree with Trump's – the way he takes care of taxes, the way he has – wants a \$5 trillion tax cut for people who are making a lot of money next time around. Doesn't focus on working-class people.”

LESTER HOLT: But those are policy issues. And – and we –

PRESIDENT JOE BIDEN: Well –

LESTER HOLT: Our history is – is – a country that can thoroughly hash out those issues

–

PRESIDENT JOE BIDEN: Right. And that's – and you'll notice, what did I talk about with him? The policy issues where he's – where he's dividing the country. The policy issues that relate to democracy.

LESTER HOLT: Ano – another question, if I can, about – Saturday. Of course, the – the former president was wounded. One of his supporters died. A couple more people were seriously injured. Was this a massive security failure?

PRESIDENT JOE BIDEN: I have had two meetings in the Situation Room with all the – all the intelligence communities, the FBI, Secret Service Center. And I've all – I've asked for a totally independent analysis. And we'll see what happens when that – that comes back.

LESTER HOLT: Do you have – are you – are you – you have confidence in the Secret Service? Do you feel safe?

PRESIDENT JOE BIDEN: I feel safe with the Secret Service. But look, you saw the – what we did see was the Secret Service who responded risked their lives responding. They were ready to give their lives for the president. The question is should they have anticipated what happened. Should they have done what they needed to do to prevent this from happening? That's the question that's – that's an open question.

LESTER HOLT: Is it acceptable that you have still not heard, at least publicly, from the Secret Service director?

PRESIDENT JOE BIDEN: Oh, I've heard from him. I – I've –

LESTER HOLT: But have you heard from her publicly?

PRESIDENT JOE BIDEN: Publicly. I've sat down in the Situation Room downstairs. The Secret Service, the FBI, the national security agencies, the Homeland Security, all the major elements. And there's two pieces to this, too. And it's – it's not an excuse. It's just an ordinary explanation. There's a major piece of this related to domestic and local law enforcement. They play a large role. And so there's a different comp – I'm not saying they weren't competent either. I'm just saying it's a complicated process. And what has changed, by the way, Lester, is (CLEARS THROAT) you me, I'm – I like to meet people. I like to walk out, shake hands, move, look at people in the eye, see what they're thinking. It's really curtailed that ability on my part and on everybody's part. And so because there's a heightened notion that when you say there's nothing wrong with going to the Capitol, breaking in, threatening people, a couple cops dying, hanging – put – putting up a noose, a gallows for – done for the vice – the former vice president, and you – and some – somehow you – and then you say you're gonna forgive people for that, you're gonna pardon 'em, that that was just a normal response, that is not – I have my entire career voted against and railed against and moved against the idea of violence is never appropriate. Never, never, never, never, never in politics.

LESTER HOLT: All right. I want to ask you about some other developing news today if I can. Judge Cannon dismissed the documents case, as you may have heard, in Mar-a-Lago. Can I first get your reaction to that?

PRESIDENT JOE BIDEN: I'm not surprised. It comes from the immunity decision the Supreme Court – ruled on, and Clarence Thomas, in his dissent, said that independent prosecutors appointed by the attorney general aren't legit. That's the basis on which this judge moved to dismiss. And – but – I had an independent prosecutor look at me. They spent months on my – going through and I was totally cooperative. In and out of my house, there were – I don't know the last time in there were, like, 10, 12 agents in my house for nine hours unaccompanied going through every single thing I had. That's appropriate. And they looked at me and concluded I didn't do a damn thing wrong. But my generic point is that it's – well, the – the basis upon which the case was thrown out I find specious because I don't agree with what Clarence Thomas's dissent and/or the Supreme Court decision on immunity.

LESTER HOLT: In light of this decision, the delay in the Georgia case, the Supreme Court decision on immunity which you reference the former president has seen a series of legal wins recently. You've – you've actively campaigned on his legal woes. Can you do anything like that anymore?

PRESIDENT JOE BIDEN: Sure. I can talk about what I think is appropriate. What I think is appropriate. I think the Supreme Court made a terrible decision. I think (CLEARS THROAT) the justices that he appointed have in fact been the most conservative and I – I would argue, if you check – surveyed constitutional scholarship, it – they seem out of touch with what the founders intended.

LESTER HOLT: Before this violent turn of events over the weekend, the talk, as you know, was about you and your future, if you should stay in the race. Your allies, James Clyburn, Nancy Pelosi, have kind of put it out there that they're waiting for your decision, giving you time to make your decision. What I hear from you is that you made your decision. Are you still comfortable in that decision? Has anything changed in the last several days?

PRESIDENT JOE BIDEN: No.

LESTER HOLT: What do you make of people like Nancy Pelosi, though, who seem to be of the opinion that there is a window for you to make this choice? What aren't they getting?

PRESIDENT JOE BIDEN: Look – we knew this – this was gonna be a close race from the moment he announced. The idea that (CLEARS THROAT) we are in a situation where if you look at all the polling data, the polling data shows a lot of different things, but there's no wide gap between us.

It's essentially a toss-up race. And I think one of the arguments that get made, you have the most successful presidency of any president in modern history, maybe since Franklin Roosevelt. Passed more major legislation no one thought you could get done. Were able to put together a consensus. Were able to unite NATO. Were able to deal in f – foreign policy. Why don't you just decide to rest on that – on those laurels? And the answer is because the job's not finished.

LESTER HOLT: Do you feel like you've weathered the storm on – on this issue of whether you should be on the ticket or not?

PRESIDENT JOE BIDEN: Look, 14 million people voted for me to be the nominee in the Democratic Party, okay? I listen to them.

LESTER HOLT: In your last TV interview you were asked if you had watched the debate and your answer was, "I don't think so, no." Have you since seen it?

PRESIDENT JOE BIDEN: I've seen pieces of it. I've not watched the whole debate.

LESTER HOLT: And – and the reason I ask, because I guess the question is are you all on the same page as to where – are you seeing what they saw, which was moments of, frankly, it – it appeared to be you – you appeared to be confused.

PRESIDENT JOE BIDEN: Lester, look, why don't you guys ever talk about the 18 – the 28 lies he told? Where – where are you on this? Why doesn't the press ever talk about that? Twenty-eight times, it's confirmed, he lied in that debate. I had a bad, bad night. I wasn't feeling well at all. And – and I had been – without making – I screwed up. But –

LESTER HOLT: The re – I just ask the question because – the – the idea that you may or may not have seen what some of these other folks have seen. You're not on the same –

PRESIDENT JOE BIDEN: I didn't have to see it – I was there. (LAUGH) I didn't have to see it. I was there. And by the way, seriously, you won't answer the question, but why doesn't the press talk about all the lies he told? I haven't heard –

LESTER HOLT: Well, we –

PRESIDENT JOE BIDEN: – anything about that.

LESTER HOLT: We – we have reported many of the issues that came of that –

PRESIDENT JOE BIDEN: No you haven't –

LESTER HOLT: – that debate.

PRESIDENT JOE BIDEN: No you haven't.

LESTER HOLT: Well, we'll provide you with them.

PRESIDENT JOE BIDEN: God love you.

LESTER HOLT: Okay. (LAUGH) President O – Obama put out a statement after the debate, but should he and Michelle Obama be doing more to express their confidence in you?

PRESIDENT JOE BIDEN: No, they – they’re helping me. They’ve helped me from the beginning. This is my job to get this done.

LESTER HOLT: Have you talked to him recently about this?

PRESIDENT JOE BIDEN: I haven’t talked to him in a couple weeks.

LESTER HOLT: Have you – have you talked to him since this issue came to light, since the debate?

PRESIDENT JOE BIDEN: I don’t think – I may have. I don’t think so.

LESTER HOLT: Who do you listen to on deeply personal issues like the decisions whether to stay in the race or not?

PRESIDENT JOE BIDEN: Me. Look, I’ve been doing this a long time. The idea that I’m the old guy, I am. I’m old. But I’m only three years older than Trump, number one. And number two, my mental acuity’s been pretty damn good. I’ve gotten more done than any president has in a long, long time in three and a half years. So I’m willing to be judged on that. I understand. I understand why people say, “God, he’s 81 years old. Whoa. What’s he gonna be when he’s 83 years old, or 84 years?” It’s a legitimate question to ask.

LESTER HOLT: Wanna ask you about – just shortly before you and I sat down, former President Trump named his vice presidential pick, JD Vance. What does that tell you – his qualities, what does that tell you about – former President Trump’s values in – in terms of who he will surround himself with in the next administration should he win?

PRESIDENT JOE BIDEN: Well, it’s not unusual. He’s gonna surround himself with people who agree completely with him, have a voting record, that support him. Even though if you go back and look at some of the things that JD Vance said about Trump. (LAUGH)

LESTER HOLT: Well, he said some things about you, yeah.

PRESIDENT JOE BIDEN: Well, that – he says some things about me, but see what he said about Trump. What’s with you guys? Come on, man. Look, the point I’m making is that JD Vance has – has adopted the same policies. No exceptions on abortion, making sure that he supports – a new \$5 trillion tax cut that Trump wants to give in the next administration, signing on to the whole notion of whether or not we’re gonna – there’s – he says there’s no climate change that’s happening. I mean, he signed on to the – to the Trump agenda, which he should if he’s running with Trump.

LESTER HOLT: Mr. Trump has said he’s giving you a chance to redeem yourself, basically the idea of engaging in another debate.

PRESIDENT JOE BIDEN: We were gonna have another debate.

LESTER HOLT: Yeah, you’re gonna have one in September that’s on the books. Would you be open to doing one in, you know, the next few weeks?

PRESIDENT JOE BIDEN: I’m gonna debate him when we agreed to debate. And I agreed to debate him in September.

LESTER HOLT: But if – if the opportunity came up to do one between now and then? Is there – is there a sense of wanting to get back on the horse?

PRESIDENT JOE BIDEN: I’m on the horse. Where have you been? I’ve done 22 major events, met thousands of people, overwhelming crowds. A lot’s happening. I’m on the horse. What I’m doing is going out and demonstrating to the American people that I have command of all my faculties, that I don’t need – notes. I don’t need telepro – I can go out and answer any questions at all. And I stood there when – when NATO was in town. I stood there for an hour and answered questions.

LESTER HOLT: If you were to have – continue to run and – and be officially nominated, what happens if you have another episode like we saw during the debate?

PRESIDENT JOE BIDEN: What happened INAUDIBLE?

LESTER HOLT: Yeah, what hap – what happens if – if you have another performance on that par – on that level?

PRESIDENT JOE BIDEN: I don’t plan on having another performance on that level.

LESTER HOLT: All right. Mr. President, it's always good to talk to you. Good to see you. Thank you for making some time for us.

PRESIDENT JOE BIDEN: Sometimes come and talk to me about what we should be talking about.

LESTER HOLT: All right.

PRESIDENT JOE BIDEN: Okay? The issues.

LESTER HOLT: Always happy to talk.

Политическое интервью Б. Обамы от 07 сентября 2024.

CHUCK TODD:

Mr. President, welcome back to your 12th appearance on Meet the Press.

PRESIDENT OBAMA:

Great to see you.

CHUCK TODD:

Thanks for doing this. We start with a very basic question. Are you preparing the country to go back to war?

PRESIDENT OBAMA:

I'm preparing the country to make sure that we deal with a threat from ISIL. Keep in mind that this is something that we know how to do. We've been dealing with terrorist threats for quite some time. This administration has systematically dismantled Al Qaeda in the FATA. We just yesterday announced the fact that we had taken out the top leader of Al-Shabaab the terrorist – organization in Somalia.

ISIL poses a broader threat because of its territorial ambitions in Iraq and Syria. But the good news is coming back from the most recent NATO meeting is the entire international community understands that this is something that has to be dealt with.

So what I have done over the last several months is, first and foremost, make sure that we got eyes on the problem, that we shifted resources, intelligence, reconnaissance. We did an assessment on the ground. The second step was to make sure that we protected American personnel, our embassies, our consulates. That included taking air strikes to ensure that towns like Erbil were not overrun, critical infrastructure, like the Mosul Dam was protected, and that we were able to engage in key humanitarian assistance programs that have saved thousands of lives.

The next phase is now to start going on some offense. We have to get an Iraqi government in place. And I'm optimistic that next week, we should be able to get that done. And I will then meet with congressional leaders on Tuesday. On Wednesday, I'll make a speech and describe what our game plan's going to be going forward.

But this is not going to be an announcement about U.S. ground troops. This is not the equivalent of the Iraq war. What this is is similar to the kinds of counterterrorism campaigns that we've been engaging in consistently over the last five, six, seven years. And the good news is that because of American leadership, we have I believe, a broad-based coalition internationally and regionally to be able to deal with the problem.

CHUCK TODD:

What are you asking of the American people on Wednesday? You say you're giving a speech. That's the type of thing, I assume, you're preparing the country for something. What are you asking of them? What do you want – what do you want the American people to receive?

PRESIDENT OBAMA:

Well more than that, I just want the American people to understand the nature of the threat and how we're going to deal with it and to have confidence that we'll be able to deal with it.

CHUCK TODD:

You realize you're giving that speech the day before the 13th anniversary of 9/11.

PRESIDENT OBAMA:

But right. And I – I want everybody to understand that we have not seen any immediate intelligence about threats to the homeland from ISIL. That's not what this is about. What it's about is an organization that, if allowed to control significant amounts of territory, to amass more resources, more arms to attract more foreign fighters, including from areas like Europe, who have Europeans who have visas and then can travel to the United States unimpeded, that over time, that can be a serious threat to the homeland.

In – in the more immediate term, it's an imm – it's a threat to friends, partners in the region and is causing all kinds of hardship. And we've seen the savagery not just in terms of how they dealt with the two Americans that had been taken hostage but the killing of thousands of innocents in – in Iraq thousands of innocents in Syria, the kidnapping of women the complete disruption of entire villages.

So what I'm going to be ask – asking the American people to understand is, number one, this is a serious threat. Number two, we have the capacity to deal with it. Here's how we're going to deal with it. I am going to be asking Congress to make sure that they understand and support what our plan is. And it's going to require some resources, I suspect, above what we are currently doing in the region –

CHUCK TODD:

This is asking Congress for a vote, an authorization of your strategy. This is not a what – what does that mean?

PRESIDENT OBAMA:

Well, I – I – I'm confident that I have the authorization that I need to protect the American people. And I'm always going to do what's necessary to protect the American people. But I do think it's important for Congress to understand what the plan is, to have buy in, to debate it.

And that's why we've been consulting with Congress throughout. And this speech will allow Congress, I think, to understand very clearly and very specifically what it is that we are doing but also what we're not doing. We're not looking at sending in 100,000 American troops.

We are going to be as part of an international coalition, carrying out air strikes in support of work on the ground by Iraqi troops, Kurdish troops. We are going to be helping to put together a plan for them, so that they can start retaking territory that ISIL had taken over.

We are going to have to work with our regional partners to attract back Sunni tribes that may have felt that they had no connection to a Baghdad government that was ignoring their grievances. And so there's going to be an economic element to this. There's going to be a political element to it. There's going to be a military element to it. And what I want people to understand, though, is that over the course of months, we are going to be able to not just blunt the momentum of ISIL. We are going to systematically degrade their capabilities. We're going to shrink the territory that they control. And ultimately we're going to defeat 'em.

CHUCK TODD:

Long way, long way from when you described them as a JV team.

PRESIDENT OBAMA:

Well, I –

CHUCK TODD:

Was that bad intelligence or your misjudgment?

PRESIDENT OBAMA:

Keep – keep – keep in mind I wasn't specifically referring to ISIL. I've said that, regionally, there were a whole series of organizations that were focused primarily locally. Weren't focused on homeland, because I think a lot of us, when we think about terrorism, the model is Osama bin Laden and 9/11. And the point that I was –

CHUCK TODD:

You don't believe these people –

PRESIDENT OBAMA:

Not yet. But they – they can evolve. And I was very specific at that time. What I said was, not every regional terrorist organization is automatically a threat to us that would call for a major

offensive. But what is absolutely clear in ISIL, which started as Al Qaeda in Iraq and arose out of the U.S. invasion there and was contained because of the enormous efforts of our troops there then shifted to Syria, has metastasized, has grown. And now we're going to have to deal with –

CHUCK TODD:

They're not a JV team.

PRESIDENT OBAMA:

Well, they're not a JV team. But keep in mind that we anticipated some of these problems in the speech that I gave at West Point you know, several months ago, where I specifically said, our goal should not be to think that we can occupy every country where there's a terrorist organization.

Our goal has to be to partner more effectively with governments that are committed to – pushing back against the kind of extremism that ISIL represents. And that's going to require us to do things a little bit differently. We're going to have to work smarter.

We're going to have to train the military there more capably. We've got to do more effective diplomatic work to eliminate the the schism between Sunni and Shia that has been fueling so much of the violence in Syria, in Iraq. And so we put together a plan that is compatible with the kind of work that we're doing now.

CHUCK TODD:

You've not said the word, "Syria," so far in our conversation. Obviously, if you're going to defeat ISIS, you have used very much stronger language. It's gone through the week during your trip to Wales. You got to go to Syria in some form or another.

You've ruled out boots on the ground. And I'm curious, have you only ruled them out simply for domestic political reasons? Or is there another reason you've ruled out American boots on the ground? Because your own – your own guys have said, "You can't defeat ISIS with air strikes alone."

PRESIDENT OBAMA:

Well, they're absolutely right about that. But you also cannot, over the long term or even the medium term, deal with this problem by having the United States serially occupy various countries all around the Middle East. We don't have the resources. It puts enormous strains on our military. And at some point, we leave. And then things blow up again. So we –

CHUCK TODD:

That's what happened with Iraq.

PRESIDENT OBAMA:

–so – so we've got to have a more sustainable strategy, which means the boots on the ground have to be Iraqi.

CHUCK TODD:

What about Syria –

PRESIDENT OBAMA:

And – and in Syria, the boots on the ground have to be Syrian. And that's why –

CHUCK TODD:

Who?

PRESIDENT OBAMA:

Well we have a Free Syrian Army and a moderate opposition that we have steadily been working with but we have vetted. They have been on the defensive, not just from ISIL, but also from the Assad regime. And what – you know, if you recall, at the West Point speech that I gave, I said, we need to put more resources into the moderate opposition in part because, unless we have people we can work with who are Sunni in these Sunni regions, then we're going to continue to have these problems.

And so the – the strategy both for Iraq and for Syria is that we will hunt down ISIL members and assets wherever they are. I will reserve the right to always protect the American people and go after folks who are trying to hurt us wherever they are.

But in terms of controlling territory, we're going to have to develop a moderate Sunni opposition that can control territory and that we can work with. The notion that the United States should be putting boots on the ground, I think would be a profound mistake. And I want to be very clear and very explicit about that.

CHUCK TODD:

I – I got a somewhat snarky email from a – from a casual viewer who said, "The United States gives a lotta military aid to Saudi Arabia. It's about time they use it." What do you say to that?

PRESIDENT OBAMA:

Well, I think that it is absolutely true that we're going to need Sunni states to step up, not just Saudi Arabia, our partners like Jordan, the United Arab Emirates, Turkey. They need to be involved. This is their neighborhood. The dangers that are posed are – are more directed at them right now than they are us.

And that's part of the conversation that John Kerry's going to be having this week. I sent him there after we left – the NATO meeting in Wales. And the good news is, I think, for the, perhaps the first time, you have absolute clarity that the problem for Sunni states in the region, many of whom are our allies, is not simply Iran. It's not simply a Sunni-Shia issue.

Sunni extremism, as represented by ISIL, is the biggest danger that they face right now. And with that understanding, it gives us the capacity for them to start getting more active and more involved. And by the way, some of that's military. But some of it is giving political support to Baghdad and strengthening relations with Shia leaders in Baghdad. Some of it is reaching out to the Sunni tribes in Iraq and identifying who we can work with, so that they can fight their own battles to free villages and regions that, you know, where they live. So they've got a big role to play. And, finally, a strategic messaging. One of the things we've seen about ISIL is they're really good on social media.

They – they understand how to – message to disaffected youth throughout the Arab world and throughout the Sunni world what they're doing. And the question is, when are the moderate Sunni states and leadership going to work systematically to say, "what ISIL represents isn't Islam." It is an abortion – a distortion – an abomination of that – that has, you know, somehow tied Islam to the kind of nihilistic thinking that any civilized nation should – should eliminate.

CHUCK TODD:

Did you – did you see those messages they sent to you, naming you, when they – when they – when they beheaded those American journalists?

PRESIDENT OBAMA:

Yes.

CHUCK TODD:

They sent messages addressing you personally. Did you watch 'em?

PRESIDENT OBAMA:

Did I – I was – I review – as part of our overall counterterrorism effort, I review all the social media that many of these groups. And then these are – this isn't the first organization to deploy social media. This is increasingly the way that they're recruiting, particularly among foreign fighters. And we need a much more effective counter-narrative. And it can't come from us. I mean, because if I –

CHUCK TODD:

I'm just curious. You know, when they address you like that and they behead an American, I mean, does it – what – how does that impact you?

PRESIDENT OBAMA:

Well – you know, when you – it's not so much how it affects me personally. It's thinking about the parents of and family members – of these folks who were affected. That never goes away. And you understand that, you know, the way to vindicate the love and concern that these families have, is to make sure we've got a good policy, a smart policy, that prevents these kinds of things from happening in the future.

CHUCK TODD:

Assad essentially putting – putting aside that priority that Assad must go, because ISIS is a more direct threat?

PRESIDENT OBAMA:

You know, the reason we're in this situation is because Assad brutalized his people and specifically brutalized the Sunni population that is the majority in Syria. It's going to be hard for us to attract Sunnis to fight against ISIL in this area if they think that we're doing it on behalf of Assad.

So, our attitude towards Assad continues to be that you know, through his actions, through using chemical weapons on his own people, dropping barrel bombs that killed innocent children that he – he has foregone legitimacy. But when it comes to our policy and the coalition that we're putting together, our focus specifically is on ISIL. It's narrowly on ISIL.

We will continue to look for opportunities, even as we're going after terrorists who could harm Americans and our friends and partners in the region. We'll continue to look for opportunities to see if we can have any political resolution of the challenges in Syria.

We're going to need that. But in order to do that, we've got to have a moderate Sunni opposition. Right now in Syria, you've got a choice, in the minds of a lotta people, between radical Sunni extremists or Assad.

CHUCK TODD:

That's not a choice.

PRESIDENT OBAMA:

That's not a choice. We've got and what we know is is that there are millions of decent, good Sunnis, many of whom have been displaced. They're in Turkey. They're in Jordan. Many of them are still in Syria although getting squeezed between these two extremes. And we've got to be able to reach to them, find a military and political structure that'll allow them to express themselves. Then maybe we can get the kinda political resolution that we need.

CHUCK TODD:

I've got a few other topics. Ebola, there's some anxiety in the country about it. Obviously, it's something that Africa's trying to get its hands around. But there is obviously anxiety in the United States. How concerned are you? And how concerned should Americans be?

PRESIDENT OBAMA:

Well, Americans shouldn't be concerned about the prospects of contagion here in the United States, short term. Because this is not an airborne disease.

CHUCK TODD:

I noticed you said short term, though.

PRESIDENT OBAMA:

Well, I'm going to get to that. It's not an airborne disease, like the flu. You can only catch it through the transmission of bodily fluids where you have a strong public health infrastructure. Now, typically, there's one person who's identified, or a couple of people who are identified as having the virus. Isolate them. Run through a real tight protocol. And it – it gets contained – pretty effectively. The problem that we've got is in, right now, a limited portion of western Africa, primarily Li – especially in Liberia but also Sierra Leone, Guinea –

(OVERTALK)

CHUCK TODD:

Политическое интервью Б. Обамы от 02 ноября 2025.

PRESIDENT OBAMA:

Yeah. They – they – they –

CHUCK TODD:

And all of a sudden, I mean, this is –

PRESIDENT OBAMA:

They're – they're – they're making some significant progress. But they – they didn't have a public health infrastructure. So now what we have is what should be a containable problem breaking loose because people aren't being quarantined properly. People aren't being trained properly. People aren't being trained properly. There aren't enough public health workers.

So what I've said, and I said this two months ago to our National Security Team, is we have to make this a national security priority. We have to mobilize the international community, get resources in there. We're going to have to use –

CHUCK TODD:

It's going to be a U.S. effort –

PRESIDENT OBAMA:

As usual. And we're going to have to get U.S. military assets just to set up, for example isola – isolation units and – and equipment there, to provide security for public health workers surging from around the world. If we do that, then it's still going to be months before this problem is controllable in Africa.

But it shouldn't reach our shores. Now, here's the last point I'm going to make. If we don't make that effort now, and this spreads not just through Africa but other parts of the world, there's the prospect then that the virus mutates. It becomes more easily transmittable. And then it could be a serious danger to the United States.

This is an example of where U.S. leadership is important in dealing with crisis. But it's also an argument for why when – when I go before Congress, and I say, "Let's give some public health aid to countries like Liberia, so that they can set up hospitals and nurses and vaccinations, et cetera," you know, sometimes, you know, the American public says, "Why are we wasting money on them?" Well, part of it is because, you know, when – when we make those short-term investments now, it really pays off a lot of dividends in the future.

CHUCK TODD:

Let me go to immigration. You made a decision to delay any executive action until after the election. What do you tell the person that's going to get deported before the election that this decision was essentially made in your hopes of saving a democratic Senate?

PRESIDENT OBAMA:

Well, that – that's not the reason. A couple of things that I want to say about immigration. Number one, I have been consistent about why this is important. The country's going to be better off if we have an immigration system that works, that has strong border security, that has streamlined our legal immigration system, so the best and the brightest who want to stay here and invest here and create jobs here can do so, that families can be unified, and that a system where the millions of people who are here, in many cases, for a decade or more, who have American kids, who are neighbors, often times are our friends, that they have a path to get legal by paying taxes and getting above board, paying a fine, learning English, if they have to.

So the good news is we have bipartisan support for that. We have a Senate bill that would accomplish that. The House Republicans refuse to do that. And what I said to them was, "If you do not act on something that's so common sense that you got labor, business, evangelicals, law enforcement, you've got folks across the board supporting it, then I'm going to look for all the legal authorities I have to act."

What we've now done is laid the groundwork for that. Jeh Johnson, the head of the Department of Homeland Security, has presented me preliminary, you know, ideas in terms of how we can take executive action. And what I've determined is I want to make sure we get it right. I want to make sure, number one, that all the t's –

CHUCK TODD:

But the politics, I mean, it looks like election year politics.

PRESIDENT OBAMA:

Not only do I want to make sure that the Ts are crossed and the Is are dotted, but here's the thing, and Chuck, and I'm being honest now, about the politics of it. This problem with unaccompanied children that we saw a couple weeks ago, where you had, from Central America, a surge of kids who were showing up at the border, got a lot of attention.

And a lot of Americans started thinking, "We've got this immigration crisis on our hands." Now, the fact of the matter is – is that the number of people apprehended crossing our borders has plummeted over the course of the decade. It's far lower than it was 10 years ago.

And in terms of these unaccompanied children, we've actually systematically worked through the problem, so that the surge in June dropped in July, dropped further in August. It's now below what it was last year. But that's not the impression on people's minds. And what I want to do is, when I take executive action, I want to make sure that it's sustainable. I want to make sure –

CHUCK TODD:

But the public's not behind you, you're not taking it –

PRESIDENT OBAMA:

No, no.

CHUCK TODD:

That sounds a little bit like that you're concerned the public wouldn't support what you did

–
PRESIDENT OBAMA:

What – what I'm saying is that I'm going to act because it's the right thing for the country. But it's going to be more sustainable and more effective if the public understands what the facts are on immigration, what we've done on – on unaccompanied children, and why it's necessary.

And you know, the truth of the matter is that the politics did shift midsummer because of that problem. I want to spend some time, even as we're getting all our ducks in a row for the executive action, I also want to make sure that the public understands why we're doing this, why it's the right thing for the American people, why it's the right thing for the American economy.

CHUCK TODD:

What's the rationale for this election? I'm going to be a little cynical here. Three billion dollars, I would argue, is being decided to see if it's Harry Reid or Mitch McConnell that's in charge of gridlock in the Senate. (LAUGH) I mean, we're talking either – what's the difference between a two-seat Democratic majority and a two-seat Republican majority as far as your agenda is concerned?

PRESIDENT OBAMA:

Well, I – I'll tell you what. First of all, there's a sharp difference between the Democratic agenda and the Republican agenda. And the American people need to know that. If you – if you've got a Democratic Senate, that means bills are being introduced to raise the minimum wage. That's something Democrats support. We think America needs –

CHUCK TODD:

Is that on your desk?

PRESIDENT OBAMA:

The – I'll – I'll get to that. Equal pay for equal work. We care about that bill. Republicans, that's not their priority. We think it's important to make sure that issues like family leave and – and family-friendly policies and – and more effective childcare in place, so that – so that folks are getting help, that – young people are getting more assistance, when it comes to, paying for college educations, rebuilding our infrastructure, putting folks back to work on our roads, our bridges, all of which would boost our economy now and boost it into the future.

On all those issues, there is a sharp contrast. Now, it is true that if the House stays Republican, that it's unlikely that I get a lot of these bills to my desk. But it makes a big difference if we've got at least one branch in Congress that is presenting these ideas, making arguments.

There is, I think, hopefully, an opportunity for us to do something like tax reform next year. But is that tax reform going to be just for folks at the top? Or is it going to be tax reform that closes some corporate loopholes and gives middle class folks a break?

And – you know – I – I know that, you know, given the gridlock that we've seen over the last couple years, it's easy to say that these midterms don't matter. But the fact of the matter is that, on every issue that's important to middle class Americans, overwhelmingly, we're seeing a majority prefer the Democratic option and us having a Democratic Senate that can present those issues and put them forward, just like they did on immigration, even if the House Republicans fail to act, means that we're debating the right stuff for the country. We're debating the things that are going to help us grow.

CHUCK TODD:

This wouldn't be Meet the Press if I didn't have a chart with me. Your year of action on the State of the Union. And it's a little small here. It'll be bigger for the television.

PRESIDENT OBAMA:

Right, you're going to make it a bigger –

CHUCK TODD:

I will. Yeah, there you go. A lot not accomplished here. The one thing about in your State of the Union supporting Syrian rebels. But immigration, overhauling the tax system, raising the minimum raise. You brought up these issues yourself. That was with a Democratic Senate. So that's why you look at this. And you sit there and say, "How do things change?" And do you think your presidency is in bigger trouble than if you have a Republican Senate?

PRESIDENT OBAMA:

Well, here's the issue. I think elections matter. I think votes matter. And given the fact that the punditry overwhelmingly felt that this was going to –

CHUCK TODD:

You're overtly pointing at me.

PRESIDENT OBAMA:

That – that this was going to be a good year for Senate Republicans, because the seats that were up were in states that were tilting or significantly with – with significant Republican majorities. If we – if democrats hold the Senate, I think that should get Republicans to once again –

CHUCK TODD:

You think that sends a national message?

PRESIDENT OBAMA:

I think what it does is – is to – to send a message to Republicans that people want to get stuff done. Their – their strategy of just obstructing and saying no to every piece of legislation that might help middle class families, that might create ladders of opportunity, that that is an agenda that the American people reject.

And that then gives us room, hopefully, to find some compromises. I've – I've said this before, Chuck. You know, if you asked me back in August what I want for my birthday, I'd say, "Give me a loyal opposition that has some common sense and is willing to work on some basic issues that didn't used to be partisan issues."

It didn't use to be that building roads, bridges, improving our airports, improving our water systems, reducing traffic, those didn't used to be partisan issues. They have become partisan issues, because you've got a small portion of the Republican party that is fixated simply on dismantling government or making sure that we don't get anything done around here. And that's why elections matter.

If that approach is rejected, then you possibly have two years where we can get a whole bunch of stuff done. And the good news is that despite all that obstruction, America's made progress. You've heard me speak on the stump about this, Chuck. The fact of the matter is that on almost every economic index that you can think of, America's better off now than we were five years ago.

CHUCK TODD:

Not – not a boom yet.

PRESIDENT OBAMA:

It's not a boom.

CHUCK TODD:

Middle America's not feeling a boom.

PRESIDENT OBAMA:

Absolutely. And – and that shows that we've still got more work to do. But we've cut the deficit by more than half. We have made sure that manufacturing is stronger than it's been any time since the 1990s. We've got an auto industry that is booming.

We've got a housing industry that is recovering. We've got people's 401(k)s healthy again because of the rise in the stock market. Corporate profits have gone up. We have seen unemployment go down, not as far as it needs to, but going down. Our energy production is unparalleled.

We've never been better positioned for American leadership, economically as well as from a national security standpoint, as we are right now. The question is, do we take advantage of that? And we can take advantage of it if we can just get the Republican Party to stop tilting toward the extreme, move back towards the center, and work with Democrats not on everything. We're going to disagree on many things, but on some basic things that we know would help the American people.

CHUCK TODD:

Not surprisingly, I'm getting a little bit of hot signs. So let me get you to this last question here. I've had former aides of yours, plenty of supporters of yours, say to me, "He looks exhausted." And understandable, lot going on. This is not – been a rough year. Are you exhausted?

PRESIDENT OBAMA:

You know, I actually feel, energized about the opportunities, that we've got. There are days where I'm not getting enough sleep, because we've got a lot on our plate. You know, when you're, when you're president of the United States, you're not just dealing with the United States, as we saw during the NATO summit.

If there's a problem in Ukraine, we're the ones who are expected to mobilize the world community to isolate Russia, put pressure, support Ukrainians, and to vindicate the principles of sovereignty and territorial integrity and freedom that we stand for.

If there's a problem in the Middle East, the expectation is that we create the coalitions to deal with a problem like ISIL. If there's an issue in Africa around Ebola we need to help mobilize that public health infrastructure. And so you know, it's not just me. It's my staff also, that we're, you know, our inbox gets pretty high. I'm –

CHUCK TODD:

Do you need to rotate – do you need to rotate some fresh ideas, some new people in here?

PRESIDENT OBAMA:

Well, I – no. Actually, my – my folks are doing really well. But – but having said all that, despite all those challenges, it is invigorating to see how much U.S. leadership is still appreciated and still expected. You know, you – when I came back from Wales and I was reminded once again that not only is America the only indispensable nation.

But we perhaps have never been more indispensable. And our leadership is making a difference. And that gives you a lot of satisfaction. That keeps you getting up even if you haven't gotten as much sleep as you want.

CHUCK TODD:

I got to ask, so – so during that vacation, you made the statement on Foley. You went and golfed. Do you – do you want that back?

PRESIDENT OBAMA:

You know, it is always a challenge when you're supposed to be on vacation. Because you're followed everywhere. And part of what I'd love is a vacation from –

CHUCK TODD:

Yeah, you want to –

PRESIDENT OBAMA:

–the – the press and – and – because –

CHUCK TODD:

I promise you, 2 1/2 years, I think that happens.

PRESIDENT OBAMA:

Because the possibility of a jarring contrast given the world's news, is always – there's always going to be some tough news somewhere – is going to be there. But there's no doubt that – after having talked to the families, where it was hard for me to hold back tears listening to the pain that they were going through, after the statement that I made, that you know, I should've anticipated the optics.

You know, that's part of the job. And you know, I think everybody who knows me, including, I suspect, the press, understands that that you know, you take this stuff in. And – it – it's serious business. And – and you care about it deeply.

But part of this job is also the theatre of it. A part of it is, you know, how are you, how, how are you, well, it's not something that – that always comes naturally to me. But it matters. And I'm mindful of that. So the important thing is, in addition to that, is am I getting the policies right? Am I protecting the American people? Am I doing what's necessary?

And when it comes to the policies, when it comes to the actions we've taken, I have no higher priority than keeping the American people safe. I think I've done a very good job during the course of these last, close to six years, doing so. And I intend to continue to meet that responsibility or meet that duty, for as long as I have the privilege of holding this office.

CHUCK TODD:

Well, I think I need to pre-book you for next week, because I got another 35 questions. So with that, I'm going to leave it there, Mr. President. But thank you very much.

PRESIDENT OBAMA:

Enjoyed it. Great to see you.

Политическое интервью Б. Обамы от 11 декабря 2011.

Add CBS News on Google

On Friday, December 9, 2011, 60 Minutes correspondent Steve Kroft interviewed President Barack Obama in the Cabinet Room of the White House. The President discussed both his accomplishments and the challenges he faces as he begins his quest for reelection. Below is a transcript of that interview. The video of this interview is also available on this website.

STEVE KROFT: The speech on Tuesday in Kansas sounded very much like a campaign speech. What were you trying to get across?

PRESIDENT OBAMA: Our economy is in a transition of the sort that America's gone through maybe every 70-75 years. We went from an agriculture economy to an information, to an industrial economy during Teddy Roosevelt's period. We've now gone from an industrial to a knowledge-based, innovation society. And, you know, there are a lot of disruptions.

And the middle class in America has really taken it on the chin, during this period. They haven't seen their wages go up, they haven't seen their incomes go up. You know, women went into the workforce to try to keep family incomes up. But then that wasn't enough; they ended up getting into debt. And they're not seeing enough prospects for a future where their kids are gonna do better than they are.

Now the good news is, we can solve these problems and meet these challenges, because America, by definition, is an innovation society. We constantly remake ourselves. So there's no reason why we should not succeed in this era, just like we've succeeded in past eras. But it requires us to make some adjustments. And it requires everybody to have a fair chance, everybody to do their fair share, and rules of the road that create fair play for everybody.

And what people have been frustrated about, especially since the financial crisis, is the sense that the rules are rigged against middle-class families and those aspiring to get in the middle class. So, if we're willing to make investments in education so that everybody gets a fair chance and kids aren't coming out with \$100,000 worth of debt to go to college.

If we make sure that everybody's doing their fair share, to pay for things like infrastructure improvements in basic science and research and advanced manufacturing and innovation, we ask those who've benefited the most over the last three decades, we ask them to do a little bit more. And if we've got tough rules of the road – like the financial reform package that we passed into law last year – there's no reason why over the next five, ten years, we cannot reposition ourselves so that every single American, no matter what they look like, no matter where they come from, they can succeed. And that's my goal as President. That's what I think about every day. And that's what led me to run for president in the first place.

KROFT: Since the midterm elections, you've made an effort at bipartisanship. It hasn't worked out that way. In Kansas, you didn't mention it. And it seems to me, it appears, watching you the last month or so, that you have stopped reaching out to Republicans. That you're going on the offensive... and taking your message to the voters.

PRESIDENT OBAMA: Well, I think that when I came into office in 2008, it was my firm belief that at such an important moment in our history, there was no reason why Democrats and Republicans couldn't put some of the old ideological baggage aside and focus on common sense, what works, practical solutions to the tough problems we were facing. And I think the Republicans made a different calculation, which was, "You know what? We really screwed up the economy. Obama seems popular. Our best bet is to stand on the sidelines, because we think the economy's gonna get worse, and at some point, just blame him."

And so we haven't gotten the kind of engagement from them that I would have liked. And the best example of this was when we were negotiating around reducing the deficit. The truth is that, compared to other countries around the world, our deficit problems are completely manageable. If we had a balanced package that reforms some of our health care programs, like Medicare and Medicaid, that cuts discretionary spending, which I've already agreed to do – and we've cut a trillion dollars' worth of spending so far, and I'm willing to do more. And I've put forward specific plans to do more.

And we ended up asking the wealthiest Americans to do a little bit more in terms of taxes. Going back to rates that would still be lower than they were under Ronald Reagan, our deficit problems would be solved. And I could not get Republicans to go ahead and say, "You're right. We're gonna put country ahead of party."

Now what I've said to them is, "That deal remains on the table. My offer to cooperate on a whole range of issues remains on the table. But I can't wait, because the American people can't wait. They need help right now. " And so what we've done, since this debt ceiling debacle, is to look at every single thing I can do through executive actions to go ahead and help provide some relief to middle-class families. So helping families to take advantage of low interest rates to re-finance their homes, putting [a] couple extra thousand dollars in their pockets, helping students so that their debt burden when they come out of school is lower.

We're just gonna keep on looking for specific things that we can do without Congressional cooperation. But Steve, I would love nothing more than to have the Republicans say, "We're gonna be focused on trying to solve problems and not score political points." And the best example is the debate we're having right now around the payroll tax cut extension. This is a deal that we cut last year that every economist says we need to help sustain the recovery.

And traditionally, Republicans have tried to claim the mantle of being in favor of every tax cut. They never want to raise taxes. And yet, we have the prospect in 20-some days that 160 million Americans will see their taxes go up by an average of a thousand bucks. And yet, it's become a negotiation, where they think that in order for us to do something that's common sense and needed for our economy, that somehow they're doing me a favor. This isn't something you do for me.

We even had a Republican quoted in the newspapers yesterday, saying that "If we load up a whole bunch of additional stuff that Obama doesn't like, then maybe we'd pass the payroll tax – and the more Obama doesn't like it, the more I like it." That attitude just drives people crazy.

KROFT: But have you stopped reaching out? Have you given up on the Republicans? Have you stopped reaching out to them? Are you just out there now trying to get your message across?

PRESIDENT OBAMA: Every opportunity that I see for us to be able to actually get something done, I will seize. So we passed three trade agreements that the Republicans agreed to. And I lined up my party behind it, even though it wasn't popular in certain segments of my party. And that's a good example of any time we can see areas of potential cooperation, we want it desperately. Because my biggest incentive right now is to get this economy moving and put people back to work.

And I'll worry about the politics sometime next year. But right now, what I'm worrying about are the letters that I'm getting and the people I'm talking to every single day, who are working hard, have been working hard for five years, ten years, 20 years, and don't feel like they're getting ahead. And I want to make sure that we're doing right by them.

KROFT: There are people that think that you took a very hard line. That the Republicans weren't the only ones that were being intransigent. That . . .

PRESIDENT OBAMA: That's based off . . .

KROFT: Let's take the issue of tax reform. It seems to be an issue everybody's interested in right now. Your own Simpson-Bowles Commission, recommended a balanced approach, and they recommended big reforms in the tax system.

PRESIDENT OBAMA: All for 'em.

KROFT: Cutting the basic rates, getting rid of deductions, and making the tax form simpler. The Republicans made a couple of overtures during those negotiations to raise revenues. And you didn't...

PRESIDENT OBAMA: No, Steve. Steve, that's just not the case. What happened was that they made overtures, where they were willing to raise about \$200 billion in exchange for \$2 trillion or so worth of cuts of core programs like Medicare that seniors depend on for their security in their golden years. And what I said to them was, "A balanced approach means exactly what it says. It means it's balanced." I would love to see tax reform. And if we can get a commitment from the Republicans that they want to work on a serious tax reform package that makes sure that the wealthiest Americans are paying their fair share, that is simplifying the tax code, that is lowering rates, but by broadening the base, that's something I'm all for. It's part of my plan. But what we haven't seen is any serious movement on the other side. Let's take another example...

KROFT: Well, they say they're ready to do it. They say it's your insistence on raising the taxes to the wealthiest Americans, that you're fixated on that. And that there are other ways to raise revenue.

PRESIDENT OBAMA: Steve, the math is the math. You can't lower rates and raise revenue, unless you're getting revenue from someplace else. Now, either it's coming from middle-class families or poor families or it's coming from folks like you and me that can afford to pay a little more. I mean, I think the average American understands that.

KROFT: The argument has been that if you reform the deduction process...

PRESIDENT OBAMA: The deductions mean home mortgages for middle-class families. The deductions mean things that a lot of people of modest means rely on. Now we can have a discussion about potentially reforming some of those deductions, but you can't get away from the basic concept that either we have a system in which the people who have benefited the most from this new economy – by a magnitude of 200%-300% increases in their income. Either they're doing a little bit more or they're not.

I think they should. And this is not because I'm interested in punishing the rich. I want everybody to be rich, that's great. It has to do with the fact that the less I'm asking you or me to do, the more I'm asking somebody who's in a much tougher position to sacrifice. And that is basic math. I want to be very clear here, Steve. Democrats have moved significantly on a whole range of issues, in part, because of my leadership.

I went out there in August and I said, "We should take on entitlement reform," despite the fact that there were a lot of people in my party who felt that, "You know what, this is something we should preserve and we can beat Republicans over the head as trying to weaken Social Security and Medicare and Medicaid." And I said, "You know what? These are long-term programs that

we need to fix. We need to make sure that they're sustainable for the future so that the next generation of seniors have them."

But in order to do that, we've got to start reducing health care costs. And I took a lot of heat for it. We haven't seen the equivalent willingness on the other side. And the bottom line is this: If there is a serious proposal out there that's balanced, I want to seize it. And I'm ready tomorrow to sign a bill that's balanced.

KROFT: Look, you gave up a lot. You said you wanted a balanced approach. You didn't get it. You cut a trillion dollars and set up the framework to cut another trillion plus and the Republicans gave up nothing. I mean, there are people in your own party who think that you were outmaneuvered. That you were stared down by [House Speaker] John Boehner and [Republican lobbyist] Grover Norquist and capitulated.

PRESIDENT OBAMA: Right. Steve, you've got to get your story straight, though. The first argument was that I don't compromise at all. Now you're saying I gave up too much.

KROFT: It seems to be all the compromising is being done by you.

PRESIDENT OBAMA: Both stories can't be true. Right? So I think what you'll see is that we were willing to make some tough cuts on programs, some of which I like and would like to see in place. But we can't afford them right now. So yes, we made some tough cuts. But that trillion dollars' worth of cuts were cuts that we had helped identify, that we were willing and prepared to make anyway.

And we did so partly because we think it is important to send a strong signal that we're serious about deficit reduction. But also because, in order for us to free up resources to do the things that will help us win the future – like making sure, for example, that students have an easier time financing college – it means we've got to get rid of some programs that don't work.

So, I've got no problem with that. What is going to really solve the deficit over the long term and not just the short term, [is if] we Democrats to agree to make some modifications on entitlements so that they're sustainable and stronger over the long term. And it requires Republicans to get off the dime when it comes to revenues. And to make sure that everybody's doing their fair share. And if we do that, we can solve this problem.

KROFT: We have a new CBS poll, which is out this weekend. And I'll give you the news that's good for you first: People like you. They respect you. They think that you're working hard. And they realize that you faced an enormous amount of trouble and problems, many of them inherited. And your approval rating is four times higher than the Congress.

PRESIDENT OBAMA: That's a low bar, I gather.

KROFT: But they're not happy with the way you're doing your job. You've got 75% of the people in the country think it's headed in the wrong direction, 75%. And 54% don't think that you deserve to be reelected. I mean, those are not good numbers with 11 months to go before the election.

PRESIDENT OBAMA: Well look, we've gone through an incredibly difficult time in this country. And I would be surprised if the American people felt satisfied right now. They shouldn't feel satisfied. We've got a lot more work to do in order to get this country and the economy moving in a way that benefits everybody, as opposed to just a few.

And we didn't get into these problems overnight. We're not gonna get out of them overnight. And as long as I'm President, I'm gonna be held responsible, in some fashion, to fix the problem. And, you know, that is why I don't spend a lot of time worrying about polls. I spend a lot of time worrying about, "Are the steps that we're taking the right ones, in order to get a better result for ordinary families who are working hard?"

I think when it comes to election time, what the American people are gonna be asked is: Does the vision I'm putting forward have a better chance of succeeding than the vision that the other side is putting forward? And it becomes a choice. And I'm very confident that the choice is one that we can win. Because I think our ideas are better. And I say that not because of personal ambition, it's because I think that this country has to move in a direction that builds from the bottom up, an economy where everybody has a chance to succeed.

And the only way we're gonna do that is to improve our education system, make investments in infrastructure, roads, bridges, broadband lines, basic research, increase the number of engineers we've got, number of scientists that we have, encourage entrepreneurship – all the things that I've been talking about over the last several years.

And what we're not gonna succeed in doing is somehow creating a you're-on-your-own economy, in which just a handful of people are succeeding and the expectation is somehow those benefits are gonna trickle down to everybody. It hasn't worked. It hasn't worked in the past, it's not gonna work in the future.

KROFT: You've talked a lot about the Republican intransigence. Isn't it your job as President to find solutions to these problems, to get results, to figure out a way to get it done?

PRESIDENT OBAMA: It is my job to put forward a vision of the country that benefits the vast majority of Americans. It is my job to make sure that my party is behind those initiatives, even if sometimes it's breaking some china and going against some of the dogmas of our party in the past. We've done that on things like education reform. And it's my job to rally the American people around that vision.

And on all three fronts, we've been able to do that. If I can't get Republicans to move, partly because they've made a political, strategic decision that says, "Anything Obama's for, we're against, because that's our best chance of winning an election," I don't think the American people would see that as a failure on my part. My preference is that they'd have a different attitude. You know, I've been joking with my staff lately that I think in my next speech, I am gonna say, "I am adamantly opposed to investing in education and putting teachers in the classroom. I'm adamantly opposed to rebuilding America and putting construction workers back to work." And I'm thinking maybe suddenly Republicans might be for it. But, you know, keep in mind, I'm talking about Republican members of Congress. I'm not talking about Republicans around the country.

KROFT: They don't like you much better. It's only 7% approval rating.

PRESIDENT OBAMA: Yeah, no, I understand. But I think that they like the ideas that we put forward. I mean, the interesting thing is the majority of Republicans actually think we should have a balanced approach to deficit reduction, including tax increases for the wealthy. The majority of Republicans do think that we should make investments in roads and bridges and improving our airports and investing in basic research and medical research.

So if you take my name out of it and just look at the ideas that we've been presenting, these are common sense, mainstream ideas that Republican presidents in the past have supported. And that, by the way, includes a health care plan that a certain Republican governor in the past has supported.

KROFT: Fifty-one percent don't like yours.

PRESIDENT OBAMA: Yeah.

KROFT: You say that you rallied the country, but these poll numbers show otherwise. They show that 75% thinks the country's on the wrong track. And it shows that actually 54% don't feel that you have the same priorities as they do.

PRESIDENT OBAMA: Steve, here's the thing. As long as [the] unemployment rate is too high and people are feeling under the gun – day in, day out – because their bills are going up and their wages and incomes aren't, or they're out of a job, they're gonna feel unsatisfied. I mean, there's no secret to this.

KROFT: No question about it.

PRESIDENT OBAMA: And the fact of the matter is that if unemployment was at 5% right now, I suspect all those numbers would be pretty different.

KROFT: It's not.

PRESIDENT OBAMA: Well, and that's the point. So all I can worry about is making sure that every single day, the steps I'm taking, I believe, are advancing an agenda that leads to America's success over the long term. And until you actually see results, people are gonna continue to be frustrated. If the results begin to come, then I think we'll do very well.

KROFT: With the unemployment [rate at] 8.6 [percent], you still got soft consumer demand. You've got no business investment, there's still a fairly steady downturn in housing prices. Do you know something that these 29% don't know? I mean, do you see some hope? Do you think that things are gonna get better? Do you think that you might have the unemployment rate down to 8% by the time the election rolls around?

PRESIDENT OBAMA: I think it's possible. But, you know, I'm not in the job of prognosticating on the economy. I'm in the job of putting in place the tools that allow the economy to thrive and Americans to succeed. And keep in mind that when I came into office, it turns out that in the three months before I was sworn in, the economy had contracted by 9%. Almost unprecedented, certainly since the 1930s. We lost four million jobs before I was sworn in and another four million jobs in three months after I was sworn in, but before any of our economic policies had a chance to take effect. Eight million jobs were gone. And things were cratering.

Six months later, the economy was growing again. And we've now had nine consecutive quarters, two and a half years, in which the economy's grown. About nine months later, we were creating jobs again. And we've had 21 consecutive months of private sector job growth. So, does that make people feel better? No. You know, we did all the right things to prevent a great depression and to get the economy growing again and to get job creation going again.

But it hasn't made up for the hole that was created in those six, nine, 12 months before my economic policies took effect. Now the second challenge, though, is a set of structural problems in the economy that date back ten years, 15 years – where wages and incomes haven't been going up – that were papered over because the housing bubble was going on and people could borrow from their homes and use credit cards.

And so they could keep up their standard of living, even though the underlying economy was going through profound changes and weakening. We have two challenges: Number one is recovering what was lost during the financial crisis. But the second problem is dealing with those long-term structural problems. That's gonna take some time. And, you know, sometimes when I'm talking to my team, I describe us as, you know, I'm the captain and they're the crew on a ship, going through really bad storms. And no matter how well we're steering the ship, if the boat's rocking back and forth and people are getting sick and, you know, they're being buffeted by the winds and the rain and, you know, at a certain point, if you're asking, "Are you enjoying the ride right now?" Folks are gonna say, "No." And [if you] say, "Do you think the captain's doing a good job?" People are gonna say, "You know what? A good captain would have had us in some smooth waters and sunny skies, at this point." And I don't control the weather. What I can control are the policies we're putting in place to make a difference in people's lives.

KROFT: I'm not saying this as fact, and hindsight is always 20-20. But there's [a] general perception that the stimulus was not enough. That it really didn't work. That...

PRESIDENT OBAMA: Let me stop you there, Steve. First of all, there's not general perception that the stimulus didn't work. You've got John McCain's former economist and a whole series of prominent economists, who say that it created or saved three millions jobs and prevented us from going into a great depression. That works.

So that's not true. It is true that some people have argued, given the magnitude of the crisis we were in, we should have done an even larger Recovery Act. And then I'm bumping up against the realities of Congress, which is this Recovery Act was twice as large as most people thought was even possible. And yet, because the problem was so big, you can make an argument that it might have been larger.

There are some people who argue, "Well, you could have done a different mix." Well, a third of this was tax cuts to the American people, putting more money into their pockets. And I suspect the average American who was spending that money probably thought that was a pretty good use of Recovery Act dollars. A third of it was helping states make sure that we're not laying off teachers and firefighters and police officers.

And by the way, as that money has run out, our biggest problem right now, in terms of job loss, is actually precisely those folks whose jobs we saved during the Recovery Act, now being

laid off because states and local governments have seen the difficulties of managing their budgets in the face of these difficult economic times. So we made the right moves, even when they were politically difficult.

Our intervention in the auto industry probably saved about a million jobs. And, by the way, taxpayers have been paid back a big chunk of the money, much faster than anybody anticipated. And we're now competing with other automakers from other countries in ways that we hadn't seen before. But it's not enough. And the recurring challenge here, Steve, is always gonna be, even if we've done the right things, if people's reality right now is still difficult, they're gonna be frustrated. And they should, because I'm frustrated. The question in the election...

KROFT: And they hold you equally accountable with the Congress.

PRESIDENT OBAMA: And the question next year is gonna be – and this is how democracy's supposed to work – do they see a more compelling vision coming out from the other side? Do they think that cutting taxes further, including on the wealthy, cutting taxes on corporations, gutting regulations. Do we think that that is gonna be somehow more successful? Rolling back Wall Street reform? You know, rolling back clean air and clean water laws?

And if the American people think that that's a recipe for success and a majority are persuaded by that, then I'm gonna lose. But I don't think that's where the American people are gonna go, because I don't think the American people believe that, based on what they've seen before, that's gonna work.

KROFT: I mean, nobody, if you look at the poll numbers, nobody's particularly happy with you. Certainly not the Republicans, not the Democrats, either. I mean, you've got like 19% don't think that you deserve to be reelected. But the biggest problem seems to be with the independents, who played such a big role in your last election. Right now, you've only got 37% believing that you deserve to be reelected. And 55% of the independents don't think you deserve to be reelected. How can you change that? How do you explain it? You think this is just the economy?

PRESIDENT OBAMA: Absolutely, it's just the economy. I think, you know, if you ask people, "Have we done the right moves in a difficult situation around foreign policy? Have we gone after al Qaeda? Have we ended the war in Iraq, as promised? Have we prepared for a responsible transition in Afghanistan? Have we restored respect around the world?" If you ask them how we've performed on things that don't have to do with the economy and don't have to do with Congress, they'll give me high grades, right? So yes, it has to do with the economy. And there's nothing wrong with the American people holding me accountable, holding Congress accountable. I want that accountability.

But what I think is gonna be important, not just next year, but over the next five years, is the American people looking at the choices we face, because we are at a crossroads. And determining, do we want a society in which we have a tax code where everybody's paying their fair share? Do we want a society in which we're making sure that young people have the chance to get a great education with excellent teachers and are able to go to college without incurring huge debt? Do we want a society in which we've still got, you know, the best science and the best research in the world, and the most innovative entrepreneurs in the world? Or do we think that an economy in which you're on your own and big corporations can write their own rules and we're gutting regulations... Which one is more likely to help middle-class families and people trying to get in the middle class?

And that's the question that people are gonna be presented with. And I welcome that debate. I think it's a healthy debate for the country to have. And I think it's a debate we can win. Because I am absolutely convinced that the vision I'm presenting is one that is true to the history of this country. And that's part of what I was talking about in this Kansas speech. It's true to the notion that we rise or fall together. And that, you know, when we are firing on all cylinders, because the guy on the factory floor and the guy on the executive suite are both doing well and they're both focused on making great American products and providing great American services and exporting around the world... That's the recipe for success that I think the American people are hungry for. It's just, right now, they haven't seen enough of it yet.

KROFT: You definitely have some impressive accomplishments.

PRESIDENT OBAMA: Thank you, Steve.

KROFT: No, you do. And more than a lot of presidents who manage to get reelected. My question is, is it enough? Why do you think you deserve to be reelected?

PRESIDENT OBAMA: I think under some extraordinary circumstances, we not only saved the country from a potential disaster – not only did we manage our national security at a time where there were severe threats and two wars going on, in a way that has made America stronger and more respected and put us in a better strategic position around the world and almost decimated our number one enemy, which is al Qaeda – but what I've also been able to do is to, in very practical ways, put in place a series of steps that will allow middle-class families and those trying to get in the middle class to take back some of what they've lost over the last couple of years. Now, we're not there yet, but what I can say unequivocally is that everything I've done, every single day, and everything I will do as long as I'm in this office is designed to make sure that every kid in America has the same opportunities that I had.

Because I didn't come from privilege. I've said before and I mean this – this is the only country on Earth where my story is possible. And if I, as the child of a single mom, raised by a couple of grandparents – one of whom would never have got more than a high school degree, the other of whom got some college because of the G.I. Bill – was able to succeed. And my wife, who was the daughter of a blue-collar worker and a secretary was able to become First Lady of the United States.

I want to make sure that that continues to be true for every child born in this country. And I don't think there's gonna be anybody out there who feels that more passionately or more personally, and who's gonna fight harder for those families, because they're my family. And they're my family's family. And they're Michelle's family. And ultimately, I think that the American people, as frustrated as they are, are gonna say to themselves, "You know what? This guy's on our side. He's fighting for us." Because I am.

KROFT: Look, political campaigns are hard, being president's hard. Even among some of your supporters, strongest supporters, there is a sense, a little sense of disappointment. That they thought that you were gonna be bolder. That you were gonna take more steps. That you were gonna work outside the box, so to speak. Be a little unconventional. And they think you've been too cautious. That you've just kind of played it by the numbers.

PRESIDENT OBAMA: That's opposed to my critics, who think I've been this radical socialist. Look, Steve, you know, there was actually a good article written a while back, taking a look at the old press clips from every Democratic president, dating back to Franklin Roosevelt, including Roosevelt. And, you know, nobody was happy with them. Nobody was happy with them. You know?

Bill Clinton, who's beloved by the Democratic Party, at this point – and I consider to be an extraordinarily successful president – you look at his old press clippings, he was getting beat up with some of the same stuff I was getting beat up with.

Harry Truman, now lionized, you know? "Give 'em hell, Harry." At the time, everybody was calling him a complete and utter disaster. F.D.R., people, for the first couple of years of his presidency, were saying, "What he's doing's not working." You know? He was being called a radical by the business community. He was being called a sellout by the left.

So this all comes with the territory, but this isn't about me. This isn't about me. You're absolutely right that if my goal was to maintain the extraordinary popularity that I had right after I made my convention speech in 2004, then I would have never left the Senate. I would have been sitting on 70% approval ratings. I wouldn't have been leading this country, but people would be really attracted, because I wouldn't have had to make any choices and make any decisions and exercise any responsibility.

I took a different path. And as Michelle reminds me, "You volunteered for this thing." So I don't spend a lot of time worrying about the criticisms day to day. What I do spend time worrying about is making sure that we're getting the policies right that will help people succeed, and give

Americans the tools they have to navigate a new economy that is global, that is skills based, that is knowledge based. And we're doing that.

KROFT: Have you and Michelle ever had a conversation about whether you should really seek a second term? Have there been any doubts in your mind about not running again?

PRESIDENT OBAMA: No. Not because our quality of life might not be better if I were not president. Not because Michelle is so enamored with me being President. But because we both think that what we're doing is really important for a lot of people out there. And we meet people every day, who tell us it's important. You know, it's interesting, there was a letter in...

KROFT: Well, you do have 44% approval rating.

PRESIDENT OBAMA: Well, there are a lot of people around the country. I was thinking in more personal terms. There was a letter recently in the Los Angeles Times from a disillusioned Obama supporter, who was extraordinarily frustrated that I'd compromised over and over again. And the health care bill was a perfect example of compromise. We didn't get the public option, you know? We trimmed our sails.

KROFT: Well, a lot of Democrats feel that way.

PRESIDENT OBAMA: And then this person had gotten sick. And because of the health care bill, they had health care. And the person wrote to the Los Angeles Times saying, "Since this health care bill saved my life, maybe I have a slightly different attitude about these things." And the point is that every day I'm meeting people, you know, young people who because we increased the Pell Grant and we stopped subsidizing banks in the student loan program and sent more money to kids, they're able to go to college.

And every day we're meeting a military family who says, "You know what? Because you reformed how the V.A. is doing business, or because of Michelle's efforts in supporting us, things are a little easier, given all the sacrifices we've made." Or we've got Mom, who's writing back, saying, "You know what? My son just came back from Iraq. Thanks for keeping your promise." And so, that's why I don't have doubts, because those people tell me that in steady steps, not always as fast as I would like, we're moving this country in the right direction.

KROFT: One of the things that surprised me the most about this poll is that 42%, when asked who your policies favor the most, 42% said Wall Street. Only 35% said average Americans. My suspicion is some of that may have to do with the fact that there's not been any prosecutions, criminal prosecutions, of people on Wall Street. And that the civil charges that have been brought have often resulted in what many people think have been slap on the wrists, fines. "Cost of doing business," I think you called it in the Kansas speech. Are you disappointed by that?

PRESIDENT OBAMA: Well, I think you're absolutely right in your interpretation. And, you know, I can't, as President of the United States, comment on the decisions about particular prosecutions. That's the job of the Justice Department. And we keep those things separate, so that there's no political influence on decisions made by professional prosecutors. I can tell you, just from 40,000 feet, that some of the most damaging behavior on Wall Street, in some cases, some of the least ethical behavior on Wall Street, wasn't illegal.

That's exactly why we had to change the laws. And that's why we put in place the toughest financial reform package since F.D.R. and the Great Depression. And that law is not yet fully implemented, but already what we're doing is we've said to banks, "You know what? You can't take wild risks with other people's money. You can't expect a taxpayer bailout. We're gonna ask you to set up a living will, so that if you are going down, we've already figured how to break it up, without harming the rest of the economy."

So all those pieces are starting to be put in place right now. This is an example of where the resistance that we're getting out of congressional Republicans makes absolutely no sense. I mean, here we've got a situation where we set up a director of the Consumer Finance Protection Bureau. A consumer watchdog, whose sole job it is to look out for ordinary folks, when they're dealing with mortgage brokers or payday lenders or debt collectors, so that they're not paying 400% interest or they're not signing a mortgage that they don't understand and lose their home after having paid for a year, because they were in over their heads.

By the way, armed service members are some of the folks most likely to be affected by this. And the guy we nominated is uniformly considered qualified. Richard Cordray from Ohio, former attorney general, former treasurer. Democratic and Republican attorney generals say this is the right guy for the job. We can't get him through. That's the kind of stuff that drives the American people nuts.

Now if you ask them, whose fault is that? They'll say everybody. You know? It's sort of a plague on all your houses. Because this place looks dysfunctional. And I understand that. But what I'm gonna do is, I'm just gonna keep on pushing and we're gonna find ways to get this guy in place to protect the American people, because it's the right thing to do.

KROFT: I'm sure your poll numbers will probably automatically go up as soon as there is a Republican candidate in the race. I mean, that's normal. I mean, you're being judged now on your performance.

PRESIDENT OBAMA: No, no, no. I'm being judged against the ideal. And, you know, [Vice President] Joe Biden has a good expression. He says, "Don't judge me against the Almighty, judge me against the alternative."

KROFT: You've spent a lot of time – your staff and the Democratic National Committee – going after Mitt Romney, but the person that now seems to be definitely on the move is [former House Speaker] Newt Gingrich.

PRESIDENT OBAMA: Well, first of all, we haven't spent a lot of money going after anybody. We've spent a lot of money building grassroots support and rebuilding the incredible infrastructure we had back in 2008. But I'll tell you, Steve, whoever the Republican nominee is, they all seem to have the same philosophy.

You were talking earlier about whether or not I was willing to compromise, because Republicans seemed prepared to compromise on deficit reduction. They had a debate, in which all of them who were on stage were asked, "Would you be willing to take a deal to reduce our deficit that involved \$10 of spending cuts for every dollar of revenue increases?" And none of them raised their hands. None of them raised their hands.

Now think about that. So, it doesn't really matter who the nominee is gonna be. The core philosophy that they're expressing is the same. And the contrast in visions between where I want to take the country and where they say they want to take the country is gonna be stark. And the American people are gonna have a good choice and it's gonna be a good debate.

KROFT: What do you make of this surge by former Speaker Gingrich?

PRESIDENT OBAMA: Look, he's somebody who's been around a long time. And is good on TV, is good in debates. But Mitt Romney has shown himself to be somebody who's good at politics, as well. He's had a lot of practice at it. And so, you know, I think that they will be going at it for a while. But, you know, I think having gone through the longest primary, I think, in the history of modern American politics, I can tell you that there are always a lot of twists and turns and ups and downs. And so I don't spend time worrying about what's happening with the Republicans on a day-to-day basis and fluctuations in poll numbers. When the Republican Party has decided who its nominee is gonna be, then we'll have plenty of time to worry about it.

KROFT: There is this appearance that you did not really engage yourself during the deficit reduction negotiations that were taking place with the [Joint] Special [Committee on Deficit Reduction].

PRESIDENT OBAMA: Well, we, before they even met, we put out a very specific plan. "Here's how to get, not just \$1.2 or \$1.5 trillion of deficit reduction. Here's how we can get \$3.5 trillion of deficit reduction. This would actually stabilize our debt. Here's our plan. Very detailed. Here's how you do it." And then what we said was, "Any kind of help you guys need. Any advice, any consultation that you want to engage with the White House on, we're there." But what we heard from both Democrats and Republicans, who were on the super committee was it wouldn't necessarily be helpful for me to interject myself into the debate, precisely because of the dynamic in the Republican Party right now. Which is, if I'm for it, it's very hard for Republicans to be for

it, as well. They've gotta be against it. And so the thinking here was what we didn't want to do is create a dynamic where actually solving the problem would be considered an Obama victory that would help him somehow in 2012. We wanted to make sure that if they were able to do it in a way that was unencumbered by politics, that we were fully supportive of that.

KROFT: Four years ago, Springfield, cold...

PRESIDENT OBAMA: It was freezing.

KROFT: You declared your candidacy. And you said, "The reason we've not met our challenges is a failure of leadership, the smallness of our politics, the ease with which we're distracted by the petty and the trivial, our chronic avoidance of tough decisions, our preference for scoring cheap political points instead of rolling up our sleeves and building a working consensus to take on big problems." And those were eloquent words and true words. Unfortunately, they're still largely true today. Did you overpromise? Did you underestimate how difficult this was gonna be?

PRESIDENT OBAMA: I didn't overpromise. And I didn't underestimate how tough this was gonna be. I always believed that this was a long-term project; this wasn't a short-term project. And, you know, for individual Americans, who are struggling right now, they have every reason to be impatient. They should want all these things solved tomorrow. It doesn't matter how good my economic theories are. If you don't have a job right now, the only economic policy you want to hear is, "I'm hired. I've got a job. I can pay my bills. I can look after my family."

But what I understood coming in was that reversing a culture here in Washington, dominated by special interests, reversing a political culture that was dominated by polls and sound bites and [a] 24-hour news cycle, reversing structural problems in our economy that have been building up for two decades, that was gonna take time. It was gonna take more than a year. It was gonna take more than two years. It was gonna take more than one term. Probably takes more than one president.

So I try to keep in mind the immediate challenges in front of me, day in and day out. How do I put people back to work and put steps in place that can help people get in the middle class and stay in the middle class? But then I also gotta take a long view and say, you know, "How are we doing in moving this big aircraft carrier a few degrees to the left then or a few degrees to the right so that we're getting to the place where we need to go?"

And – here's the good news. You know, America usually gets there. We do it in fits and turns, but we usually get there. You know, when I was dedicating the memorial to Dr. King, I reminded people, we had a couple hundred years of slavery, and a civil war, and segregation. And it wasn't until 1954 that Brown vs. Board of Education was issued, after enormous battles, generations of freedom fighters. And then it took another ten years before legislation was passed in Congress that could actually give effect to Brown vs. Board of Education, through the Voting Rights Act and the Civil Rights Act. Then it took another ten years of enforcement before you actually started to see real differences in people's day-to-day lives. Then it took another ten years before, you know, both the economic and the political advancement of African Americans occurred. And we're still not there yet.

Well, that's true of everything we do. That's true of the ability of working people to get a foothold in this new global economy. It's true of us making sure that we're cleaning up our environment, but also doing it in a way that encourages economic growth as opposed to discourages it. It's true of fixing our education system, so that every kid is learning what they need to. You know?

These are things that take time. And so we're just gonna keep on plugging away. The one thing I've prided myself on before I was President – and it turns out that continues to be true as President – I'm a persistent son of a gun. I just stay at it. And I'm just gonna keep on staying at it, as long as I'm in this office. And we're gonna get it right. And America will succeed. I am absolutely confident about that.

KROFT: Tell me, what do you consider your major accomplishments? If this is your last speech. What have you accomplished?

PRESIDENT OBAMA: Well, we're not done yet. I've got five more years of stuff to do. But not only saving this country from a great depression. Not only saving the auto industry. But putting in place a system in which we're gonna start lowering health care costs and you're never gonna go bankrupt because you get sick or somebody in your family gets sick. Making sure that we have reformed the financial system, so we never again have taxpayer-funded bailouts, and the system is more stable and secure. Making sure that we've got millions of kids out here who are able to go to college because we've expanded student loans and made college more affordable. Ending Don't Ask, Don't Tell. Decimating al Qaeda, including Bin Laden being taken off the field. Restoring America's respect around the world.

The issue here is not gonna be a list of accomplishments. As you said yourself, Steve, you know, I would put our legislative and foreign policy accomplishments in our first two years against any president – with the possible exceptions of Johnson, F.D.R., and Lincoln – just in terms of what we've gotten done in modern history. But, you know, but when it comes to the economy, we've got a lot more work to do. And we're gonna keep on at it.